

X⁴
У-91

Ж/2

ТИЛНИҢ, ЛИТЕРАТУРАНЫҢ ПАЗА ИСТОРИЯНЫҢ
ХАКАС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАИ ИНСТИТУДУ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

**ЎГРЕДИГЛИГ
ПІЧІКТЕР
XIV
УЧЁНЫЕ
ЗАПИСКИ**

АБАКАН — 1970

**ХАКАССКИЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ**

ТІЛНІҢ, ЛИТЕРАТУРАНЫҢ ПАЗА ИСТОРИЯНЫҢ
ХАКАС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ИНСТИТУДА

ЎГРЕДІГЛІГ

ПІЧІКТЕР

Сыхча XIV

Филология сериясы

№ 1

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск XIV

Серия филологическая

№ 1

Хакасская областная
БИБЛИОТЕКА

Печатается по постановлению
Ученого Совета Хакасского
НИИЯЛИ

Редакционная кол-
легия «Ученых записок»:

С. П. Ултургашев (главный редактор), *К. Г. Кокосов* (секретарь), *К. Ф. Антошин*, *В. А. Асочаков*, *В. Г. Карпов*, *Д. Ф. Патачакова*, *П. А. Трояков*, *М. А. Унзвицкая*.

Редакционная кол-
легия выпуска:

Д. Ф. Патачакова (отв. редактор), *П. А. Трояков* (зам. отв. редактора), *К. Ф. Антошин*, *М. И. Боргояков*, *В. Г. Карпов*, *В. Е. Мийнагишева*, *Л. С. Торопова*.

Коллектив авторов

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ, XIV, вып.

Редактор *Д. Патачакова*.
Тех. редактор *А. Самрина*.
Корректор *В. Воронцова*.

Слано в набор 23/Х-1969 г.
Подписано к печати 10/IX-1970 г.

Формат бумаги 60×84 1/4.

Бумага типографская № 3.

Заказ 4763. Тираж 500.

Объем 12,3 печ. л./Уч.-изд. л. 11,49. Авт. л. 11,22.

Цена 80 коп. АЧ60227

Хакасский научно-исследовательский институт.
г. Абакан, ул. Шетинкина, 23.

Хакасская областная типография, г. Абакан, Хакасская, 56.

Д. Ф. ПАТАЧАКОВА, кандидат
филологических наук.

ПАРНО-СОЧЕТАЮЩИЕСЯ СЛОВА В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Способ словообразования путем сочетания семантически однородных слов широко известен в тюркских языках. Достаточно освещен этот вопрос и в тюркологической литературе.¹ Рассматривая тему парных словосочетаний на хакасском материале, автор ставил своей целью, во-первых, дать дополнительный материал для историко-сравнительного изучения тюркских языков, во-вторых, и главным образом, для решения практических вопросов, связанных с общим развитием, с установлением лексико-грамматических и орфографических норм хакасского литературного языка.

В практике преподавания хакасского языка в школе, в педагогических училище и институте парно-сочетающиеся слова не выделяются из среды других типов сложных слов, называемых хадыл сөстөр.² Впервые парно-сочетающиеся слова в хакасском языке выделены в особую группу сложных слов и подразделены на «парно-повторные усилительные слова» и «парно-собирательные слова» с небольшим иллюстративным материалом в очерке «Хакасский язык», приложенном к хакасско-русскому словарю.³ Поскольку не выделялись сами парно-сочета-

¹ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, М., 1962, стр. 133—151; М. Е. Убрятова. Парные слова в якутском языке, Сб. «Язык и мышление», XI, 1948, стр. 296—328; Р. А. Аганин. Повторы и однородные сочетания в современном турецком языке, М., 1959.

² Н. Г. Доможаков, Л. Г. Чанкова. Хакас тілінің учебнигі, 1 ч. Фонетика жана морфология, Абакан, 1963, стр. 39.; Д. Ф. Патачакова, Хакас тілі. 1 ч., Педагогической училище учебник, Абакан, 1962, стр. 84.

³ Н. А. Баскаков, А. И. Инжижекова-Грескул. Хакасско-русский словарь, М., 1953, стр. 399.

ющиеся слова, то, естественно, не было и термина для их обозначения на хакасском языке. Сочетание слов *хос сѳстер* (букв. парные слова) или *хос хадыл сѳстер* (парные сложные слова),⁴ предложенные автором, практически еще не вошли в фонд хакасской лингвистической терминологии.

Образование парно-сочетающихся слов в современном хакасском языке очень продуктивно. Употребление их стилистически не ограничено. В равной мере парно-сочетающиеся слова встречаются в устной диалектной речи, в устной и письменной формах речи литературного языка, в произведениях художественной литературы, языке печати и публицистике, а также фольклора.

Структурно парно-сочетающиеся слова хакасского языка не отличаются от подобных слов других тюркских языков. Компоненты их могут быть однозначными, т. е. повторением одного и того же слова (*чоон-чоон* 'толстые-толстые'), однородными или синонимичными (*хол-азах* 'конечности' из *хол* 'рука' и *азах* 'нога') и противопоставленными (*аар-пеер* 'туда-сюда', *анда-мында* 'всюду' из *анда* 'там', *мында* 'здесь').

В указанного типа парно-сочетающихся словах компонентами обычно выступают лексически полнозначные слова. Однако не исключается и такой факт, когда одно из сочетающихся слов самостоятельно не функционирует. Возьмем такие примеры: *хурт-хоос* 'насекомые' и *иркем-кинчем* (форма обращения к младшему). Слова *хурт* и *иркем* могут употребляться самостоятельно со значениями 'червь' и 'милый мой', 'ласковый мой'. А *хоос* из древнетюркского *qoluz*⁵ сохранилось лишь в указанном выше парном сочетании и в определительном словосочетании *хара хоос* 'жук', как отдельное слово оно не бытует.

В отдельных парных сочетаниях вторые компоненты выступают как своеобразные звуковые копии первых. Например, *хыйыр-хойыр* 'кривой', *иргі-хургу* 'старье', *хатыг-хутуг* 'объедки', где *хыйыр* есть 'кривой', *иргі* 'старый', *хатыг* 'твердый', а *хойыр*, *хургу*, *хутуг* — лишь звуковые слепки первых.

Хакасско-монгольские, хакасско-тюркские (древнетюркские и современные), а затем хакасско-русские парные сочетания свидетельствуют о том, что подобный способ словообразования

⁴ Д. Ф. Патачакова. *Хадыл сѳстер*. см. «Хакас тіліненер наза литература данар», Абакан, 1967, стр. 84—90.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.-Л., 1951, стр. 414.

был продуктивным во все времена развития и формирования современного хакасского языка. Этот способ умело используется практиками для обогащения словаря литературного языка. Спариваются слова, взятые из разных диалектов, а также хакасские и русские:

а) **ыр-сарын** 'песня' из качинского **ыр** и сагайского **сарын** с одним и тем же значением 'песня', **хабар-тылаас** 'весть, новость', **ілгөр-тасхах** 'полка для посуды', **чөскін-сүскін** 'бродяга' и т. д., где первые являются качинскими, вторые — сагайскими словами с одними и теми же значениями, приобретенными парно-со-
четающимися словами;

б) **көгенек-ыстан** 'верхняя легкая одежда' из хакасского **көгенек** 'платье', 'рубашка' и заимствованного **штаны**, **чарба-лапша** 'крупяные изделия' (**чарба** 'крупя'), **чей-сахар** 'кондитерские изделия', **книга-тетрадь** 'учебная литература' и т. д.

Структурно и семантически парно-сочетающиеся слова в хакасском языке можно подразделить на несколько групп:

- 1 парно-повторяющиеся слова,
- 2 парно-однородные слова,
- 3 парно-противопоставленные слова,
- 4 парно-звукоподражательные слова.

Парно-повторяющиеся слова

Парно-повторяющиеся слова образуются путем повторения одной и той же основы. Например, **пара-пара** от **пар** 'идти туда', **хати-хати** 'несколько раз', 'снова и снова' от **хати** (хата- 'повторять', **чиит-чиит** (кiзiлep) 'и все молодые' от **чиит** 'молодой'.

Повторение одного и того же слова требуется в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть или выделить какое-либо определенное качество предмета, обратить внимание на характер протекаемого действия. Приведем примеры во фразах, взятых из разных источников:

Сіліг-сіліг чахаяхтар чазыда көлбейіс турчалар (*уст. речь*) 'Цветы, одни красивее другого, важно покачиваются в поле'.

Пөзік-пөзік агастарны талли көріп, иб кизерге изептеп, пастыр чөрче чиит оол (*уст. речь*) 'Взглядом выбирая более стройные, высокие деревья, молодой парень размышляет о строительстве дома'.

Хайдаг-хайдаг полцаң тадарларның ондайлары, анзын ипчи

кізі пілбесен (*Н. Доможаков*, «Ыраххы аалда») 'Какими они бывают обычно у хакасов, об этом женщина не могла знать'.

Чүгүрп-чүгүрп, *симір парды (загадка)* 'Бегаает-бегаает, да и ожиреет' (*веретено*).

Парча-парча — чолы чоғыл.

Кисче-кисче — ханы чоғыл (*загадка*) 'Едет-едет — следу нет, режет-режет — крови нет' (*лодка, плывущая по реке*).

Хазыр чилнің дее кўзіне уттырбин, *нинче-нинче* чыллар турған полған чалғыс харағай (*газ. «Ленин чолы»*). 'Многие годы простояла одинокая сосна, не сгибаясь и под силами ветра'.

Как видно из приведенных примеров, компонентами парно-повторяющихся слов являются слова, обозначающие качество предмета и признак его действия, т. е. прилагательные, определительные местоимения, наречия, а также деепричастия. Повторяются деепричастия, образованные от глаголов, обозначающих такое действие, которое может быть кратким и продолжительным, быстрым и медленным, мгновенным, однократным и многократным. Повторение глаголов в спрягаемых формах встречается редко. Если и встречается, то, в основном, в форме повелительного наклонения: *пар-пар* 'иди, иди', Хакасия, ... *бс-бс* кўннең кўнге тырға (*М. Коков*, «Хакас чирі») 'Хакасия, ... расти и расцветай, чтобы с каждым днем крепнуть'.

Очень редки повторы имен существительных. В одной из хакасских сказок парно-повторяющиеся существительные выражают обращение:

Кўн-кўн! Кўстігің ме? 'О солнце! (букв. солнце, солнце) могуче ли ты?'

Тағ-тағ! Кўстігің ме? 'О гора! (букв. гора-гора) могуча ли ты?'

Кізі-кізі! Кўстігің ме? 'О человек! (человек-человек) могуч ли ты?'

В колыбельной песенке:

Хызым-хызым хыс кізі,

Хызыма килер чўс кізі 'Дочка, дочка, доченька, к дочери придут сотни человек', слово хызым повторяется для благозвучия и определенного такта речи.

Парно-повторяющиеся прилагательные имеют усилительное значение. Если такое прилагательное выступает в качестве определения к имени существительному, то определяемое им существительное принимает аффикс множественного числа:

а) **чоон-чоон** 'толстые-толстые', 'один толще другого' от **чоон** 'толстый', **хоос-хоос** 'красивые-красивые', 'один красивее другого' от **хоос** 'красивый';

б) **чоон-чоон** төгелер 'толстые-толстые бревна', 'бревна, одно толще другого', **улуф-улуф** алыптар 'большие, здоровые богатыри', 'богатыри один здоровее другого', **чиит-чиит** ооллар 'все молодые парни'. Сынап таа Сабис сүттү **улуф-улуф** оортаман азыр сыххан (Н. Доможаков, «Ыраххы аалда») 'Действительно Сабис стал пить молоко большими глотками'.

Парно-повторяющиеся прилагательные легко субстантивизируются, принимая аффиксы множественного числа: **чоон-чооннар**, **хоос-хоостар**, **улуф-улуфлар**, **чиит-чииттер** и т. д.

Повторы, относящиеся к глаголу, указывают на интенсивность действия:

Чибіргі хуласча чирдең кем дее кізі чаза атпас, — хыс хыя көрген харыгда, аны **тың-тың** андып, нандырған оол (М. Кокоев, «Өрністіг тоғазығ») 'С расстояния около двадцати саженей любой не промахнется, — ответил молодой человек, с любопытством разглядывая девушку, пока она отвернулась в сторону'.

Парные деепричастия указывают на интенсивность и длительность действия во времени, а также — на действие, совершающееся через определенный промежуток времени. Например:

Көріп-көріп 'разглядывая' от **көріп** 'смотря'; **турып-турып** 'постояв' от **турып** 'стоя', **узи-узи** 'долго поспав' от **узи** 'засыпая', **ылғи-ылғи** 'долго проплакав' от **ылғи** 'плача', **чөріп-чөріп** 'походив несколько времени' от **чөріп** 'двигаясь'. В предложениях:

Иб нбіре **ойлап-ойлап**, иркін алтында чат салды (загадка) 'Побежал по избе и под порогом улесся' (венник).

Ол поэмының тирен сарғалдым арах харахтарын, хая үстүнде турып, **Оспа** аалзар иде, астаан пүүрі хойзар көргендегі чили көріп, **турып-турып**, анаң тағ үстүндегі тирен оймахсар пастырыбысхан (В. Кобяков, «Мылтых табызы») 'Он, стоя на скале, своими глубоко запавшими сероватыми глазами, точно голодный волк на овцу, смотрел в сторону улуса Оспа, постоял некоторое время, затем направился (зашагал) к глубокой яме, что находилась на горе'.

Среди парно-повторяющихся слов нет неразложимых сочетаний. Повторяться может любое слово, если это допустимо его семантикой.

Парно-однородные слова

Парно-однородные слова образуются из сочетания синонимичных или однородных по значению основ. Например: **илег-чобаг** 'страдание' образовано из сочетания слов **илег** 'мука', 'мучение' и **чобаг** 'горе'; **чир-суғ** 'родина' из **чир** 'земля' и **суғ** 'вода', 'река'; **ачых-чарых** 'веселый' из **ачых** 'открытый' и **чарых** 'светлый'; **чул-чулат** 'речки' из **чул** 'речка' и **чулат** 'ручеек'; **ирткен-парган** 'прохожий' из **ирткен** 'проходивший', 'проезжавший' и **парган** 'ходивший', 'ездивший'.

Компоненты парно-однородных слов являются постоянными. Неизменный структурный состав определяет их лексико-грамматическое единство. Лишь в процессе постоянного и длительного употребления могло закрепиться за каждым из известных парно-однородных слов то значение, которое присуще ему в современном хакасском языке.

Например: **іткі-сасхы** 'унижение', 'неволя' (**іткі** из **іг-** 'толкать', 'двигать' и **сасхы** из **сас-** 'толкать'), **чазаг-чалаас** 'пешком' (**чазаг** 'пешком' и **чалаас** 'босиком', 'голым'), **харах-хулах чох** 'без оглядки' (**харах чох** 'без глаз' и **хулах чох** 'без ушей'), **істі-харын** 'потроха' (**істі** 'внутренность', 'живот' и **харын** 'живот'), **изер-чүген** 'сбруя верховой лошади' (**изер** 'седло' и **чүген** 'узда') и т. д., имеющие собирательное значение, употребляются в современном хакасском языке лишь в приведенных парах.

Парно-однородные слова широко употребительны во всех видах устной и письменной речи и в литературе. Некоторые примеры:

Мартил аны, піди малны чіли, оғыр-чазытмаң туттыр килерің ол сагыбаан полған (М. Чебодаев, «Крепину») 'Она не думала, что Мартил позволит так, как скотину, увезти ее тайно'.

Фашист устағчылары постарының солдаттарына совет кізілерің аяғ-сылтағ чох өдігерге чакычаннар (Учебник по истории СССР для IV кл.) 'Фашистские главары требовали от своих солдат, чтобы они беспощадно убивали советских людей'.

Хакас школаларында орыс паза хакас тілінең үгретчеткен үгретчілерге постарының тогыстарын хада-пірге апарарға кирек (Объяснительная записка программы по хакас. яз. для I—IV кл.). 'В хакасских школах преподавателям хакасского и русского языков необходимо вести свою работу согласованно (букв. вместе)'.

Асхыс районунда, көрiмге алза, пүөлгi чылда аймах-пасха школаларда 1772 коммунист үгрeнер (газ. «Ленин чолы») В Аскизском районе, например, в различных школах будет учиться 1772 коммуниста'.

Основное значение, выражающееся неразрывным единством постоянных компонентов парно-однородных слов, сохраняется во всех случаях их употребления, как и любой другой лексической единицы.

Компонентами парно-однородных слов являются полнзначные, самостоятельные слова. Каждое из спаривающихся слов в отдельности обозначает определенное понятие вне зависимости от другого. Например, компоненты парных слов ханаа-соор 'орудия передвижения', ие-пис 'орудия шитья', иб-чурт 'хозяйство', ух-чаацах 'доспехи' в отдельности обозначают: ханаа 'телега', соор 'сани, ие 'игла', пис 'шило', иб 'юрта', 'дом', чурт 'поместье', ух 'стрела', 'пуля', чаацах 'лук'.

Однако встречаются и такие, в которых один из компонентов в современном хакасском языке самостоятельно не употребляется, а бытует только как необходимый составной элемент данного словообразования. Функции такого типа компонентов сводятся к функциям словообразовательных и формообразовательных формантов. Такими являются вторые компоненты парных слов, изен-миндi 'здравствуй' от изен 'здравствующий', 'живой', азах-пысхah 'помеха', 'тяжесть' (в пути) от азах 'нога', олган-узах 'дети', 'детвора' от олган 'ребенок', кизек-пысхah 'куски', 'доскутья' от кизек 'кусок', 'доскуток', им-том 'лекарство' от им 'лекарство' и т. д. Миндi из изен-миндi, лишившись лексической самостоятельности, служит средством образования нового слова. В таком же значении употреблено пысхah в азах-пысхah. В последующих примерах вторые компоненты употреблены для выражения формы множественного числа.

Хотя редко, но встречаются парно-однородные слова, в которых оба компонента самостоятельно не употребляются. Из состава слова ээн-кöбн, обозначающего понятие 'важно', 'степенно', ни ээн, ни кöбн самостоятельно не бытует.

Встречаются факты лексического перерождения парно-однородных слов. Например, в современном хакасском языке халых чон, ах арчол плат выступают как определительные словосочетания. Как известно, халых в некоторых тюркских языках обозначает то же понятие, что и хакасское чон 'народ'. Стало быть парно-однородное словообразование халых-чон когда-то могло упот-

ребляться с единым понятием 'народ'. Впоследствии с утратой семантики халых стало восприниматься как определительное слово, а словосочетание халых-чон 'весь народ'; халых-чоннаң 'всем народом'. В советское время, хотя и закрепляется за словом халых понятие 'масса', однако оно более употребительно в сочетании с другими словами, чем самостоятельно: халых-чирдыгылыг 'массово-просветительный', халых-чон 'народная масса' и т. д.

Парно-однородные слова имеются во всех разрядах самостоятельных слов. Как-то:

в именах существительных: көг-сағ 'настроение' (көг 'веселье', 'мелодия', сағ 'сила', 'чувство бодрости'), хырыс-табыс 'скандал' (хырыс 'ругань', табыс 'шум', 'голос'), оғыр-чазыт 'тайна', оғыр-чазытнаң 'тайно', 'скрытно' (оғыр 'вор', чазыт 'тайна'), тимір-тис 'железно', 'отбросы железа' (тимір 'железо', а тис 'самостоятельно не употребляется'), азых-түлүк 'запас продуктов в пути' (азых 'запас продуктов', 'продукты', түлүк самостоятельно не употребляется), иб-суғ 'дом', 'пристанше', иб-суғ чох 'бездомный' (иб 'юрта', 'дом', суғ 'вода', 'река'), чир-суғ 'родина' (чир 'земля' и суғ 'вода', 'река'), айы-күни 'срок', 'сроки', 'поминки' (ай 'месяц', 'луна', күн 'день', 'солнце');

в именах прилагательных: ачых-чарых 'веселый' (ачых 'открытый', чарых 'светлый'), чалгыс-чарым 'одинокий' (чалгыс 'одинокий', чарым 'пол', 'половина', 'половинчатый'), истіг-тыстыг 'спокойный', 'беззаботный' (истіг 'удобно', 'удобный', тыстыг 'спокойно', 'спокойный'), игір-пүгүр 'кривой', 'не прямой' (игір 'кривой', пүгүр 'горбатый'), өксіс-чабыс 'сиротой' (өксіс 'сирота', 'сиротой', чабыс 'подавленный', 'низкий'), арыг-хуруғ 'без ничего', 'ничего не имеющий' (арығ 'чистый', хуруғ 'пустой');

в числительных: пір-ікі (хати) 'раза два', ікі-үс 'два-три', алты-читі 'шесть-семь';

в местоимениях: ол-пу 'то и другое', ол-пу полбады 'ничего не случилось', ол-пу чох 'благополучно' (ол 'он', 'тот', 'то', 'та' и пу 'этот', 'это', 'эта'); нима-ноо 'вещи', нима-ноозы чох килген 'пришел без вещей' (нима 'что', 'вещь', и ноо 'что', 'какой'), анзы-мынзы 'тот и другой', анзы-мынзы чох 'не имея ничего', анзы-мынзы көрбеен 'никто не видел' (анзы 'тот из них', мынзы 'этот из них');

в наречиях: хада-пірге 'согласованно', 'совместно' (хада 'вместе', пірге 'сообща'), хачан-пурун 'в давние времена' (ха-

чан 'когда', пурун 'вперед кого-либо', 'раньше'), хайди-пиди 'кое-как', 'как-нибудь' (хайди 'как' и пиди 'так'), кўнниң-танның 'ежедневно' (адвербиализованная форма притяжательного падежа имен существительных, кўн 'день', 'солнце', таң 'заря'), ікін-пірін 'изредка' (ікі 'два', пір 'одни' в форме древнего орудного падежа), хыйын-чайын тўзерге (о человеке) 'наклоняться туловищем то в одну, то в другую сторону' (хыйын 'наклонно' и чайын из чай (ха-) 'качать'), анда-мында 'там и тут', 'всюду' (анда 'там', мында 'здесь'), аар-пеер 'взад и вперед' (аар 'туда, дальше', пеер 'сюда') и т. д.

Из глагольных форм парно-однородные слова образуют лишь причастия и деепричастия. Парно-однородные причастия обычно употребляются в значении прилагательных и легко субстантивируются. Например. арбас-турбас 'выносливый', 'неустойчивый' (ар- 'истощаться', тур- 'уставать'), тискен- хасхан, тискен-хасханнар 'бандиты', 'люди, находящиеся в бегах' (тис- 'скрываться', 'убегать' и хас- 'сбежать', 'дезертировать'), ирткен-парган 'прохожий' (ирт- 'проходить', 'проезжать' и пар- 'идти туда', 'ехать туда'), артхан-халған 'остатки', 'отбросы' (арт- 'оставаться в излишестве' и хал- 'оставаться').

Парно-однородные деепричастия указывают на интенсивное протекание действия: ылғап 'плача' и ылғап-сыхтап 'сильно плача', 'обливаясь слезами', 'плача и причитая'; ырли 'напевая' и ырли-көгли 'весело напевая'; хабыза 'хватаясь друг за друга' и хабыза-тудыза 'вступив в драку.' Часто парно-однородные деепричастия приобретают значение наречия: піле-тура 'преднамеренно' (піле 'зная', тура 'стоя'), ала-тарта 'сразу', 'необдуманно' (ала 'набирая', тарта 'подтягивая').

Парные имена существительные принимают аффиксы всех грамматических форм, присущих именам существительным как части речи. Аффиксируется обычно второй компонент парного словосочетания: чил-хасха саптырып 'подвергаясь действию ветра' (второй компонент в форме дательного падежа); азах-холы нагда 'ноги и руки его связаны' (второй компонент в форме третьего лица категории принадлежности), тағ-тайғалар 'таежные места' (второй компонент в форме множественного числа).

Могут быть оформленными и оба компонента. Иногда при одинаковых условиях взаимообусловленности форм членов предложения в одном и том же парном слове могут быть офор-

мленными то оба компонента (чилге-хасха, істін-тастын, малның-хустын), то лишь второй компонент (чил-хасха, істі-тастын).

Возьмем примеры в предложениях:

Аның хыринда, *ханға-суға* патып парган, пабазы чадыр (В. Кобяков, «Мылтых табызы») 'Около него весь в крови лежал отец'.

Пілектеріне хан урылып, тыысталып, олар амды чалынның оттан даа чалтанмасха, *хая-тағны* даа тали сабарға тимде турыбысханнар (В. Кобяков, «Мылтых табызы») 'От прилива крови руки их напряжены до предела, а сами теперь стояли готовые ко всему: разрушать скалы и горы, ринуться в пламя пожара'.

Он-пасха от порчаланча мында, хойығ агастарның аразын-да *аң-хустың* аймағы чуртапча (газ. «Ленин чолы») 'Расцветает там множество цветов, в густом лесу юдятся разнообразные звери'.

От саапчатханнар, дояркалар *тағ-тайғадаң* сіліг порчолар ағылып салчалар (газ. «Ленин чолы») 'Косари и доярки приносят живые цветы с гор и тайги'.

Американың паза Кидеркі Германияның *хан-пиглері* кичеегі чабал күнні пазох хатирға сағынчалар (газ. «Ленин чолы»). 'Главари (буков. ханы и бан) Америки и Западной Германии хогят снова повторить вчерашние черные дни'.

Парно-однородные существительные могут служить основой для образования прилагательного и глагола: *истіг-тыстығ* 'спокойный' от *ис-тыс* 'спокойствие', 'покой' *чилліг-хастығ* 'ветряный', *чилліг-хастығ күн* 'ненастье' от *чил-хас* 'сильный ветер', 'буран', *Соян-Сустагы* 'Саяно-Шушенский'.

Рассматривая вопрос о парно-однородных словах, следует заметить, что в школьной практике преподавания хакасского языка встречаются такие факты. При анализе состава предложения учащиеся, да и сами преподаватели иногда затрудняются в решении такого вопроса: как рассматривать слова типа *иче-паба* 'родители', 'мать и отец', *харындас-туңма* 'братья', *пиче-туңма* 'сестры', *тағ-тайга* 'тайга и горы', *улуғ-кічіг* 'и старый и малый', и 'большой и малый' и т. д. Следует ли их относить к парным словам или рассматривать как однородные члены предложения. Соответственно возникает и другой вопрос, писать ли подобные слова через дефис, как это принято оформлять парные слова, или — через запятое, как однородные члены.

Причина такого положения, вероятно, кроется в том, что с одной стороны, до сего времени тема *q* парных сложных слов в хакасском языке остается не разработанной, а общетюркологические работы до практических работников хакасского языка почти не доходят. Отсюда нечеткое представление о парных словообразованиях, об их природе, структуре и семантике.

Парно-противопоставленные слова

Парно-противопоставленные слова образуются сочетанием слов, противоположных по своим значениям. Однако, как и в рассмотренных выше группах, компоненты парно-противопоставленных слов в нерасчленяемом единстве функционируют как самостоятельные слова с присущими им лексическими и грамматическими значениями. Например, анда-мында, образованное сочетанием местоименных наречий анда 'там' и мында 'тут', 'здесь', выражает значение 'всюду', 'повсюду' (букв. 'там и тут'), пар-чох (пар 'есть', 'имеется', чох 'нет') имеет значение 'все, что есть', 'все', 'весь' (пар-чох күснен 'со всей силы' пар-чох изи 'все богатство, что есть у него'); кіре-сыға (кіре 'входя', сыға 'выходя') — в значении 'между делом'; чада-тура (чада 'лежа', тура 'стоя', 'вставая') — в значении 'через силу', 'еле-еле'.

Характерно то, что компонентами словообразования здесь могут выступать только полизначные слова. Появление слов с неясной семантикой исключается идеей противопоставления сочетающихся слов-компонентов.

Несколько примеров во фразе:

Чон аннаң-мыннаң на чыыл тур анда (Ф. Бытогов) 'Народ собирается отовсюду' (букв. 'оттуда и отсюда').

Пу спектакльдагы кизилерниң хылыхтарын, наа кибірлерин, чаксы-чабалны алчаастабинчатханнарын, алгым сагыстарынан ибирки чонга улуг туза итчеткеннерин, чуртты чазапчатханнарын көзидерге күстенчебіс, — чоохтапча режиссер Тугужеков (Д. Килижекков) 'Мы стремимся, — говорит режиссер Тугужеков, — показать характеры и поведения героев спектакля, их новые обычаи, то, что они не ошибаются в понимании (определении) хорошего и плохого, что они своими мыслями приносят пользу для окружающих людей и украшают их жизнь'.

Школаның *истин-тастын* чагып, хазартып, көзенектерін сўлейкелеп салғаннар (газ. «Ленин чолы») 'Школу внутри и снаружиштукатурили, побелили и застеклили окна'.

По типу противопоставления построены аналитические формы причастий, выражающиеся сочетанием положительной и отрицательной формы от одной и той же глагольной основы. Например, парар-парбас 'пойдет и не пойдет', полар-полбас 'сможет и не сможет', в лексикализованном значении и 'всякий' (полар-полбас кизи 'всякий человек', полар-полбас нима 'всякая вещь').

Слова подобного образования в башкирском языке Н. К. Дмитриев относит к парным словосочетаниям. Как например, asar asamat 'ел и не ел' (asar 'он съест'),— asamat 'он не съест'), iser ismet 'пил и не пил' iser 'он выпьет'— ismet 'он не выпьет')⁶.

В хакасском языке описываемая форма причастия, как и любое другое причастие, может выполнять функцию определительного члена: *чаар чағбас* нанмырны хачан сағып алчаң 'когда дождешься дождя, который пойдет или не пойдет'; может субстантивироваться и принимать грамматические формы имен существительных: нанмырнын *чаарын чағбазын* кем пілер 'кто знает, пойдет дождь или не пойдет'; нанмырнын *чаарына чағбазына* кем ізенер 'кто будет надеяться на то, дождь пойдет или не пойдет'. Словосочетание *чаарын чағбазын*, субстантивированное аффиксом категории принадлежности, стоит в форме винительного падежа, а *чарына чағбазына* — в форме дательного падежа. А форма *чаар чағбастан* употребляется со значением 'как только...: *чаар чағбастан* 'как только пошел' (о дожде), *турар турбастан* 'как только встал'.

Парно-звукоподражательные слова

В парном звукоподражательном слове значащим является одно из спаривающихся слов, а именно: первое. Второе выступает как бы своеобразной звуковой копией первого. Поэтому оно самостоятельного значения не имеет, однако функционально оправдывается тем, что несет на себе определенную семантическую нагрузку. Если первый компонент передает основное лексическое содержание парного слова, то второй выражает степень качества, интенсивность действия, создает его зримое,

⁶ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, М., 1962, стр. 151.

образное представление, а также выражает эмоциональные оттенки высказываемой мысли.

Так, в **хыйыр-хойыр** полнозначный компонент **хыйыр** обозначает понятие 'кривой', а в сочетании с **хойыр**, которое само собою не имеет материального содержания, выражают большую степень качества 'кривой' или указывают на то, что данный признак относится к нескольким однородным предметам, взятым в совокупности. При этом констатируется не столько сам признак, сколько выражается отношение говорящего к нему или к его носителю. Например, **хыйыр-хойыр тістер** 'кривые зубы', 'зубы вкривь и вкось', **хыйыр-хойыр ағас** 'сильно искривленная палка', **хыйыр-хойыр ағастар**, **кривые палки**, 'кривые и косые палки' и т. д.

Среди парно-звукоподражательных слов бытуют и такие, в которых оба компонента являются незначащими в современном хакасском языке. Таковы, например, **сирт-сарт** (о чем-то энергично, четко совершающемся); **сирт-сарт чөрістіг**, **сикпен хара пөріктіг** (*загадка о сороке*) 'подпрыгивающую походку имеет, черно-суконную шапку имеет'; **айдыр-уйдур** (о чем-то беспорядочном); **айдыр-уйдур идібизерге** 'сделать что-либо как попало'.

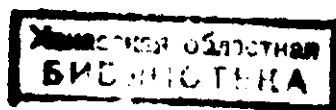
По характеру повторяющихся звуков парно-звукоподражательные слова можно подразделить на три подгруппы.

Первую группу составляют слова, в которых вторые компоненты полностью повторяют согласные звуки первого полнозначного компонента: **хыйыр-хойыр** 'кривой', **нызырт-назырт** 'шум-гам', а также **айдыр-уйдур** 'кое-как', 'как попало', **табыстубус** 'шум', 'ссора', **суум-саам** 'шум', разговоры', **чабал-чубал** 'плохонький', **чохыр-чыхыр** 'пестрый', **сбп-сап** 'отбросы', 'сор' и т. д.

Чередование гласных, как видно из примеров, идет то по линии узких и широких (**хыйыр-хойыр**, **нызырт-назырт**), то по линии огубленных и неогубленных гласных (**табыстубус**, **чабал-чубал**, **сбп-сап**, **суум-саам**).

Вторую группу составляют слова, в которых вторые компоненты повторяют лишь согласные последнего слога слова: **олбы-солбы**, **оғыл-соғыл** (то и другое слово в сочетании с глаголом пол указывает на неустойчивость положения какого-либо предмета), **араан-сараан** (араан-сараан ах тур 'течет самогон и тому подобное'), **анда-санда** 'иногда', **ізі-хузу** чох 'бездельник' и т. д.

В третьей группе согласные чередуются в зависимости от

их свойств сочетаться с гласными. Например, звуку *к* первого компонента, который может сочетаться лишь с гласными переднего ряда, соответствует *х* второго компонента, который может сочетаться лишь с гласными заднего ряда. В таком же соответствии могут находиться звуки *г* и *г*. При этом звуки *к* и *х*, *г* и *г* могут соответственно меняться местами: **оох-теек** 'мелкий'; **түк-тах** 'отбросы шерсти и кожи', **лири-хуру** (лар) 'старик' (престарелые), **ирги-хургу** 'старье', 'тряпье', **кирек-чарах** 'дела', 'поминки', **сббк-саах** 'кости', 'останки', **ахсах-пүк-сек** 'разные там хромые'.

Кратко о семантике парно-сочетающихся слов в хакасском языке

Во всех случаях парного сочетания слов в хакасском языке образуется новая словарная единица, которая либо выражает новое лексическое понятие, либо грамматическую форму. В этом отношении хакасский язык не является исключением из ряда других тюркских языков, где, как известно, наряду с аффиксацией существует и аналитический способ слово- и формообразования.

Наиболее многообразно значение парно-однородных слов, одной из основных функций которых является образование новой лексической единицы. В этом случае функция парно-однородного словосочетания совпадает с функцией словообразовательных аффиксов. В новом лексическом значении употребляются слова:

чир-суғ 'родина' (**чир** 'земля', **суғ** 'вода'),
кбг-сағ 'настроение' (**кбг** 'веселье', 'мелодия', 'песня', **сағ** 'сила'),

иб-чурт 'хозяйство', 'усадьба' (**иб** 'юрта', 'дом', **чурт** 'жилище', 'усадьба')

уйғу-чадын 'спокойствие' (**уйғу** 'сон', **чадын** 'лежанье', 'постель'),

бб-пасха 'различный' (**бб** 'вид', 'фон', 'цвет', **пасха** 'другой').
хачан-пурун 'в древности' (**хачан** 'когда', **пурун** 'вперед', 'раньше').

Новое слово, образованное парным сочетанием именных частей речи, иногда приобретает собирательное значение.

Окпе-чүрек 'осердие' (**окпе** 'легкие', **чүрек** 'сердце'),
изер-чүген 'сбруя верховой лошади' (**изер** 'седло', **чүген** 'узда'),

хазыра-пуға 'молодняк' (хазыра 'телочка', пуға 'бык'),
иргі-хурғу 'старье', 'тряпье' (иргі 'старый').

Лексическое перерождение не ограничивается пределами какого-либо разряда слов. Например, парные причастия приобретают значение прилагательных и существительных: арбас-турбас 'неутомимый', 'выносливый' (арбас отриц. форма будущего времени от ар- 'худеть', 'стать тощим' и турбас та же форма от тур- 'уствовать', 'стоять', 'вставать'), ирткен-парған 'прохожий' (ирткен 'проходивший', парған 'уходивший'), кірген-сыххан 'прохожий', 'посторонний' (кірген 'входивший', сыххан 'выходивший'), тискен-хасхан 'бандит', 'бандиты' (тискен 'скрывавшийся', хасхан 'дезертировавший', 'находящийся в бегах').

Встречаются адвербиализованные парные сочетания именных частей и деепричастий:

күйиң-танның 'ежедневно' (форма притяж. пад. от слов күй 'день', 'солнце' и таң 'заря'),

ікің-пірің 'изредка', 'по одному, по два' (форма древнего орудного падежа числительных ікі 'два', пір 'один'),

ала-тарта 'сразу', 'необдуманно' (ала от ал- 'брать', тарта от тарт- 'тянуть'),

тура-чада 'через силу' (тура от тур- 'стоять', 'вставать', чада от чад- 'лежать', 'дожиться'),

чайли-хысти 'в течение года' (чайли от чайла- 'прожить лето', хысти от хыста- 'прожить зиму').

Новое лексическое содержание получают парные слова иногда в неразрывной связи с глаголами. При этом глагол играет вспомогательную роль, а основная лексическая нагрузка падает на парно-сочетающееся слово: ыра-чара тартарга 'разрывать', 'рвать', ханга-суға патарга 'быть окровавленным'; ирек-турах поларға 'находиться в нерешительности'.

В грамматике парно-сочетающиеся слова выражают:

1) понятие множественности, т. е. служат формой выражения множественного числа имен существительных:

іче-паба 'родители' (іче 'мать', паба 'отец');

харындас-туңма 'братья' (харындас 'брат', туңма 'младший брат', младшая сестра);

пиче-туңма 'сестры' (пиче 'сестра');

олған-узах 'дети' (олған 'ребенок', второй компонент не имеет самостоятельного значения),

сөбк-саах 'кости', 'останки' (парно-звукоподражательное сочетание со значащим словом сөбк 'кость');

2) понятие обобщенности, собирательности:

алтын-күмүс 'драгоценности' (алтын 'золото', күмүс 'серебро');

айран-арага 'алкогольные напитки' (айран 'квашеный напиток', арага 'вино');

книга-тетрадь 'учебники';

хазаа-хахпах 'придворные постройки';

3) усилительное значение:

улуф-кічіг 'и стар, и млад', 'весь народ' (улуф 'большой', 'старший', кічіг 'маленький', 'младший');

өрініс-чобаг 'и радость, и горе', 'переживания' (өрініс 'радость', чобаг 'горе');

4) эмоциональные оттенки (пренебрежение или ирония):

хорсах-харсах 'беззубые', 'всякие там беззубые' (парно-звукоподражательное от хорсах 'с выпавшим зубом');

ахсах-пүксек 'хромые', 'всякие там хромые, кривые' (ахсах 'хромой');

сабан-субан 'кадки всякие старые' (сабан 'кадка');

5) путем парного сочетания выражается категория приближенных числительных: ікі-үс 'два или три', үс-төрт 'три или четыре', 'около трех', алты-читі 'шесть или семь', 'около шести или семи'.

Д. И. ЧАНКОВ,
кандидат филологических наук,
И. А. ОГЛОБЛИН.

О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ГЛАСНОГО И В СИСТЕМЕ ВОКАЛИЗМА ХАКАССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В систему современного хакасского литературного языка обычно включают 17 гласных фонем. Данные фонемы по количественному признаку, который обладает в хакасском языке фонологической значимостью, распадаются на две группы — группу кратких гласных, состоящую из девяти фонем: *а, ы, е, і, и, о, у, ъ, ү* и группу долгих гласных, состоящую из восьми фонем: *аа, ыы, ее, ии, оо, уу, 'бб, үү'*.

Для доказательства того, что долгота в хакасском языке обладает фонологической значимостью и не зависит от ударения Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул приводят следующие примеры:

сала 'чуть'	хара 'черный'	чылыг 'тепло'
салаа 'палец'	хараа 'ночь'	чылыгыг 'собрание' ²

Как краткие, так и долгие гласные, по степени подъема делят либо на два класса — узкие (верхнего подъема): *и, ии, і, ы, ыы, у, уу, ү, үү* и широкие (нижнего подъема): *е, ее, а, аа, о, оо, б, бб*³, либо на четыре класса: узкие: *и, ии, у, уу, ү, үү*; полуузкие: *ы, ыы, і*; полуширокие: *е, ее, о, оо, б, бб*;

¹ Согласно правилам орфографии, долгие гласные фонемы обозначаем двойным написанием соответствующих гласных букв, например, пар 'печень'.

² Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Фонетические особенности хакасского языка. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1954, стр. 347.

³ Там же, стр. 353.

широкие *а, ао*.⁴ Правда, Ф. Г. Исхаков, разделяя хакасские гласные на четыре степени подъема, сразу же оговаривается, что данные четыре класса следует свести к двум — к классу «широких» гласных, включающему в себя «широкие» и «полуширокие» гласные, и к классу «узких» гласных, включающему в себя «полуузкие» и «узкие» гласные.

По признаку ряда гласные делятся на передние: *е, ее, и, ии, і, ѓ, ѓѓ, ѱ, ѱѱ*;

задние: *а, аа, ы, ыы, о, оо, у, уу*. По признаку огубления — на губные: *о, оо, ѓ, ѓѓ, у, уу, ѱ, ѱѱ*, негубные: *а, аа, е, ее, ы, ыы, и, ии, і*.

Классификация гласных по трем признакам (по подъему, ряду и огублению) не вызывает каких-либо возражений. Возражение вызывает распределение кратких гласных *и* и *і*, которые в приведенной выше классификации характеризуются набором одних и тех же различительных признаков: «передний ряд», «верхний подъем», «неогубленность». При таком распределении гласных становится неясно, по какому признаку гласные *и* и *і* противопоставлены друг другу. О том, что данные две фонемы должны быть противопоставлены друг другу по какому-то из признаков или по набору признаков, говорит наличие значительного количества квазиномов в хакасском языке, где гласные *и* и *і* выступают как самостоятельные фонемы, например: ит 'делать' — іт 'толкать', иле 'мучиться' — іле 'понятно', 'ясно', илг 'пятьдесят' — ілг 'ширина пальца', кизен 'запугивать' — кізен 'пути', 'оковы', пис 'пять' — піс 'мы', тис 'убегать' — тіс 'зуб' и т. д.

Естественно предположить, что данные два кратких гласных различаются либо по признаку подъема, либо по признаку ряда, либо по обоим данным признакам. Признак огубления в распределении кратких *и* и *і* по отношению друг другу не играет какой-либо роли, поскольку оба данные гласные являются неогубленными и противопоставлены огубленному гласному *ѱ* переднего ряда верхнего подъема, например: тис 'убегать' — тіс 'зуб' — тѱс 'сон', 'гладкий'; сис 'догадайся' — сіс 'нарыв' — сѱс 'шататься'.

⁴ Ф. Г. Исхаков. Хакасский язык, Краткий очерк по фонетике, Абакан, 1956, стр. 7. В. Г. Карпов. Хакасский язык, «Языки народов СССР», т. II, Тюркские языки, М., 1966, стр. 430.

Таким образом, в отношении хакасских гласных *и* и *і* возможны три решения:

1. Гласные *и* и *і* оба являются гласными верхнего подъема, но различаются по ряду, где *и* — гласный переднего ряда, а *і* — гласный некоторого среднего ряда. При таком положении гласный *і* будет противопоставлен, с одной стороны, гласному переднего ряда *и* и, с другой стороны, гласному заднего ряда *ы*, образуя с данными гласными многомерную изолированную градуальную оппозицию по ряду⁵. В такого рода оппозиции гласные *и* и *ы* будут крайними членами, а *і* — средним членом оппозиции:

ÿ и	і	ы у
õ е		а о

В этом случае система кратких гласных в хакасском языке совпадает с системой, названной Н. С. Трубецким «двухступенчатой», так как в ней будут различаться только две степени подъема⁶.

2. Гласный *і* является гласным некоторого среднего ряда среднего подъема, то есть он будет противопоставлен гласному *и* по ряду и по подъему. Гласный *і* при таком положении займет в системе кратких гласных изолированное положение, не сможет иметь ни одной парной гласной, которой он мог бы быть противопоставлен либо по подъему, либо по ряду. Все оппозиции, образуемые таким гласным с каждой другой гласной данной системы, будут одномерными непропорциональными эквивалентными оппозициями:

ÿ и	і	ы у
õ е	~	а о

3. Гласные *и* и *і* оба являются гласными переднего ряда, но различаются по подъему. В таком случае возможны два варианта: а) либо гласный *и* занимает некий максимально высокий подъем, а гласный *і* располагается в верхнем ряду на одном уровне с гласным *ы*; б) либо гласный *и* находится на уровне верхнего подъема, что и гласный *ы*, а *і* занимает некий средний подъем между гласными *и* и *е*. Как в первом, так и во втором варианте будет образована многомерная изолированная граду-

⁵ О классификации оппозиций см. Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, М., 1960, стр. 74—96.

⁶ Там же, стр. 121—122.

альная оппозиция по подъему, где *u* и *e* будут крайними членами оппозиции, а *i* — средним⁷.

а)	<i>u</i>		б) <i>ū u</i>	<i>ы у</i>
	<i>ÿ i</i>	<i>ы ŷ</i>	<i>i</i>	
	<i>õ e</i>	<i>а о</i>	<i>õ e</i>	<i>а о</i>

При появлении еще одной ступени подъема система хакасских кратких гласных не может быть названа двухступенчатой. Это будет система какого-то иного качества.

Если определить *u* и *i* как гласные одного и того же верхнего подъема, но различающиеся по ряду (*u* — гласный переднего ряда, а *i* — гласный некоторого среднего ряда), то это вступает в противоречие с рядом фактов. Во-первых, при таком положении гласного *i* верхний ряд будет представлен пятью различными тембральными классами: 1) переднего ряда неогубленный, 2) переднего ряда огубленный, 3) заднего ряда неогубленный, 4) заднего ряда огубленный, 5) некоторого среднего ряда, нейтральный по отношению к огублению. Однако, как указывает Н. С. Трубецкой, «в рамках одной системы возможны максимум четыре тембровых класса»⁸. Во-вторых, интерпретация гласного *i* как гласного некоторого среднего ряда вступает в противоречие с механизмом действия гармонии гласных в хакасском языке. Гласный *i* согласно закону сингармонизма может употребляться как в первых, так и в непервых слогах только тех словоформ, которые имеют в своем составе гласные только переднего ряда и палатализованные согласные. Если предположить, что гласный *i* занимает нейтральное положение по ряду, то он должен тогда быть нейтральным и по отношению к гармонии гласных, т. е. употребляться как в словах, содержащих неогубленные передние гласные и палатализованные согласные, так и в словах с задними гласными и непалатализованными согласными. Однако, как показывает анализ дистрибуции гласных фонем в пределах слова в хакасском языке, гласный *i* никогда не появляется в словах, содержащих задние гласные и непалатализованные согласные. Напротив,

⁷ Включению в оппозицию *u-i-e* гласного низкого подъема а противостоит тот факт, что как гласный заднего ряда он образует привативную пропорциональную одномерную оппозицию с гласным заднего ряда верхнего подъема *ы*.

⁸ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 109.

гласный *и* непервых слогов⁹ совершенно не подчиняется действию гармонии гласных. Он может появляться в словах с любой последовательностью гласных, например: *тіллірге* 'браниться', *тірірге* 'подпирать', *тыңнирга* 'слушать', *пастирга* 'начинать', *поомнирга* 'вязать снопы', *тузирға* 'путать', *чөптірге* 'советовать кому-либо', *үрриге* 'разоряться', 'становиться бедным'.

Кроме того, в хакасском языке все аффиксы, содержащиеся в своем составе гласный *і* и присоединяемые к основам с гласными переднего ряда неогубленными, имеют варианты, содержащиеся в своем составе гласный *ы*. Аффиксы с гласным *ы* присоединяются только к основам с гласными заднего ряда, например:

аттың 'коня', *хаптың* 'мешка', но *інектің* 'коровы', *чіптің* 'шткн'; *пардым* 'я ходил', но *ізендім* 'я надеялся' и т. д.

Это говорит о том, что гласные *і* и *ы* должны располагаться на одном и том же уровне подъема. А так как гласный *ы* является гласным верхнего подъема, то и гласный *і* должен быть интерпретирован как гласный того же верхнего подъема.

Не соответствуют языковым данным и случаи 2 и 3б. Гласный *і* не может быть интерпретирован как гласный некоторого среднего подъема среднего ряда, так как это вступает в противоречие с действием гармонии гласных. Не может данный гласный быть интерпретирован и как гласный переднего ряда некоторого среднего подъема. Выше при анализе первого случая было установлено, что гласный *і* должен располагаться на одном уровне подъема с гласным заднего ряда *ы*.

Более вероятным, следовательно, представляется случай 3а, при котором гласные *и* и *і* являются гласными переднего ряда, где *і* является гласным верхнего подъема, а *и* — гласным мак-

⁹ В хакасском языке гласные и первых и непервых слогов по своему происхождению являются разными. Краткий гласный *и* в собственно-хакасских словах употребляется, главным образом, в первом слове. При этом принимает только те словоформы, которые имеют в своем составе гласные только переднего ряда и палатализованные согласные. В данном случае полностью сохраняется закон сингармонизма. *И* непервых слогов образуется на границе основы и аффикса, когда к основам, оканчивающимся на гласные, прибавляются определенные аффиксы, начинающиеся на гласные. Например: *ойна-* + *-ар* > *ойнир* 'будет играть', *ойнирга* 'играть'; *сбле-* + *-ер* > *сблир* 'будет говорить', *сблирге* 'говорить'; *таста-* + *-а* > *тасти* 'бросая'; см. Ф. Г. Исхаков. Указ. соч., стр. 18; Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Указ. соч., стр. 35.

симально верхнего подъема. Возможность такого решения выражается в следующем: 1) положение гласного *i* в переднем ряду полностью соответствует действию закона гармонии гласных, 2) положение гласного *i* в переднем ряду не противоречит характеру структурных отношений, сложившихся в системе хакасских кратких гласных. Появление трех степеней подъема только в одном из четырех тембральных классов (передний ряд неогубленный) вполне возможно.

Таким образом из четырех возможных случаев интерпретации положения кратких гласных *u* и *i* в системе вокализма современного хакасского литературного языка наиболее вероятным представляется случай, при котором гласные *u* и *i* выступают как гласные переднего ряда, где *u* — гласный максимально верхнего подъема, а гласный *i* — верхнего подъема. Окончательное решение данного вопроса будет возможно только после получения необходимых результатов экспериментально-фонетического исследования вокализма современного хакасского литературного языка.

И. А. ОГЛОБЛИН

**ДИСТРИБУЦИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ
В ХАКАССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

В работах, посвященных описанию фонетического строя тюркских языков, обычно отмечается, что дистрибуция гласных фонем в словах данных языков находится в прямой зависимости от своеобразного явления, впервые отмеченного еще А. Шлейхером для урало-алтайских языков¹ и получившего в отечественной литературе название «сингармонизм»².

Характер данной зависимости, по мнению большинства исследователей, состоит в том, что как в первом, так и в непервых слогах отдельного слова могут употребляться только гласные фонемы, принадлежащие к одному из тембральных классов. Ведущим при этом считается гласный первого слога, которому подчиняются гласные непервых слогов. Таким образом, если, например, в первом слоге слова имеется неогубленный гласный переднего ряда, то во втором и последующих слогах могут употребляться только неогубленные гласные переднего ряда. Аналогично дело обстоит и в случае употребления гласных других тембральных классов в первом слоге слова. Следовательно, в тюркских языках, в которых проявляется

¹ А. Schleicher. Die Sprachen Europas in systematischen Uebersicht, 1850, стр. 63, 64; М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм, М., 1965, стр. 131—139.

² Здесь и дальше наряду с термином «сингармонизм» употребляется термин «гармония гласных», которые следует дифференцировать. Под «сингармонизмом» понимается общее явление, включающее в себя явление «гармонии гласных» как частное явление.

действие закона гармонии гласных, бытуют лишь такие слова, которые содержат в своем составе либо гласные переднего ряда огубленные, либо гласные переднего ряда неогубленные, либо гласные заднего ряда неогубленные, либо гласные заднего ряда огубленные.

Что касается признаков подъема и длительности, имеющих в тюркских языках фонологическую значимость, то считается, что данные признаки в тюркских языках иррелевантны по отношению к закону гармонии гласных³.

Такого рода зависимость дистрибуции гласных фонем в пределах слова от действия закона гармонии гласных обнаруживается и в современном хакасском языке, система гласных фонем которого представлена четырьмя тембральными классами, указанными выше: 1) переднего ряда огубленные *ɔ̄, ʉ̄*; 2) переднего ряда неогубленные *e, i, u*; 3) заднего ряда неогубленные *a, ы*; 4) заднего ряда огубленные *o, y*. Однако в данном языке наряду со словами, содержащими в своем составе гласные фонемы, которые принадлежат только одному из данных четырех тембральных классов, встречаются слова, содержащие в своем составе гласные фонемы, принадлежащие к разным тембральным классам.

Так в словах, имеющих в первом слоге неогубленные гласные переднего ряда *e, i* и *u*, во втором и последующих слогах наряду с данными гласными может встретиться огубленный гласный переднего ряда *ɔ̄*. Например, *кiзi* 'человек', *килчeм* 'иду сюда', *чибинчeлeр* 'не едят', *тигiрдeгi* 'небесный', *тeглeктeрнiн* 'кругов', но *кiзī* 'зять', *кiзīлeрдe* 'у зятьев', *пiзīк* 'мы же', *иpдīк* 'вечером же', *iкīлeн* 'вдвоем', *iкīлeнīк* 'вдвоем же'. В словах, имеющих в первом слоге неогубленные гласные заднего ряда *a* и *ы*, во втором и последующих слогах, наряду с данными гласными, могут встретиться также неогубленный переднего ряда гласный *u* и огубленный заднего ряда гласный *ō*. Например, *пaсчaм* 'пиму', *чaрлaрдa* 'на берегах', *хaтхыр*

³ Существуют языки, в которых признак подъема выступает релевантным по отношению к гармонии гласных, например, в нанайском языке. См. В. А. Аврорин. Сингармонизм гласных в нанайском языке. «Институт языкознания. АН СССР, доклады и сообщения», т. XI, 1958.

⁴ Гласные *ɔ̄, o, u* в первых слогах слов являются вторичными и долгими, своеобразна их взаимозависимость с гласными первых слогов слова. Эта особенность хакасского вокализма не учтена автором статьи в виду того, что признак долготы иррелевантен по отношению к гармонии гласных. (Ред.)

'смеяться', парчыхпын 'ходил', парарчыхпын 'пошел бы', но парбим 'не пойду-ка', нымзахти 'смягчая', сырли 'крася', чарин 'свет его', сарнирға 'петь', амох 'сейчас же', пызолар 'телята', пызоларох 'телята же', айлыгданох 'от лунного же', ол чылох 'в том же году', пайорхапча 'хвастается богатством', чарытхос 'светильник', хыролаяча 'индевет', чазолнрға 'сыреть', сызыро 'вилы', хый от 'осока'. В словах, имеющих в первом слоге огубленные гласные заднего ряда *o* и *u*, во втором и последующих слогах, наряду с данными гласными, могут встретиться также неогубленные заднего ряда гласные *a* и *ы* и неогубленный переднего ряда гласный *и*⁵. Например, хусхун 'ворон', [чухтуғ] чухтығ 'смолистый', [чуундур] чуундыр 'заставь мыться', узу 'спи', [турғус] турғыс 'поставь', [хузурухтуғ] хузурухтығ 'имеющий хвост', [уттурус] уттырыс 'проигрыш', улүзох 'народ же', сорол 'мундштук', соролох 'мундштук же', олох 'тот же', но сообыссар 'сзади нас', узир 'который будет спать', тураларда 'в домах', турчабыс 'стоим', тоғызон 'девятисто', хустарны 'птиц', полған 'был', узуғлирға 'заснуть многим'. В словах, имеющих в первом слоге огубленные гласные переднего ряда *ö*, и *ü*, во втором и последующих слогах, наряду с данными гласными, могут встретиться также неогубленные гласные переднего ряда *и*, *і* и *е*. Например, тұлғү 'лиса', [түлғүиң] түлғүиң 'лисы', түлғүнок 'лису', [түдүниң] түдүниң 'дымный', өдөс 'дыхательное горло', күнөк 'день же', көбөк 'много же', но өдіс 'долг', өзөгис 'голод', күниен 'ото дня', күнөрте 'днем', түдирге 'дымиться', түгенчизіне 'к концу', өринчем 'радуюсь', үзбөлен 'втором'.

Данные примеры говорят о том, что в хакасском литературном языке дистрибуция гласных фонем в пределах слова не всегда соответствует действию закона гармонии гласных. Поэтому представляется необходимым провести статистическое

⁵ В хакасском языке неогубленный гласный заднего ряда верхнего подъема *ы* подвергается огублению, если он находится в первом слоге, непосредственно следующем за слогом, в составе которого имеется огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема *у*. Огубления не происходит, если между слогом с гласным *у* и последующим гласным *ы* имеется слог, содержащий в своем составе неогубленный гласный заднего ряда нижнего подъема *а*. По правилам орфографии буквы *у* и *ү* в аффиксах писать не принято. См. Хакас тілінің орфографиясы. Орфография словарьы, Абакан, 1962, стр. 9—10.

⁶ В квадратные скобки заключена транскрипция литературного произношения.

исследование дистрибуции гласных фонем в первых и первых слогах слова, что позволит уточнить некоторые представления о распространении действия закона гармонии гласных. Кроме того, такой анализ позволит уточнить и ряд других проблем, главными из которых являются: а) в каком направлении идет разрушение закона гармонии гласных и б) насколько сильно разрушено его действие.

Материал и методика.

Материалом для исследования служили двух-, трех- и четырехсложные слова хакасского литературного языка⁷, взятые подряд из связных текстов. Для этой цели были использованы специально подобранные отрывки из художественных произведений и газет, причем газетный материал составлял 37 процентов всего исследуемого материала. В общей сложности было проанализировано 118 930 слов, из них: двухсложных — 68 490, трехсложных — 36 050, четырехсложных — 14 390.

Анализ материала проводился следующим образом. Из текста подряд выбирались двух-, трех- и четырехсложные слова. Последовательности гласных, имеющиеся в данных словах, заносились в специальные матрицы, что позволило получить цифровые данные для каждого типа последовательности. Все полученные таким образом типы последовательностей гласных были разбиты на 27 серий в зависимости от количества гласных в этих последовательностях и в зависимости от того, какой гласный стоит в начале последовательности⁸. Затем в каждой из девяти серий последовательностей гласных для двухсложных слов подсчитывалось общее количество каждой из гласных фонем, входящих во второй слог. Аналогичные подсчеты были сделаны для девяти серий трехсложных слов, где подсчитывалось общее количество каждой из гласных фонем отдельно во втором и третьем слогах и для девяти серий четырехсложных слов, где подсчитывалось общее количество каждой гласной фонемы отдельно во втором, третьем и четвертом слогах.

⁷ При анализе использовались только хакасские слова. Слова, заимствованные из русского языка и других языков, не принимались во внимание.

⁸ В исследуемых последовательностях гласных, например, (а-а-а) первая гласная соответствует гласной первого слога, вторая гласная — гласной второго слога и т. д.

Таблица 1

Частотность гласных фонем во втором слоге двухсложных слов
в хакасском литературном языке

Гласные первого слога	Гласные второго слога								
	а	ы	е	і	и	о	о̄	у	ӯ
а	0,566	0,342	—	—	0,053	0,039	—	—	—
ы	0,525	0,434	—	—	0,022	0,019	—	—	—
е	—	—	0,695	0,228	0,053	—	0,024	—	—
і	—	—	0,284	0,357	0,325	—	0,034	—	—
и	—	—	0,754	0,194	0,016	—	0,036	—	—
о	0,553	0,398	—	—	0,024	0,025	—	—	—
о̄	—	—	0,633	0,328	0,014	—	0,025	—	—
у	0,659	—	—	—	0,012	0,015	—	0,314	—
ӯ	—	—	0,763	—	0,022	—	0,011	—	0,204

Частотность гласных фонем в непервых слогах трехсложных слов
в хакасском литературном языке

Гласные первого слога	Тип слога	Гласные непервых слогов								
		а	ы	е	і	и	о	о̄	у	ӯ
а	II	0,519	0,387	—	—	0,086	0,008	—	—	—
	III	0,535	0,395	—	0,002	0,023	0,045	—	—	—
ы	II	0,434	0,451	—	—	0,106	0,009	—	—	—
	III	0,656	0,277	—	—	0,026	0,041	—	—	—
е	II	—	—	0,462	0,475	0,062	—	—	—	0,001
	III	—	—	0,316	0,526	0,042	—	0,116	—	—
і	II	—	—	0,441	0,485	0,074	—	—	—	—
	III	—	—	0,578	0,331	0,039	—	0,052	—	—
и	II	—	—	0,545	0,445	0,010	—	—	—	—
	III	—	—	0,558	0,380	0,025	—	0,037	—	—
о	II	0,519	0,417	—	—	0,039	0,023	—	0,002	—
	III	0,645	0,226	—	—	0,028	0,061	—	—	—
о̄	II	—	—	0,461	0,460	0,041	—	0,039	—	—
	III	—	—	0,626	0,270	0,027	—	0,077	—	—
у	II	0,437	—	—	—	0,043	—	0,001	0,519	—
	III	0,607	0,129	—	—	0,062	0,026	—	0,176	—
ӯ	II	0,002	—	0,409	—	0,078	—	0,011	—	0,500
	III	0,001	—	0,695	0,083	0,030	—	0,052	—	0,139

Частотность гласных фонем в непервых слогах четырехсложных слов
в хакасском литературном языке

Гласные первых слогов	Тип слога	Гласные непервых слогов								
		а	ы	е	і	и	о	о̄	у	ӯ
а	II	0,560	0,331	—	—	0,102	0,007	—	—	—
	III	0,592	0,318	—	0,001	0,087	0,012	—	—	—
	IV	0,593	0,335	—	—	0,035	0,037	—	—	—
ы	II	0,507	0,388	—	—	0,097	0,008	—	—	—
	III	0,613	0,277	—	—	0,093	0,017	—	—	—
	IV	0,631	0,298	—	—	0,032	0,039	—	—	—
е	II	—	—	0,392	0,522	0,078	—	0,007	—	0,001
	III	—	—	0,415	0,532	0,053	—	—	—	—
	IV	—	—	0,582	0,299	0,026	—	0,093	—	—
і	II	—	—	0,418	0,487	0,081	—	0,014	—	—
	III	—	—	0,450	0,458	0,077	—	0,015	—	—
	IV	—	—	0,510	0,378	0,010	—	0,102	—	—
и	II	—	—	0,502	0,426	0,060	—	0,012	—	—
	III	—	—	0,552	0,395	0,045	—	0,008	—	—
	IV	—	—	0,531	0,386	0,032	—	0,051	—	—

Таблица 3
(продолжение)

Гласные первых слогов	Тип слога	Гласные непервых слогов								
		а	ы	е	і	и	о	ъ	у	ѳ
о	II	0,476	0,438	—	—	0,062	0,021	—	0,003	—
	III	0,524	0,402	—	—	0,065	0,009	—	—	—
	IV	0,610	0,301	—	—	0,022	0,067	—	—	—
ъ	II	—	—	0,557	0,365	0,056	—	0,022	—	—
	III	—	—	0,641	0,308	0,043	—	0,008	—	—
	IV	—	—	0,608	0,299	0,017	—	0,076	—	—
у	II	0,351	—	—	—	0,075	0,011	—	0,563	—
	III	0,654	0,101	—	—	0,041	0,008	—	0,196	—
	IV	0,647	0,217	—	—	0,032	0,062	—	0,042	—
ѳ	II	—	—	0,474	—	0,046	—	0,009	—	0,477
	III	—	—	0,657	0,088	0,034	—	—	—	0,221
	IV	—	—	0,573	0,302	0,012	—	0,043	—	0,070

Это дало возможность вычислить частотность каждой гласной фонемы во втором слоге двухсложных слов, во втором, третьем слоге трехсложных слов, во втором, третьем и четвертом слоге четырехсложных слов⁹. Подсчет частотности гласных производился с относительной ошибкой не превышающей $\pm 10\%$. Относительная ошибка рассчитывалась по формуле $S = \sqrt{\frac{2}{NP}}$, где N — выборка, P — частота, S — относительная ошибка¹⁰. Результаты подсчетов частотности гласных в непервых слогах представлены в таблицах 1, 2, 3.

Результаты исследований

а) Нарушение гармонии гласных по признаку ряда

Нарушение гармонии гласных по ряду наблюдается в словах, имеющих в первом слоге неогубленные гласные заднего ряда *а* и *ы*. Это нарушение заключается в том, что в непервых слогах данных слов появляется неогубленный гласный переднего ряда максимально верхнего подъема *и*, причем, данный гласный может появиться в любом из непервых слогов. Так, в исследуемых текстах были обнаружены слова со следующими последовательностями гласных, содержащие в своем составе гласный *и*: *а-и*, *ы-и*, *а-и-а*, *а-а-и*, *а-ы-и*, *а-и-ы*, *ы-и-а*, *ы-а-и*, *ы-ы-и*, *а-и-а-и*, *а-ы-и-а*, *а-ы-а-и*, *ы-и-а-а*, *ы-ы-и-а* и т. д.

Подсчет частотности гласного *и* в непервых слогах двух-, трех- и четырехсложных слов, имеющих в первом слоге гласные *а* и *ы*, дал следующие результаты:

Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>а</i>			Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>ы</i>		
2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог

⁹ При подсчете частотности деление гласных на долгие и краткие не учитывалось, поскольку признак долготы полностью иррелевантен по отношению к гармонии гласных. Поэтому встречающиеся в словах долгие гласные фонемы подсчитывались вместе с соответствующими краткими гласными фонемами.

¹⁰ О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. Изд-во Московского университета, 1961, стр. 73—80.

двух- сложные 0,053	0,022
трех- сложные 0,086 0,023	0,106 0,026
четырёх- сложные 0,102 0,087 0,035	0,097 0,093 0,032

Эти данные говорят о том, что нарушение гармонии гласных по ряду, наблюдаемое в словах с гласными *а* и *ы* в первом слоге, составляет незначительный процент. (Ср. приведенные данные частотности гласного *и* с частотностью гласных *а* и *ы* в первых слогах данных слов в таблицах 1, 2 и 3). Следует отметить и тот факт, что частотность гласного *и* в конечных слогах двух-, трех- и четырехсложных слов регулярно ниже частотности данного гласного в неконечных слогах.

б) Нарушение гармонии гласных по признаку огубления

Нарушение гармонии гласных по признаку огубления значительно сложнее, чем по признаку ряда. В ходе анализа было обнаружено два типа нарушений по признаку огубления. К первому типу относятся нарушения, связанные с появлением огубленных гласных *о* и *ъ* в первых слогах слов, имеющих в первом слоге неогубленные гласные. Так, слова с неогубленными гласными заднего ряда *а* и *ы* в первом слоге могут иметь в первых слогах огубленный гласный заднего ряда *о*, а слова с неогубленными гласными переднего ряда *е*, *і* и *и* в первом слоге могут иметь в первых слогах огубленный гласный переднего ряда *ъ*. Это подтверждается наличием обнаруженных в исследуемых словах следующих последовательностей гласных:

а) *а-о*, *ы-о*, *а-а-о*, *а-о-а*, *а-ы-о*, *ы-о-а*, *ы-ы-о*, *а-о-ы-а*, *а-о-а-а*, *ы-ы-а-о* и т. д.

б) *е-ъ*, *і-ъ*, *и-ъ*, *е-е-ъ*, *е-і-ъ*, *и-е-ъ*, *і-ъ-ъ*, *і-ъ-е*, *і-і-ъ*, *и-е-ъ*, *і-ъ-е-е*, *і-і-ъ-ъ*, *і-і-і-ъ* и т. д.

Частотность гласных *о* и *ъ* в первых слогах слов, имеющих в первом слоге неогубленные гласные, составляет следующее:

Частотность гласного <i>о</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>а</i>				Частотность гласного <i>о</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>ы</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
двух- сложные	0,039			0,019		
трех- сложные	0,008	0,045		0,009	0,041	
четырёх- сложные	0,007	0,012	0,037	0,008	0,017	0,039
Частотность гласного <i>ѐ</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>е</i>				Частотность гласного <i>ѐ</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>и</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
двух- сложные	0,024			0,036		
трех- сложные	0,012	0,116		0,009	0,037	
четырёх- сложные	0,007	—	0,093	0,012	0,008	0,051
Частотность гласного <i>ѐ</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>і</i>						
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог			
двух- сложные			0,034			
трех- сложные		0,008	0,052			
четырёх- сложные	0,014	0,015	0,102			

Как и при нарушениях гармонии гласных по ряду, количество случаев нарушения гармонии гласных по огублению для этого типа нарушений составляет незначительный процент (см. таблицы 1, 2, 3). Однако, если при нарушении гармонии гласных по ряду частотность гласного *и* в конечных слогах регулярно ниже частотности данного гласного в неконечных слогах, то при нарушении гармонии гласных по огублению частотности гласных *о* и *ѵ* в конечных слогах регулярно выше частотности данных гласных в неконечных слогах.¹¹

Второй тип нарушений гармонии гласных по огублению заключается в появлении неогубленных гласных в непервых слогах слов, имеющих в первом слоге огубленные гласные. Слова с огубленными гласными заднего ряда *о* и *у* в первом слоге могут иметь в непервых слогах неогубленные гласные заднего ряда *а* и *ы*, а слова с огубленными гласными переднего ряда *ѵ* и *ѳ* в первом слоге могут иметь в непервых слогах неогубленные гласные переднего ряда *е*, *і* и *и*. В данной серии слов были обнаружены следующие последовательности гласных:

а) *о-а, о-ы, у-а, о-а-а, о-а-ы, о-о-а, о-о-ы, у-а-ы, у-а-а, о-а-а-а, о-а-ы-а, о-ы-а-а, о-ы-а-ы, у-а-а-ы, у-а-ы-ы, у-а-а-а* и т. д.

б) *ѵ-е, ѵ-і, ѵ-и, ѳ-е, ѳ-и, ѵ-е-е, ѵ-е-і, ѵ-і-і, ѵ-и-і, ѳ-е-е, ѳ-ѳ-е, ѳ-и-і, ѵ-е-е-е, ѵ-и-е-і, ѵ-і-е-е, ѳ-е-і-е, ѳ-и-е-е, ѳ-ѳ-е-і, ѳ-ѳ-ѳ-е* и т. д.

При подсчете частотности гласных *а, ы, е, і* и *и* в словах, имеющих в первом слоге огубленные гласные *о, у, ѵ* и *ѳ*, были получены следующие результаты:

	Частотность гласного <i>а</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>о</i>			Частотность гласного <i>а</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>у</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
	двух- сложные	0,553			0,659	
трех- сложные	0,519	0,645		0,437	0,607	
четырёх- сложные	0,476	0,524	0,610	0,351	0,654	0,647

¹¹ Появление гласного *ѵ* в третьем слоге четырехсложных слов, имеющих в первом слоге гласный *е*, в исследуемом материале не обнаружено, хотя это вполне возможно, например, *перінчегѵк 'ворчун же'*.

Частотность гласного <i>ы</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>о</i>				Частотность гласного <i>ы</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>у</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
двух- сложные	0,398			—		
трех- сложные	0,417	0,226		—	0,129	
четырёх- сложные	0,438	0,402	0,301	—	0,101	0,217
Частотность гласного <i>е</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>ё</i>				Частотность гласного <i>е</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>ю</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
двух- сложные	0,633			0,763		
трех- сложные	0,461	0,626		0,469	0,695	
четырёх- сложные	0,557	0,461	0,608	0,474	0,657	0,573
Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>ю</i>				Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>ю</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
двух- сложные	0,328			—		
трех- сложные	0,460	0,270		—	0,083	
четырёх- сложные	0,365	0,308	0,299	—	0,088	0,302

	Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>Ѣ</i>			Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>ѹ</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
двух- сложные	0,014			0,022		
трех- сложные	0,041	0,027		0,078	0,030	
четырёх- сложные	0,056	0,043	0,017	0,046	0,034	0,012

Приведенные здесь результаты анализа ясно показывают, что нарушения гармонии гласных, связанные с потерей признака огубления, захватывают основное количество слов, имеющих в первом слоге огубленные гласные. В словах, имеющих в первом слоге огубленные гласные нижнего подъема *о* и *Ѣ*, признак огубления в основном теряется сразу же на втором слоге. Так из всех слов, имеющих в первом слоге гласный *о*, только 0,025 двухсложных, 0,021 трехсложных и 0,017 четырехсложных слов имели гласный *о* во втором слоге, и только 0,008 трехсложных и 0,005 четырехсложных слов имели гласный *Ѣ* в третьем слоге. Однако во всем анализируемом материале не встретилось ни одного четырехсложного слова, которое имело бы во всех четырех слогах только гласный *о*. Аналогичная картина наблюдается в словах, имеющих в первом слоге гласный *Ѣ*, из которых 0,025 двухсложных, 0,027 трехсложных и 0,012 четырехсложных слов имели гласный *Ѣ* во втором слоге и 0,013 трехсложных и 0,007 четырехсложных слов имели гласный *Ѣ* в третьем слоге. Из четырехсложных слов также не встретилось ни одного, которое имело бы во всех четырех слогах только гласный *Ѣ*.¹²

Таким образом, количество слов, имеющих в первом слоге гласные *о* и *Ѣ*, с выдержанной гармонией гласных очень незначительно.

¹² Появление в первых слогах гласных *о* и *Ѣ* в словах с последовательностями гласных типа *о-а-о*, *о-ы-о*, *Ѣ-е-Ѣ*, *Ѣ-і-Ѣ*, *о-а-а-о*, *о-ы-а-о*, *Ѣ-е-е-Ѣ*, *Ѣ-и-і-Ѣ*, *Ѣ-Ѣ-е-Ѣ* и т. д. ничего общего с действием гармонии гласных не имеет, поскольку гармония гласных по признаку огубления в словах с такого рода последовательностями гласных уже нарушена до появления гласных *о* и *Ѣ*. В данном случае гармония гласных выдержана только по признаку ряда.

Следует отметить еще один немаловажный факт. В исследуемом материале не встретилось ни одного слова с гласными *о* и *ѵ* в первом слоге, которое имело бы в непервых слогах гласные *у* и *ѹ*. Это говорит о том, что неогубленные гласные верхнего подъема в слогах, следующих за слогами с гласными *о* и *ѵ*, не подвергаются огублению.

Несколько иначе обстоит дело со словами, имеющими в первом слоге гласные *у* и *ѹ*. Поскольку вероятность появления слов с аффиксами, содержащими в своем составе только гласные верхнего подъема *ы* и *і*, значительна, то, следовательно, и вероятность появления слов, имеющих в первом слоге гласные *у* и *ѹ*, в которых гармония гласных выдержана, тоже будет значительной. Это подтверждается полученными данными.¹³ Количество слов, содержащих в составе своих слогов только гласный *у*, по отношению к общему количеству слов с гласным *у* в первом слоге составляет следующее: в двухсложных — 0,314, в трехсложных — 0,176, четырехсложных — 0,042. Для слов с гласным *ѹ* соответственно в двухсложных — 0,204, трехсложных — 0,139, в четырехсложных — 0,070. Эти данные говорят также и о том, что чем многосложнее слово, имеющее в первом слоге гласные *у* или *ѹ*, тем меньше вероятность того, что гармония гласных по признаку огубления будет выдержана в пределах целого слова.

В исследуемом материале были обнаружены слова со следующими последовательностями гласных: *у-о*, *ѹ-о*, *у-у-о*, *ѹ-ѹ-ѵ*, *у-у-у-о*, *ѹ-ѹ-ѹ-ѵ* и т. д., которые несомненно относятся к словам с выдержанной гармонией гласных.

в) Нарушение гармонии гласных по признакам ряда и огубления

К такого рода нарушениям гармонии гласных относится появление неогубленного гласного переднего ряда максимально верхнего подъема *и* в непервых слогах слов, имеющих в первом слоге огубленные гласные заднего ряда *о* и *у*. Были обнаружены следующие последовательности гласных: *о-и*, *у-и*, *о-о-и*, *о-и-а*, *о-и-ы*, *у-у-и*, *у-и-а*, *у-и-ы*, *о-и-а-а*, *у-у-и-а*, *у-и-а-ы* и т. д.

¹³ Что касается гласного *и*, встречающегося в непервых слогах слов с гласным *ѹ* в первом слоге, то, как указывалось выше, данный гласный действительно гармонии гласных не подвергается, даже если он следует непосредственно за гласным *ѹ*. Следовательно, появление гласного *и* в словах, имеющих в первом слоге гласный *ѹ*, следует относить к случаям нарушений гармонии гласных по признаку огубления.

Данные частотности гласного *и* в словах с такого рода последовательностями гласных следующие:

	Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>о</i>			Частотность гласного <i>и</i> в словах, имеющих в первом слоге гласный <i>у</i>		
	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог	2-ой слог	3-ий слог	4-ый слог
двух- сложные	0,024			0,012		
трех- сложные	0,039	0,028		0,043	0,062	
четырёх- сложные	0,062	0,065	0,022	0,075	0,041	0,032

Как и при случаях нарушения гармонии гласных по признаку ряда, частотность гласного *и* в конечных слогах слов с гласными *о* и *у* в первом слоге ниже частотности данного гласного в неконечных слогах. Исключение составляют трехсложные слова с гласным *у* в первом слоге, где частотность гласного *и* в конечном слоге несколько выше частотности данного гласного во втором слоге.

В целом нарушения гармонии гласных в хакасском литературном языке составляют 0,336, т. е. из всех обследованных слов одна третья часть оказалась словами с нарушенной гармонией гласных. При этом удельный вес нарушений гармонии гласных по признаку огубления значительно выше удельного веса нарушений по признаку ряда. Это объясняется тем, что по признаку ряда гармония гласных может быть нарушена только в словах, имеющих в первом слоге гласные заднего ряда *а, ы, о, у*, но никогда не бывает в словах, имеющих в первом слоге гласные переднего ряда *і, и, е, ү, ё*, поскольку употребление гласного *и* в первых слогах слов с гласными *і, и, е, ү, ё* в первом слоге не нарушает действия гармонии гласных по признаку ряда. По признаку же огубления гармония гласных нарушается как в словах с огубленными, так и в словах с неогубленными гласными в первом слоге, т. е. неогубленные гласные могут встречаться в первых слогах слов, имеющих в первом слоге огубленные

гласные и, наоборот, огубленные гласные могут встречаться в непервых слогах слов, имеющих в первом слоге неогубленные гласные.

Обсуждение результатов анализа

Данные проведенного статистического анализа дистрибуции гласных фонем в пределах слова в хакасском литературном языке хорошо согласуются с данными морфологического анализа структуры слова.

Как указывалось выше, сохранение гармонии гласных в хакасском слове возможно лишь в том случае, когда все гласные фонемы, входящие в слово, принадлежат только к одному из четырех тембральных классов: 1) переднего ряда неогубленные *e, i, u*; 2) переднего ряда огубленные *ɔ, ɔ̃*; 3) заднего ряда неогубленные *a, ы*; 4) заднего ряда огубленные *o, y*. Из этого положения вытекает следующее требование. Аффиксы, входящие в состав того или иного слова, в котором гармония гласных сохранена, должны иметь в своем составе гласные, принадлежащие только к тому же тембральному классу, что и гласный первого слога. Следовательно, каждый аффикс должен быть представлен набором не менее чем из четырех вариантов. Такого рода аффикс должен быть представлен либо четырьмя вариантами с гласными нижнего подъема *a, e, o, ɔ*, либо четырьмя вариантами с гласными верхнего подъема *ы, i, y, ɔ̃*. Тогда нарушение гармонии гласных будет наблюдаться в том случае, если аффиксы будут представлены набором менее чем из четырех вариантов.

В хакасском языке набором из четырех вариантов представлены аффиксы, имеющие в своем составе гласные верхнего подъема. Например, аффикс родительного падежа представлен вариантами *-нын, -ниң, -нуң, -нүн*: *тагнын* 'горы', *тыннын* 'души', *кiзiниң* 'человека', *тирниң* 'пота', *теерниң* 'шкуры', *суғның* (суғнуң) 'реки', *күнниң* (күннүн) 'дня'. Однако и в данном случае гармония гласных соблюдается не всегда. Дело в том, что, если в первом слоге слова имеются огубленные гласные нижнего подъема *o* и *ɔ*, то в таких словах употребляются только два варианта аффиксов с гласными верхнего подъема *ы* и *i*, например, *холнын* 'руки', *көлниң* 'озера'. Гласные *ы* и *i*, следовательно, под влиянием гласных *o* и *ɔ* в первом слоге огублению не подвергаются.

Аффиксы с гласными нижнего подъема имеют только по два варианта, которые содержат в своем составе либо гласный *а*, либо гласный *е*. Например, аффикс множественного числа представлен вариантами *-лар*, *-лер*:¹⁴ *таглар* 'горы', *тыннар* 'души', *кiзилер* 'люди', *кимелер* 'лодки', *суғлар* 'реки', *холлар* 'руки', *кoллер* 'озера', *пурлер* 'листья'.

Наиболее сложный случай представляет собой употребление в аффиксах гласного *и*. Аффиксы с данным гласным всегда представлены только одним вариантом, который может входить в состав слова, имеющего в первом слоге гласную, принадлежащую к любому из четырех тембральных классов. Например, *санир* 'будет считать', *сыйлир* 'будет дарить', *сыныхтир* 'будет проверять', *синир* 'будет измерять', *ойнир* 'будет играть', *сoлир* 'будет говорить', *хурир* 'будет сохнуть', *турлир* 'будет порхать'. Это говорит об особой роли гласного *и* в системе хакасского языка, которая заключается в том, что данный гласный в первых слогах слова ведет себя совершенно свободно, т. е. в первых слогах данный гласный совершенно не подчиняется действию гармонии гласных.

Аналогичная картина наблюдается и при употреблении в первых слогах гласных *о* и *ö*. Однако, если гласный *и* в первых слогах совершенно нейтрален к действию гармонии гласных, то употребление гласных *о* и *ö* нейтрально только по признаку огубления. По признаку ряда употребление данных двух гласных подчиняется действию гармонии гласных, чему способствует наличие двух вариантов одного и того же аффикса, в одном из которых употребляется гласный заднего ряда *о*, в другом — гласный переднего ряда *ö*. Например: *чарытхос* 'светильник', *ыгырос* 'скрипучий', *читöлең* 'семеро', *пизöлең* 'внятером' или *пазох* 'еще', *хызох* 'девушка же', *чонох* 'народ же', *хурох* 'пояс же', *но киигöк* 'косуля же', *терпегöк* 'колесо же', *пизöк* 'мы же', *кöгöк* 'зеленый же', *күнöк* 'день же'. Варианты аффиксов с гласным *о* употребляются в словах, имеющих в первом слоге гласные заднего ряда, а варианты аффиксов с гласным *ö* — в словах, имеющих в первом слоге гласные переднего ряда.

Кроме этого наблюдаются и другие формы нарушения гар-

¹⁴ Фактически в хакасском языке употребляются шесть вариантов аффикса множественного числа: *-лар*, *-лер*, *-тар*, *-тер*, *-нар*, *-нер*. Увеличение количества вариантов связано с вариантностью согласных и к излагаемому вопросу отношения не имеет.

монии гласных в хакасском языке. Это наличие ряда сложных слов, образованных из слияния двух основ, содержащих в первых слогах гласные разных тембральных классов, например: **чылаңот** 'растение из семейства ирисовых', **пірсікүн** 'послезавтра' и т. д. Наличие довольно значительного количества слов, в которых гласный первого слога представлен неогубленными гласными, а гласные непервых слогов — огубленными гласными того же ряда, например, **кізö** 'зять', **ідök** 'также', **пілö** 'брусок', **пызо** 'телёнок', **хабо** 'трут', **сызыро** 'вилы' и т. д.

ВЫВОДЫ

1. Проведенный анализ ясно показывает, что дистрибуция гласных фонем в пределах слова в хакасском литературном языке тесно связана с действием механизма гармонии гласных.

2. Нарушения действия механизма гармонии гласных идут как по признаку ряда (палатальная гармония) и по признаку огубления (лабиальная гармония), так и по смешанному признаку: одновременные нарушения единства ряда и единства огубленности.

3. Из всех гласных в непервых слогах действию гармонии гласных не подчиняется гласный **и** ни по признаку ряда, ни по признаку огубленности.

4. В целом нарушения гармонии гласных в хакасском литературном языке составляют 0,336, т. е. из всех обследованных слов в связанных текстах одна третья часть оказалась словами с нарушенной гармонией гласных. При этом удельный вес нарушений гармонии гласных по признаку огубления значительно выше удельного веса нарушений по признаку ряда.

Ф. Т. АНДРЕЕВА

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ ГОВОРА СЕЛА ТАШТЫП ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Лексическая синонимия современного русского литературного языка основательно изучена.¹ Лексическая синонимия в русских народных говорах мало исследована, хотя в последние 10—15 лет начали появляться более или менее значительные работы, посвященные этому вопросу.²

Наша цель — охарактеризовать синонимические отношения в одной из тематических групп лексики совершенно не описанного говора села Таштып Хакасской автономной области и показать изменения словарного состава в плане перспектив развития.

Статья написана по материалам 4 экспедиций, проведенных в 1963—1967 гг. Выбор темы определялся задачами выявления идеографических и экспрессивных синонимов. Для решения этой задачи представилось необходимым включить в состав синонимических рядов лексику общенародную и диалектную, чтобы вскрыть синонимические связи и синонимические отношения слов в анализируемых синонимических рядах.

При описании синонимов мы сознательно рассматриваем лексические дублиеты, встретившиеся в говоре.³ За основу берется определение синонима, сформулированное А. П. Евгеньевой⁴, с уточнениями, предложенными М. Ф. Палевской,⁵ которые касаются фразеологических сочетаний. Рабочими определениями идеографических и экспрессивных синонимов считаем определения, установившиеся в лингвистической литературе.

Село Таштып образовано казаками более двух с половиной

¹ Перечень литературы, на которую делаются ссылки, дан в конце статьи.

веков назад⁶. В продолжение столетия Таштыпский караул насеяли исключительно казаки, которых присылали из Красноярского и Абаканского острогов для охраны границы. Во времена вольной колонизации Сибири в село прибывали крестьяне-переселенцы из Пермской, Вятской и Центральных губерний европейской России, а также с Урала. Лексическая синонимия старожильского села со смешанным говором (об этом свидетельствует лексика говора и история заселения) разнообразна и богата. Мы берем тематическую группу слов с общим значением чувства и состояния человека. На основе синонимических отношений в данной тематической группе выделим следующие лексико-семантические подгруппы:

1) слова, обозначающие чувство досады и обиды: **нахмуриться — нахохлиться — насупиться — накукшиться — нахохриться — натутырщиться;**

2) слова, обозначающие чувство раздражения, гнева: **рассердиться — сбрындить — огневаться — прогневаться — осатаниться;**

3) слова, обозначающие состояние недомогания: а) **недомогать — нездоровиться — недужиться — скудаться (скудаться здоровьем) — измогать;**

б) **кйснуть — капуститься — кваситься;**

4) слова, обозначающие расстройство здоровья, нарушение правильной деятельности организма:

а) **заболеть — захворать — занемочь — занедужиться — заскудаться — скйснуть — раскапуститься;**

б) **болеть — сдыхать — таскаться.**

Глаголы синонимического ряда **нахмуриться—нахохлиться—насупиться—накукшиться — нахохриться — натутырщиться** имеют общее значение 'нахмурить лоб, брови'.

Доминантой является общенародный глагол **нахмуриться**, известный литературному языку и говору, употребляемый всеми носителями говора: *Придет с работы, что-то нахмурится и молчит. Раз учительница нахмурилась, значит вник что-то наделал.*

Глагол **нахохлиться** (БАС⁷—разг.) в значении **нахмуриться** употребляется людьми старшего и среднего поколения в том случае, когда речь идет о людях веселого нрава, которых не привыкли видеть хмурыми: *Всегда веселёшенька была, и тут нахохлилась, как курица, сидит, пыхтит, насупилась, не бывало такого. С чего это нахохлился Андрей? Диву даюсь.*

Глагол отмечен Будде⁸ и Мельниченко⁹ в значении 'насупиться'; Васнецовым¹⁰ — в переносном значении 'нахмуриться, сделаться сумрачным и, пожалуй, строгим'; Молотиловым¹¹ — в значении 'выражать своё недовольство или гнев внешним своим видом — выражением лица, позой, (то же, что и натутыршиться)'.
Глагол. насупиться (БАС—разг.) в значении 'нахмуриться широко известен в говоре: *Это лето дедушка сидит у ворот, насупится и молчит, плохо ему без работы. Чё насупился, работа не ладится?*

Глагол наку́кшиться в значении 'нахмуриться' употребляется преимущественно людьми старшего поколения в речи эдств младшего возраста: *Как только крикнешь на нее — нукукшится и зареветь готова. Стала внучка наша уросить, (капризничать) чё не так — нукукшится, задержует носом и сердиться начнёт.*

Глагол отмечен Куликовским¹² в значении 'надуться, осерчать'. Мало известны и редко употребляемы остальные компоненты синонимического ряда, записанные в единичных примерах от людей старшего поколения: нахохриться в значении 'нахмуриться (обидевшись)': *Наругала его — он нахохрился и молчал до вечера, лоб, как гармошка, и глаза злые. Начала выговаривать внуку, так живо нахохрился, ещё вздумает когда-нибудь осердиться) и натутыршиться в том же значении (Натутыршился, нахохрился, как злой старик. С утра ещё натутыршился, наморщился и все еще невеселый ходит.)*

Нами зафиксирован фонетический вариант последнего из глаголов — натуту́ршиться в единичных примерах от людей старшего поколения: *Натутурился чё-то, сердится, ли чё ли? Как натутуричится, так и знай, что не по его сделали.* Данный глагол отмечен Срезневским¹³ в значениях 'насушиться' и 'призадуматься'.

Оба глагола, отмеченные Далем¹⁴, а глагол натуту́ршиться еще Паткановым и Зобниным¹⁵, исчезают из лексики говора, даже люди среднего поколения с трудом объясняют их значение; эти лексические дублеты в свое время объединились в рамках одного сибирского говора, будучи словами разных диалектных систем; на современном этапе развития диалектного языка в них исчезает надобность.

Общее значение 'быть в раздражении, гневе', 'злиться на кого-нибудь' объединяет глаголы в синонимический ряд рас-

серд́иться — **сбры́ндить** — **огне́ваться** (прогне́ваться) — **оса-
тані́ться**.

В роли доминанты выступает глагол рассердиться в общена-
родном значении, известный всем носителям говора: *Рассерди-
лась на меня из-за дров и ушла—только двери схлопали. Рас-
сердился, что его маленьким сыночком называют.*

Доминанта отличается от остальных компонентов синонимиче-
ского ряда стилистической нейтральностью, диалектные гла-
голы экспрессивно окрашены и расположены по степени уси-
ления признака действия, его интенсивности.

Глагол **сбры́ндить** в значении 'рассердиться' употребляется
людьми старшего и среднего поколения в отношении капризных
или обидчивых людей: *Сбрындил моя уросливая (капризная)
сноха, и сама не знает на чё, хоть как делаю, не могу угодить.
Живо сбрындил, как над самим-то смеяться стали, и убежал.*

Данный глагол отмечен Кокосовым¹⁶ в значении 'осердиться,
озлиться'; в речевой практике носителей говора он часто сопро-
вождается глаголами, указывающими на результат раздраже-
ния, гнева или каприза — уйти, убежать и т. д.: *Начала его
стыдить, — съ сбрындил и убежал. Напомнила соседу о долге—
сразу сбрындил и ушел.* Носителям говора такие действия (ка-
призный, обидчивый или трусливый, рассердившись, удаляются
от обидчика не защищаясь) представляются естественными и
закономерными.

Глагол **огне́ваться** в значении 'рассердиться очень' употреб-
ляется преимущественно людьми старшего поколения, когда
хотят упрекнуть кого-либо в нежелательности действия, сопро-
вождаемого раздражением или гневом; поэтому в предложе-
ниях с описываемым глаголом обычно соседствуют ласковые
обращения типа: мил человек, кума, сватья, дева, паря и т. д.:
*На кого так огневался, мил человек, что на себя не похож? Не
знаю, дева, на что так огневаться: я правду говорю.*

Носители говора утверждают, что данный глагол употреб-
ляют люди степенные, осуждающие проявление раздражения
и гнева, с оттенком неодобрительности. Глагол этот отмечен
Чернышевым¹⁷, Покровским и Яценко¹⁸ в значении 'разгневать-
ся', Миртовым¹⁹ — 'рассердиться' и Брюковым²⁰ — 'прогне-
ваться'. Остальные носители говора в этом случае пользуются
глаголом **разгне́ваться** в общенародном значении.

В единичных примерах от людей старшего поколения нами
зафиксирован фольклорный вариант описываемого глагола:

прогневаться; *Не похвалили ее, живо прогневалась на всех, не разговаривает теперь. Моя свекровка прогневалась из-за полковиков давным-давно еще.*

Высшая степень рассерженности обозначена глаголом осатаниться в значении 'прийти в состояние крайней ярости', который употребляется людьми старшего и среднего поколения и отмечен в указанном значении диалектными словарями: *Напил пьяным, выпучил глаза, сжал кулаки, совсем осатанился. Осатанилась и не своим голосом заорала.* Понятие 'осатаниться', выражающего состояние ярости, вызывает у носителей говора неодобрительное отношение, порицание: поэтому глагол имеет оттенок пренебрежительности или высшей степени осуждения, в речи он часто сопровождается указанием на результат ярости, остервенения: осатаниться и кричать, орать, драться и т. д. Слово, взятое из христианского культа, несет в себе социальную оценку.

Группа глаголов недомогать — нездоровиться — недужиться — скудаться (скудаться здоровьем) — измогать образует синонимический ряд с общим значением 'чувствовать недомогание'. В этом синонимическом ряде представляется возможным выделить две доминанты — глаголы недомогать и нездоровиться в общенародных значениях: *Стала часто я недомогать, а до пенсии-то ой как далеко. Сначала недомогала, а потом захворала. Нездоровится мне после побелки. Деду нездоровится что-то.*

Глаголы известны всем носителям говора, но люди старшего поколения пользуются ими умеренно, предпочитая им другие глаголы для характеристики болезненного состояния. В единичных примерах от людей старшего поколения записаны два глагола: недужиться (БАС—простор.): *Мне давно недужится, то после покоса. Все здоровая была, а тут вот мне стало недужиться, и скудаться. Наш дед давно уж скудается, лежит да молчит. Раз ты скудаешься, сама белить начну.*

При очень узкой сфере распространения глаголы различаются следующим образом: недужиться употребляется в безличной форме в речи о людях, как лексический дублет глагола нездоровиться; скудаться — в личной форме в отношении людей и животных, кроме того он входит в состав фразеологизма *скудаться здоровьем* с тем же значением 'недомогать, нездоровиться', который известен носителям говора старшего поколения: *Давно здоровьем скудаюсь, а в молодости-то какой креп-*

кий да ядреный был. Не диво и здоровьем скудаться нам: сколько рабсты переробили, детей скормили да внуков.

Фразеологизм употребляется только в речи о людях. В данном случае мы наблюдаем параллельную конкретизацию (скудаться — скудаться здоровьем), аналитическое оформление мысли, выразившееся в указании на то, в чем испытывают недостаток;²¹ глагол лексически сочетается с уточняющим существительным *здоровье*, единственным, с которым может установить лексические связи описываемый глагол: по этой причине мы относим сочетание к фразеологизмам.

Последний компонент синонимического ряда *измогать*, неизвестный литературному языку и отмеченный Уральским словарем²² в значении 'болеть, ослабевать, лишаться сил', в лексике говора имеет дополнительную характеристику состояния по сравнению с общим значением, которым характеризуются слова описываемого ряда, 'недомогать, но действовать, работать, иногда выбиваясь из сил': *Измогает, все равно робит: некому, кроме нее, ни дома, ни на работе. Давно измогаю, а работаю; все сама делаю: ребят-то кормить надо.*

Глагол записан от людей старшего поколения в единичных примерах; он уходит в пассивный словарь; молодежь и люди среднего поколения затрудняются объяснить значение данного слова, а пожилые таштыпцы толкуют его так: *Измогаю — это не могу, нездоровится, а работать надо, вот и делаешь. Измогаю — это когда нездоровится, а приходится работать (ср.: измогать кого, что перемогать, осиливать, одолевать, побеждать (Даль).*

Приставка *из-* вносит в глагол значение полноты, исчерпанности действия (совсем недомогать, но действовать) при его завершенности в то время, как приставка *недо-* отмечает неполноту действия.

Глаголы *киснуть* — *капуститься* — *кваситься* объединяются в синонимический ряд с общим значением 'недомогать, быть в подавленном, угнетенном настроении из-за недомогания'. Глагол *киснуть*, выступающий в роли доминанты, известен литературному языку²³ и говору; широко употребляется взрослыми носителями говора в речи о детях хилых, болезненных или в обращении к ним: *Чё ты киснешь, чё у тебя болит, почему не играешь с ребятами? Вчера внучка начала киснуть и сегодня невеселая ходит, даже не улыбнется.*

В значениях двух остальных компонентов синонимического

ряда на первый план выдвигается представление о результатах недомогания. Глагол *капу́ститься* в значении 'недомогать, хмуриться, быть пассивным, вялым из-за недомогания' употребляется в речи о детях, в разговоре с ними: *Сидит, не спит, чѣ-то капустится, какал-то невеселая стала. Девчонка играть не пошла, сидит в углу, капустится, на кукол не смотрит даже.*

Возможно, что у глагола зафиксировано окказиональное значение: глагол *капу́ститься* — результат восприятия по ассоциации глагола *капу́ститься* со словом *капуста*, реальной, известной всем носителям говора. Глагол отмечен Карповым²⁴ и Дополнением²⁵ в значении 'капризничать, плакать'.

Глагол *кваси́ться* отличается оттенком значения, употребляясь тоже только в речи о детях в значении 'недомогать, быть в подавленном настроении, капризничая': *Квасится перед сном, киснет, куражится, значит нездоровая. Сидит квасится да цурсит (капризничает), не было еще такого.* Глагол отмечен Бодровым²⁶ и Дополнением в значении 'быть в невеселом расположении духа, беспрестанно плакать' (о детях).

Группа слов, объединенных общим значением 'заболеть', составляет следующий синонимический ряд: *заболѣть — захворать — занедужиться — заскудаться — скиснуть — раскапу́ститься*. Доминантой является глагол *заболеть* в общенародном значении, известный всем носителям говора: *Простудился и сразу заболел. Мама гриппом болела, и я заболел потом.*

Глагол *захворать* (БАС—разг.) в значении 'заболеть не сильно' известен всем носителям говора, но употребляется преимущественно людьми старшего поколения: *Захворала я, в поясницу стреляет, в прошлый раз так же было, как заболеть мне. Голова заболела, захворал я, однако.*

В значении 'заболеть несильно, ненадолго' носители говора, особенно люди старшего поколения, употребляют глагол *прихворну́ть* (несовершенный вид *прихвора́ривать*). Приставка *рас-* и суффикс *-ся* вносят в глагол дополнительный оттенок значения — представление о постоянном нарастании действия, его интенсивности, поэтому глагол *расхвораться* бытует в говоре со значением 'заболеть серьезно, надолго'.

Глагол *занемочь* (БАС—разг.) в значении 'заболеть сразу' употребляется людьми старшего и среднего поколения: *Ходила все ничѣ, а вчера вдруг ноги отнялись, я и села — занемогла. Много лет у зарода стоял с вилами (метал сено), а сегодня тоже стал, да вилы поднять не мог: занемог.*

От людей старшего поколения нами записан глагол *незамочь* — результат метатезы слогов: *Собирался в школу и вдруг заревел* (заплакал): *в боку закололо, незамог. Совсем незамога, как с машины улетела (упала), даже домой привели.*

Глагол *занедужиться* (БАС—простор.) записан в единичных примерах от людей старшего поколения в значении 'заболеть': *Занедужилось после сенокоса мне. Здоровая была, вот занедужилось.* Глагол употребляется в безличной форме. Приставка *за-* вносит в глагол значение законченности, исчерпанности действия, выхода его за пределы обычной нормы (*недужиться* — *недомогать*, *занедужиться* — *заболеть*).

Глагол *заскудаться* в значении 'заболеть' записан в единичных примерах от людей старшего поколения: *Как пошел седьмой десяток, заскудалась, и ноги не пошли. Заскудалась я как-то зимой.* Если глагол *занедужиться* употребляется только в отношении людей, то глагол *заскудаться* бытует в речи о людях и животных. Значение приставки в данном глаголе то же, что и в предыдущем.

Глагол *скиснуть* в значении 'заболеть' употребляется взрослыми носителями говора в отношении детей хилых, болезненных: *Скисла внучка, идем в больницу. Совсем скис наш парень, всегда на бок жалуется* (ср. *киснуть*—*недомогать*, *закиснуть* — *заболеть*).

В единичных примерах зафиксирован глагол *раскапуститься* в значении 'заболеть', тождественный по значению глаголу *расхвораться*: *Раскапустилась вчера и сёдни не могу головы поднять. Только дашь себе раскапуститься, всю зиму проваляешься.* Приставка *рас-* внесла в глагол значение законченности действия (ср.: *капуститься* — *недомогать*, *хмуриться*, *быть пассивным*, *вялым*; *раскапуститься* — *заболеть*).

Глаголы *болеть*, *сдыхать* — *таскаться* объединяются в синонимический ряд с общим значением 'быть больным'. Доминантой является глагол *болеть* в общенародном значении, известный всем носителям говора: *Зимой у нас многие от гриппа болели, и бабушка опять болеет.* *Сдыхать* в значении 'сильно болеть' употребляется преимущественно людьми старшего поколения по отношению к людям неуважаемым, порой презираемым или в речи о себе, когда человек изнурен болезнью и не выбирает выражений: *Пусть сдыхает, проваляется с неделю, может, меньше пьянствовать станет. Сдыхаю давно, валяюсь со спиной, валяюсь, когда люди работают.*

Описываемый глагол обычно сопровождается глаголом *валягся*, который подчеркивает сильную степень действия; в отмеченном значении не зафиксирован диалектными словарями. Говору известна омонимичная форма глагола *сдыхать* (БАС⁷ — простор.) в значении 'умирать'. Омонимичность исчезает в форме совершенного вида (*засдыхать* — *сдыхать*, *сдохнуть* — *сдыхать*).

Глагол *таскаться* в значении 'болеть так сильно, что непременно пребывать в постели', не отмеченный диалектными словарями, зафиксирован в единичных примерах от людей старшего поколения: *Таскаюсь два дня, встать не могу: ноги не держат. Раз таскается, значит совсем заболела, когда может, так через силу ходит, хоть измогает.*

Глагол употребляется в тех случаях, когда человек доведен болезнью до иступления. Глагол имеет в говоре более широкий круг значений, чем в литературном языке. Глаголы в синонимическом ряде расположены по степени усиления действия, его интенсивности. Доминанта стилистически нейтральна, диалектные глаголы экспрессивно окрашены.

Глагол *болеть* известен говору во всех общенародных значениях; мы же анализируем его в одном значении 'испытывать боль'; представляющем интерес с точки зрения выявления специфики семантической структуры синонимического ряда.

На примере описанных синонимических рядов мы убедились в значительности синонимии говора, разветвленной системе синонимических связей, наличии нескольких наименований для одного понятия, отражающих оттенки значений, различные стороны понятий. В составе синонимических рядов преобладают идеографические, оттеночные синонимы (см. синонимические ряды с общим значением 'нахмуриться', 'недомогать', 'заболеть').

Стремление к выразительности отражено в лексике говора наличием экспрессивно окрашенной лексики, которая употребляется преимущественно с оттенком неодобрительности (см. синонимические ряды с общим значением 'рассердиться' 'болеть'). Специфика семантической структуры синонимических рядов в лексике говора проявляется в подробности наименований. Детализация значений обеспечивает устойчивость лексических единиц говора. Говор располагает достаточным количеством глаголов для характеристики состояния и чувств человека, значения которых конкретизируются определенным образом. Носи-

тели говора, например, используют некоторые глаголы с учетом: а) возрастных особенностей населения: хмуриться (обо всех), **киснуть**, **кваситься**, **капуститься** (о детях.), **накукшиться** (о детях младшего возраста); б) особенностей психического склада: **нахохлиться** (о людях "веселого нрава"); в) особенностей физического состояния: **киснуть** (о хилых и болезненных детях).

Значения глаголов дифференцируются, например, по нарастанию признака действия (**болеть—сдыхать—таскаться**) или по усилению экспрессивной окраски (**рассердиться—сбрындить—огневаться—осатаниться**). Большинство описанных синонимов активно бытует в лексике говора. Мы наблюдаем дифференциацию сферы употребления диалектных глаголов, например, в речи людей старшего и среднего поколения: **нахохлиться**, **сбрындить**, **осатаниться**; в речи людей старшего поколения: **накукшиться**, **нахохриться**, **натутырщиться**, **огневаться**, **недужиться**, **скудаться**, **измогать**, **сдыхать** и **таскаться**. Сфера употребления описанных глаголов обусловлена коммуникативной целесообразностью. Бытование диалектных слов поддерживается также языковой традицией.

Часть синонимов исчезает. Это прежде всего диалектные слова (**нахохриться**, **натутырщиться**, **прогневаться**), которые бытуют в речи людей старшего поколения и тяготеют к пассивному словарю. Синонимические ряды уменьшаются, теряя архаичные элементы, но продолжают функционировать. Парное употребление синонимов (**нахохлиться—накупшиться**, **натутырщиться—наморщиться**, **кваситься—киснуть**, **киснуть—болеть**) в границах одного высказывания — это своеобразное двуязычие в говоре, определенная ступень вхождения литературного языка в говор, свидетельство закрепления слов с общенародным значением в лексике говора, с одной стороны, и как закономерность бытования диалектной лексики в системе говора, с другой.

Наличие лексических дублетов (**нахохриться—натутырщиться**, **раскапуститься—расхвораться**) — результат разных источников синонимии (слов из разных диалектных систем и общенародного слова, объединившихся в системе одного сибирского говора). Синонимические отношения пронизывают диалектный язык, как и литературный, они обнаруживаются между словами общенародными и диалектными в системе говора.

ЛИТЕРАТУРА.

1 См. С. Ф. Геккер. Библиография по синонимике русского языка, в кн. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка», М. — Л., 1966.

2 О. И. Блин ова. О явлениях синонимии в терминологической лексике старожильческих говоров Средней части Обского бассейна. «Труды 5-ой зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири». Новокузнецк, 1962; Л. И. Б а р а н н и к о в а. К вопросу о диалектной синонимии. «Вопросы стилистики», вып. I, Саратов, 1962; Н. А. Лукьян о в а. Явление синонимии и омонимии в лексической системе современных сибирских говоров. «Вопросы языка и литературы», вып. I, часть I, Новосибирск, 1966.

3 Лексические дублиеты -- тема специального исследования, которой мы не касаемся, отмечая бытование лексических дублиетов в речи носителей говора.

4 А. П. Ев г е н ь е в а. Основные вопросы лексической синонимии в кн. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка», М. — Л., 1966, стр. 29.

5 М. Ф. П а л е в с к а я. Проблема синонимического ряда. Сб. «Лексическая синонимия», М., 1967, стр. 97.

6 Государственный архив Хакасской автономной области, фонд Н-2, опись I, дело 681, лист 24.

7 БАС — словарь современного русского литературного языка в 17 томах, М. — Л., 1948 — 65.

8 Е. Ф. Буд де. Главнейшие термины народного русского говора в Казанской губернии, РФВ, т. 32, 1894, № 3.

9 Г. Г. М е л ь н и ч е н к о. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

10 Н. М. В а с н е ц о в. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора, Вятка, 1907.

11 А. М о л о т и л о в. Говор русского старожильческого населения северной Барабы (Каинский уезд Томской губернии). «Труды Томского Общества изучения Сибири», т. 2, вып. I, 1913.

12 Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, СПб, 1898.

13 И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для областного словаря. Архив АН СССР, фонд 216, опись 4, № 195, лист 6.

14 Нахохриться — нахохлиться. Хохря, нахохрилась, насунилась, натутырчиться, насуниться, нахмуриться (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955, т. 2).

15. Натутырцигься — принять напыщенный вид, взъерошиться. (Патканов и Зобнин. Список тобольских слов и выражений. Живва, старина, 1883, в. 4).

16 А. Я. Кокосов. Список слов, употребляемых жителями села Ушаковского. Камышловского уезда, 1869, архив АН СССР, фонд. 29, опись I, дело 49.

17 В. И. Чернышев. Диалектные словарные материалы к разным местностям, 1910.

18 Ф. И. Покровский и Е. И. Яценко. Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря», 1905 — 1921

19. А. В. Миртов. Уральский словарь, дата неизвестна.

20 В. П. Бирюков. Уральский словарь, 1934.

21 Ср.: скудаться устар. и обл. 'нуждаться, испытывать недостаток в чем-либо' (БАС).

22 Словарь русских говоров Среднего Урала, т. I, Свердловск. 1964.

23 Киснуть переносное 'тосковать, унывать,' 'быть в подавленном, угнетенном настроении' (БАС).

24 И. И. Карпов. Краткий очерк протонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осташковского Тверской, 1855.

25 Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря», СПб, 1858.

26 Н. Бодров. Областные слова Перяславского уезда, 1849 и 1851, Архив АН СССР, фонд 216. 4, № 23.

Ф. Т. АНДРЕЕВА.

ИСТОЧНИКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ ГОВОРА СЕЛА ТАШТЫП ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Специальных работ, посвященных исследованию источников лексической синонимии, нет. Однако во многих работах, где описывается диалектная лексика, определяются различные источники синонимии.¹

Автор преследует цель описать источники лексической синонимии говора села Таштып Хакасской автономной области. Первыми поселенцами села Таштып были казаки, несшие караульную службу в Таштыпском форпосте с 1725 г.² Это были выходцы из разных губерний Центральной России, из Поморья и Западной Сибири, пришедшие через остроги (Красноярский, Абаканский (Краснотуранский) и Кузнецкий), построенные для освоения Сибири.

Вторыми засельщиками явились крестьяне из Европейской России, прибывшие в Хакасию несколькими потоками: а) после реформы 1861 г., б) в 90-х годах XIX в., в) после столыпинской реформы, г) в годы Советской власти. Большинство жителей села (особенно люди старшего поколения) считают себя потомками казаков Ермака Тимофеевича, казаков с Поволжья,

¹ А. И. Федоров. О происхождении словарного состава беломорских говоров, кандидатская диссертация, Л., 1952; О. И. Блинова. Из наблюдений над лексикой кедрового промысла в Сибири. «Ученые записки КГПИ», т. 16, Красноярск, 1960; А. И. Попов. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. В кн. «Лексика русских народных говоров», М.—Л., 1966.

² Государственный архив Хакасской автономной области, фонд И-2, опись 1, дело № 681, л. 24.

Урала, из Томска, Гобольска, Вятки и Перми. В трудах по истории заселения Сибири встречается много однофамильцев современных тащтыпцев, которые служили в Енисейской губернии.

В результате одновременного заселения села выходцами из различных мест России сложился своеобразный смешанный говор. Сформировавшиеся лексические диалектные особенности сохранились до настоящего времени в силу языковой традиции, хотя говор испытывает сильное влияние русского литературного языка.

Рассмотрим источники лексической синонимии на примере четырех синонимических рядов, объединенных в тематическую группу слов с общим значением 'неповоротливый, ленивый'.

1 синонимический ряд объединяет существительные с общим значением 'медлительный, нерасторопный человек': копун м., копунья ж., копуша м. и ж. (БАС)³ — прост. 'медлительный, копотливый человек'; мешкала м. и ж. 'медлительный, вялый человек'. Мешкала потихоньку копается, больно тихо все делает, какой-то вялый. Ты прямо мешкала; не торопись, любишь мешкать, едва шевелишься, хоть все тут пропади; со́ня м. и ж. 'очень медлительный, нерасторопный человек': Шевелись, соня: работа множина, а он не шьет, не порет! Попалась соня-напарница, еле идет, так доску и не донесет; ухре́й 'неповоротливый, спокойный человек': Такой ухрей уродился мой племянник: не поспешит, не поторопится, всегда спокойный. Хоть торопи, ухрей не побежит, все спокойно делает, не разбежится; разлапена м. и ж. 'медлительный, мало расторопный человек': На то и семокос, чтобы спешить, а разлапена уж не поторопится, не развернется. Все коров угнали, а разлапена доить пошла; лягу́ша ж. 'неповоротливый, нерасторопный человек': Лягуша и лягуша: ни дома, ни в поле не успела. Идет лягуша, на ходу умирает! ко́лода ж. (БАС—перен. бранно) 'неповоротливый, неуклюжий человек', ла́дя ж. 'неповоротливый, толстый человек': Вои ла́дя расселась, телеса наводит, а только что отдыхала! Ла́дя не разбежится на работу, ей бы только жир копить; корча́га ж. 'неповоротливый, ленивый человек': Нашу корчагу ничем не поднимешь, спит и все тут. Жэ́нился на какой-то корчаге, она еле шевелится, ну, лень-матушка!; квашня ж. (БАС) — перен. простореч. бранно 'неповоротливый, толстый человек'; лепеха ж. 'неповоротливый, толстый, ленивый человек': Лепехе плохо в

³ Здесь и далее см. список сокращений в конце статьи.

жару-то: шевелиться от жира не может да и лень. Полдня прошло, пока лепеха беремья дров притащила; пестёрь *м.* (пестерюха *ж.* (БАС) — обл. 'неповоротливый, толстый, ленивый человек': Ему и название такое—пестерь: любит сидеть да глядеть, как другие работают, да толстеть. Сидит пестерюха, жир копит, а огурцы зачичеревели; коряга *ж.* и *м.* 'нерасторопный, неповоротливый, неуклюжий человек': Пошел коряга помаленьку и все половики сборонил сапожищами. Наша коряга еле шевелится, а всю посуду приломала.

2 синонимический ряд объединяет прилагательные с общим значением 'неловкий в движениях, медлительный, неуклюжий': неповоротливый валовый 'неповоротливый, медлительный, ленивый': В кого такой валовый издался, родители были бойкие да работающие. Такая валовая женщина не развернется, хоть сколько кричи; вислогубый 'медлительный, расторопный' (о пьяных людях): Вот ведь какой вислогубый человек, ногами землю ищет, а тоже взялся помогать. Вислогубый сам не хочет побыстрее сделать, и дела из него нету все равно, раз-пьяненький; пахорукий 'неловкий в движениях, неуклюжий': У пахоруккого человека все из рук валится; Что ни возьмет пахоруккий человек, уронит да ломает, вот хоть посуду; околелый 'неповоротливый': Надоел мне околелый парень: опять ведро в колодец уронил; Стоишь у дверей околелый, из-за тебя разбила стакан, подбирай черепки!

3 синонимический ряд объединяет существительные с общим значением 'ленивый человек, лодырь': лентяй *м.*, лентяйка *ж.* (БАС) —разг.—лэжень *м.* 'лентяй, лежебока': Приехал лежень на место старого лодыря. Надо домкратом поднимать утром лежня, чтобы на работу не опоздал: лоб *м.* 'лентяй' (о здоровом, сильном, молодом человеке): Этот лоб давно бездельничает. На таком лбе пахать надо, а он посиживает.

4 синонимический ряд объединяет существительные с общим значением 'бездельник, который живет на чужой счет, чужим трудом': тунеядец *м.*, тунеядка *ж.* (СО) презрит. — хлебоёд 'тунеядец'. Свой хлебоед есть да тунеядец какой-то привязался. Хлебоеды есть едят, а работать не хотят; нёроботь *м.* и *ж.* 'тунеядец': После войны не было нёроботи, а сейчас нате. Навязался на меня нёроботь, кормлю его, варнака.

Источниками синонимии в данной тематической группе являются:

1. Общепринятые слова, известные литературному языку, имеющиеся в словарях современного русского языка помету *разг.*: соня, лентяй. Существительное *соня* (*разг.*) известно в значении 'человек, который любит спать, много спит', а в говоре употребляется со значением 'очень медлительный, нерасторопный человек'.

2. Просторечная лексика: *копун, квашня*.

3. Диалектная лексика:

а) зафиксированная в говорах Европейской России и Сибири и совпадающая по значению с лексикой говора. Существительное *мешкала* отмечено Далем в значении 'медлитель, косный, тялый человек'. Существительное *пестерь* зафиксировано диалектными материалами в значениях: 'неповоротливый, неуклюжий мешок' (Даль, сев. вост.); 'неповоротливый человек' (Покровский и Яценко, арх., шенк.; Плечев, шенк., арх.); 'простоватый, неповоротливый человек' (Обнорский, волог.); 'неповоротливый, неловкий человек' (Зырянов, шадр., перм.); 'неуклюжий, неловкий' (Гуляев, юж. сиб.); 'вялый, неповоротливый человек' (Луканин, перм.); бран. 'неповоротливый, увалень' (Иваницкий, волог.); вроде брани 'пустой человек' (Кривошапкин, енис.); как брань, ругань 'человек неповоротливый, увалень, простоватый' (Дилакторский, волог.). Данное слово в системе говора является эмоционально-экспрессивным синонимом.

Прилагательное *валовой* отмечено диалектными материалами в описанном значении: 'неповоротливый, медлительный' (Бобриков, иркут.); 'ленивый, тихий, неповоротливый' (Луканин, перм.); 'неаккуратный, тихо ворочающийся' (Миртов,² урал.); 'неловкий, неповоротливый, медленный в исполнении чего' (Дополнение, арх.); 'валовой толстый, неповоротливый' (Уральский словарь).

Прилагательное *пахорукий* зафиксировано диалектными материалами в значении, подобном известному в говоре: 'рассеянный человек, у которого все валится из рук' (Пашковский, свердл.); 'вялый, неповоротливый' (Муллов,³ перм.); 'разиня, ротозей, неповоротливый, вялый, у которого из рук все валится' (Кузмищев,² арх.); 'вялый, неповоротливый' (Фортунов, волог.); 'вялый, неповоротливый в ручной работе' (Иваницкий, волог.); 'неловкий, неумелый, у которого все дело вываливается из рук' (Маляревский,³ тобол.); 'вялый, неловкий, неповоротливый, плохо действующий руками, худорукий' (Дилакторский, волог.); 'неумелый' (Матвеев,¹ арх.); 'неловкий человек, у которого

все из рук валится' (Арсентьев, забайк., Подвысоцкий, арх.), 'человек неловкий, плохо действующий руками' (Обнорский, волог.); 'не могущий действовать руками, вялый, неповоротливый' (Опыт 1852, арх., волог.).

Прилагательное *околелый* отмечено диалектными материалами в описанном значении: 'неповоротливый' (Дилакторский, волог.; Андреев, волог.); 'нелестный, почти бранный эпитет к человеку вялому, неповоротливому' (Васнецов, вят.). Это слово выполняет оценочную функцию в системе говора.

Существительное *лежень* зафиксировано диалектными материалами в отмеченном значении: 'кто любит лежать' (П—32, влад.); 'лежебок, лентяй' (Дилакторский², волог.); П—367, Покровский и Яценко, ряз.; Иваницкий, повсеместно); 'лежебок' (Копаневич¹, иск.; Карпов², иск., осташ., твер.; П—32, перм. солик.; Васнецов, вят.; Покровский и Яценко, перм., солик.); 'лежебока' (Копаневич,² пск. Томский словарь); 'лежебока, лодырь'. (Агранова, брян.); 'лежебока, лентяй'² (Миртов,² шадр.; Воецкий,² чист.); 'лентяй' (Колеганов,³ Зырянов, шадр. перм.; Воецкий,² казан.; Тиховидов, вят.); 'ленивый человек' (Федоров,³ новосиб.); 'беспечный лентяй' (Дмитрюков, курс.); 'ленивец, не радящий о хозяйстве' (Леопольдов, сар.) 'ленивец, лежебок, туендец' (Бурнашев); 'празднолюбец' (П—32; Парадиев, астрах.).

Существительное *корчага* многие диалектные материалы отмечают в двух прямых значениях: 'большой глиняный горшок' и 'сплетенная из ивовых прутьев коническая корзина для рыбной ловли'; указанное нами переносное значение ('неповоротливый, ленивый человек'), не зафиксированное диалектными материалами, мы считаем старым, известным говорам, поскольку автор знаком с ним по личным наблюдениям уральских говоров; слово приобрело эмоциональную оценку в системе таштыпского говора;

б) отмеченная в говорах, но отличающаяся по своей семантике в системе таштыпского говора. Существительное *лепёха* известно говору в значении 'неповоротливый, толстый, ленивый человек, а в диалектных материалах отмечено с противоположными значениями: 'полная, жирная женщина' (Покровский и Яценко, ряз. самар., костр.). 'дородная, толстая женщина' (Машкин², курс.); 'дородная, полная женщина' (Бодров², влад.); 'толстая женщина' (Карпов², иск., осташ. твер.); Филимонов (олон.; Куликовский, олон.); 'полная телом женщина'

(Влазнев, ряз.; П—32, ряз.); 'толстый ребенок, толстая женщина' (Диттель, ряз.); 'как похвала полной, жирной женщине или девке' (П—32, самар.; П—161, самар.).

В системе говора изменился характер оценки. Существительное **хлебод** отмечено Гоголем в значении 'блюдолиз' и Далем — растением *Bignella*, однако говору известно совсем в другом значении (туняец).

Существительное **лягуша** зафиксировано диалектными материалами в значениях: 'тошная, испитая женщина' (Дополнение, пск., осташ., тверд.); 'долговязый, худой, голенастый' (Даль, перм.); бранное слово (Луканин, перм.). Говору известно в значении 'неповоротливый, нерасторопный человек', слово выполняет оценочную функцию;

в) совпадающая по значению со словами разных говоров, но характеризующаяся эмоциональной оценкой в системе говора. Существительное **лоб** отмечено в описанном значении 'лодырь, здоровый человек' Бирюковым (урал.) и Миртовым² (урал.). Существительное **ладья** зафиксировано Дополнением (пск. твер.) и Карповым² (пск. осташ., твер.) в значении 'толстая, неповоротливая женщина'. Существительное **коряга** отмечено Покровским и Яценко в значении 'неуклюжий или черствый человек' (симб.); Чернышев² (твер.), Покровский и Яценко (твер.), кроме того отмечают данное слово как бранное о нескладном звере. Надо полагать, что эмоциональная оценка с прямого значения перешла и на переносное, бытующее в таштыпском говоре;

г) «местные» слова — слова, не зафиксированные диалектными материалами: **ухрей, разлапена, вислогубый, нероботь**;

д) семантические диалектизмы: **соня**.

Выявление источников синонимии при сопоставлении лексики говора с диалектными материалами позволяет представить синонимические ряды в синхронном плане на современном этапе развития следующим образом:

1 **копун** (старое значение, известное просторечию) — **мешкала** (известное значение) — **соня** (семантический диалектизм) — **ухрей** («местное» слово) — **разлапена** («местное» слово) — **лягуша** (новое значение, осложненное эмоциональной оценкой) — **колода** (известное значение) — **ладья** (сохранилось старое значение, появилась эмоциональная оценка) — **корчага** (известное значение осложнилось эмоциональной оценкой) — **квашня** (старое значение, известное просторечию) — **лепеха** (новое

значение, изменившее характер эмоциональной оценки) — **пестерь** (старое значение, сохранившее известную эмоциональную оценку) — **коряга** (известное значение, осложненное эмоциональной оценкой);

2) **неповоротливый** — **валовый** (старое значение) — **вислогубый** («местное» слово) — **пахорукий** (старое значение) — **околедый** (старое значение, сохранившее известную эмоциональную оценку);

3) **лентяй**—**лежень** (старое значение) — **лоб** (сохранилось известное значение, появилась эмоциональная оценка);

4) **тунеядец-хлебод** (новое значение)—**нероботь** («местное» слово).

Для таштыпского говора характерно:

1) возникновение новых значений у слов, известных общенародному языку и говорам (**лепеха, лягуша, хлебод**). Это расширяет синонимические связи;

2) появление эмоциональной оценки у слов, известных общенародному языку и говорам (**корчага, коряга, ладья, лоб**). Это свидетельствует об оценочных возможностях явлений действительности;

3) образование «местных» слов (**вислогубый, нероботь, разлапена, ухрей**) в условиях изоляции от материнских говоров. Это доказательство самобытности говора и значительных возможностей лексической синонимии;

4) наличие семантических диалектизмов (**соня**) как результата диалектного осмысления слов в условиях Сибири; изменение семантической структуры слова привело к установлению новых синонимических отношений.

Богатство лексической синонимии объясняется причинами вневлигвистическими и различными источниками синонимии.

С л и с о к с о к р а щ е н и й

Агранова — Агранова. Материалы для словаря Трубчевского района Брянской области. 1957. карточки — приложение к кандидатской диссертации.

Андреев — Д. А. Андреев. Опыт местного словаря. Харинская волость (Кептур) Тотемского уезда Вологодской губернии 1892, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР Ленинград, шифр №1.

Арсентьев — П. В. Арсентьев. Словарь местных слов и речений, употребляемых в пределах бывшей Забайкальской об-

ласти, 1960, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр №3.

Б А С - словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.-Л., 1948—1965.

Бирюков — В. П. Бирюков. Уральский словарь, 1934, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 9.

Бобряков — А. А. Бобряков. Материалы для словаря говоров Киренского района Иркутской области. 1961, карточки, хранящиеся в картотеке Института русского языка АН СССР, Ленинград.

Бодров² — Н. Бодров. Областные слова Переяславльско-го уезда Владимирской губернии. 1849 и 1851, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело №23.

Бурнашев — В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. тт. 1—2. СПб, 1843—1844.

Васнецов — Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка. 1907.

Влазнев — В. К. Влазнев. Список старинных слов, употреблявшихся и употребляемых в разговорной речи жителями больших селений: Дединова, Любичи, Ловец, Верхнего и Нижнего Белоомутов Зарайского уезда Рязанской губернии. 1897, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 15.

Воецкий² — Л. Воецкий. Собрание местных русских слов и выражений, пословиц и загадок, с объяснением их значения, употребляемых в Казанской губернии по г. Чистополю и его уезду. 1852, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело №66.

Гоголь — Н. В. Гоголь. Собрание сочинений, т. 1. СПб, 1891.

Гуляев — С. Гуляев. Словарь областных речений, употребляемых русским народонаселением в Южной Сибири. Дополнение к словарю, напечатанному С. Гуляевым в «Библиотеке для чтения», август и октябрь 1847. Дата неизвестна, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело №175.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4. М., 1955.

Дилакторский — П. А. Дилакторский. Несколько слов о говоре крестьян Двигицкой волости Кадниковского уезда Вологодской губернии. 1896, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр №33.

Дилакторский³ — П. А. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда. 1902, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 35.

Диттель—Диттель. Сборник рязанских областных слов, живая старина, 1898, вып. 2, отд. 2.

Дмитрюков—А. Дмитриюков. Областные или местные слова, употребляемые в Курской губернии в городах Рыльске и Судже, 1849, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 96.

Дополнение—Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря», СПб, 1858.

Зырянов—А. Н. Зырянов. Язык ушадринских крестьян Пермской губернии, 1856, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 140.

Иваницкий—Н. А. Иваницкий. Материалы для словаря Вологодского народного говора (1883—1889), рукопись, картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 42.

Карпов²—И. И. Карпов. Краткий очерк простонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осташковского Тверской, 1855, рукопись Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, фонд 17, опись 40, дело № 16.

Колеганов¹—В. Г. Колеганов. Словарь народного языка крестьян села Верхозима - Черкасского Петровского уезда Саратовской губернии (ныне Пензенской области Шемышейского района), 1959, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 56.

Копаневич¹—И. К. Копаневич. Областные слова Истринского уезда и губернии, 1902—1904, рукопись Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, шифр № 45 8.244.

Копаневич²—И. К. Копаневич. Сборник материалов по фольклору, диалектологии и этнографии, 1904—1918, рукопись Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, шифр № 45. 8. 244/25.4.1 (нов.).

Кривошапки—М. Ф. Кривошапки. Енисейский округ и его жизнь, тт. 1—2, СПб, 1865.

Кузмищев²—П. Кузмищев. Замечания к собранию слов Архангельской губернии, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 2.

Куликовский—Г. Куликовский. Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении, СПб, 1898.

Леопольдов—А. Леопольдов. Опыт словаря простонародного языка, 1848, рукопись Ученого архива Всесоюзного географического общества, шифр № 36. 1. 12.

Луканин—И. Луканин. Этнографические сведения о жителях округа Богословских заводов Пермской губернии, 1848,

рукопись Ученого архива Всесоюзного географического общества, шифр № 29,1,14.

Маляревский³ — Г. Я. Маляревский. Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии. «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. XXVIII, отд. 2, 1917.

Матвеев¹ — А. К. Матвеев. Словарь говора д. Кевролы Линежского района Архангельской области, 1961. карточки картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград.

Машкин² — Машкин. Дополнение к сборнику местных слов, употребляемых в Обоянском уезде (Курской губернии). Дата неизвестна, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 92.

Миртов² — А. В. Миртов. Уральский словарь. Дата неизвестна, рукопись картотеки Института русского языка, Ленинград, шифр № 86.

Муллоу³ — Муллоу. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». Год неизвестен, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 193.

Обнорский — П. А. Обнорский. Словарь народных слов и выражений (собранных в Вологодском и Грязовецком уездах Вологодской губернии). Дата неизвестна, рукопись Архива АН СССР, фонд 197, опись 2, дело № 31/3.

Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря. СПб. 1852.

Параднєв — Т. И. Параднєв. Слова и выражения, употребляемые большею частью в простонародии по Еногаевскому уезду Астраханской губернии, 1854, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 10.

Пашковский — А. М. Пашковский. Словник слов народной речи Свердловской области, подлежащих обработке и включению в «Словарь русских говоров Среднего Урала», 1964.

Плечев — П. Плечев. Дополнительный словарь областного местного наречия Шенкурского уезда Архангельской губернии, 1898 (Дополнение к словарю Подвысоцкого), рукопись Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 144.

Подвысоцкий — А. О. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1885.

Покровский и Яценко — Ф. И. Покровский и Е. Н. Яценко. Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря», 1905—1921, словарь в тетрадях, хранящийся в картотеке Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 117, 118.

П-32 — Материалы в карточках, использованные для 2-го Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря», 1905—1921.

П-161 — Словарь областных слов собственно Самары, 1854, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 145.

П-367 — Простонародное наречие. Дата неизвестна, Рукопись Архива АН СССР, фонд 9, опись 4, дело № 16.

СО — С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка, изд. пятое, М., 1963.

Тиховидов — А. Тиховидов. Словарь местных слов Вятской губернии (Вятского, Слободского и Котельничского уездов), 1848, рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4, дело № 43.

Томский словарь — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, тт. 1—3, изд. ТГУ, Томск, 1965—1967.

Уральский словарь — Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1, изд. УрГУ, Свердловск, 1964.

Федоров³ — А. И. Федоров. Материалы, присланные Институтом экономики, философии и филологии СО АН СССР, карточки, хранящиеся в картотеке Института русского языка АН СССР, Ленинград.

Филимонов — К. Филимонов. Слова. Дата и место неизвестны, рукопись, хранящаяся в Институте русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 151.

Фортунатов — А. Фортунатов. Дополнение к вологодскому провинциальному словарю. Дата неизвестна, рукопись картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград, шифр № 155.

Чернышев² — В. П. Чернышев. Диалектные словарные материалы к разным местностям 1910, карточки картотеки Института русского языка АН СССР, Ленинград.

М. Е. КИЛИЖЕКОВ

ПОНЯТИЕ СЛОГА В АНГЛИЙСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья ставит целью показать в сопоставительном плане в учебных целях понятие слога и слогораздела в английском и хакасском языках. Автор считает, что подобного рода сопоставление необходимо, и будет оно полезным для преподавателей английского языка в хакасских школах, для студентов-хакасов Абаканского государственного педагогического института, а также для лиц, изучающих самостоятельно английский язык.

Понятие слога.

На каком бы языке мы ни говорили, наша речь представляет собой звуковой поток, расчлененный паузами на отрезки большей или меньшей длины (синтагмы) в зависимости от смысла. Например: He works in the daytime. In the evening /he is always at home) 'Днем он работает, вечером всегда дома'. Пир муң сигіс чўс алтон ікі чылда/ алты майда/, Асхыстан он читі километр төбін /Ағбан хазында/ Николай Катанов төреен. 'Шестого мая тысяча восемьсот шестьдесят второго года /в семнадцати километрах вниз от села Аскиз /на берегу реки Абакан/ родился Николай Катанов'.

Синтагма, как определяет академик В. В. Виноградов, «...— это семантико-синтаксическая единица речи, отражающая кусочек действительности, наполненная живой экспрессией и интонацией данного сообщения»¹

¹ В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 253.

С точки зрения звуковой, речь делится на небольшие отрезки, в свою очередь распадающиеся на слоги (syllables)², которые могут состоять из одного звука, как например, э: -ог 'или', (э:) = ээ 'хозяин', или из нескольких звуков: be—ne—fit 'милость' (англ.), тарт-ты = тартты 'он потянул' (хак.) и т. п.

К определению слога ученые подходят по-разному: «...каждая синтагма или отдельно произнесенное слово в свою очередь представляет цепь звуков, волнообразно усиливающуюся и ослабляющуюся и, таким образом, распадающуюся акустически на еще более мелкие единицы—слоги»³ или «... в отличие от слова и морфемы, — непосредственно семантических единиц языка, неразрывно связанных со своим звучанием, — слог является единицей прежде всего фонетической»⁴, а в определении профессора А. А. Трахтерова «слогами называются артикуляционно и акустически ограниченные, ритмически чередующиеся монолитные отрезки речи, которые являются кратчайшими носителями акцентно-тонических средств языка и состоят из отдельных гласных или разнородных звуков, объединенных ведущим тональным элементом».⁵

Тональными элементами слога могут служить гласные и сонанты, т. е. те категории звуков речи, которые, по сравнению с шумными, обладают особыми, преимущественными свойствами передачи фонетических компонентов устной речи, их полноценного распространения в воздушной среде. Тональный элемент слога, являясь одной из фонем языка, обеспечивает в то же время нормальную слышимость речи...⁶

В каждом языке имеются свои особые формы слога. Обычно слогообразующими являются гласные, как это наблюдается в хакасском языке. В английском слогообразующими, кроме того, могут быть и сонанты. Так, например, ангинально-альвеолярный сонант *ŋ* обладает в английском языке наиболее ярко выраженной слогообразующей функцией; *m* и *n* образуют слоги зна-

² В. Н. Витомская. Основы английской фонетики, М., 1948, стр. 97.

³ О. J. Dickushina. English Phonetics, М.—Л., 1969, стр. 112.

⁴ Г. П. Торсуев. Фонетика английского языка, М., 1950, стр. 169.

⁵ А. Л. Трахтеров, Лекции по теоретическому курсу фонетики английского языка, М., 1955, стр. 45.

⁶ Там же, стр. 45.

* По техническим причинам английский заднеязычный носовой звук изображен знаком (ŋ) хакасского звука (ŋ), практически не отличающегося от соответствующего английского звука по своей артикуляции и акустическим свойствам.

чительно реже, обычно в связи с выпадением предшествующего гласного, например:

beihn-bacon 'бекон',
gd: dn=garden 'сад'.

Боковой сонант *l* в соответствующих комбинаторах¹ условиях также обладает ярко выраженной слогообразующей функцией, например, teibl-table 'стол', litt-little 'маленький'. Следовательно, в английском языке слогообразующими характерными сонантами являются *n*, *m*, *ŋ*, *l*, чего нет в хакасском. Однако в системе слоγοстроения обоих рассматриваемых языков есть и общие моменты. Например, закрытые слоги в двухсложных и многосложных словах: liste-ner 'слушатель', con-tract-ed 'сокращенный' (англ.), а-пар 'относить', ы-рах-сын-ган (ырах-сынган) 'тяготиться расстоянием' (хак.)

Как в английском, так и в хакасском языках гласные-части бывают неслоговыми. Таковы дифтонги в английском, различные сочетания гласных с *h* в хакасском. Например:

английские	хакасские
ai=J 'я'	ай 'месяц'
dei=day 'день'	хой 'овца'
hau=how 'как?'	пай 'богатый'

Итак, в обоих языках возможны как открытые (open), так и закрытые (close) слоги. Открытыми называются слоги, заканчивающиеся монофтонгами или дифтонгами: hi=he 'он', mei=May 'май' (англ.); сини 'тебя', кой 'гореть' (хак.). Закрытые слоги заканчиваются согласными: hat 'шляпа', мен 'мужчины' (англ.); ат 'лошадь', хап 'мешок' (хак.)

Кроме вышеуказанных основных групп в английском языке есть еще так называемый условно-открытый слог. Условно-открытый слог обычно оканчивается в написании на букву *e*, которая не произносится, поэтому ее называют еще «немой» гласной *e*. Однако предыдущий слог считается открытым, и гласная в нем имеет алфавитное чтение: leik=lake 'озеро', said=side 'сторона'. Подобного типа слогов нет в хакасском языке, поэтому он пред-

¹ Р. Ф. Проница, Л. Н. Сорокина. Английский язык, М., 1968, стр. 7

ставляет собой одну из основных трудностей для учащихся при изучении английского языка.

А в хакасском на фоне этих двух групп слогов различают еще шесть типов слогов:⁸ два открытых и четыре закрытых. Приведем примеры, условно обозначив согласный звук буквой с, а гласный — буквой г:

открытые слоги:

- 1) -г: а-да 'отец';
- 2) с+г: та-на 'крупная перламутровая пуговица';

закрытые слоги:

- 1) г+с: от 'трава', ал-ды 'он взял',
- 2) с+г+с: сас 'волос', тон-нар 'шубы',
- 3) г+с+с: ирт-че-лер 'проходят',
- 4) с+г+с+с: тарт 'тянуть', чурт 'жизнь, хозяйство'.

В связи с заимствованием слов из русского языка хакасский обогатился новыми типами слогов: с+с+г (сте-на), с+с+г+с (трак-тор) и т. д.

Английские долгие монофтонги и дифтонги могут находиться в открытых и закрытых слогах. В хакасском языке также наблюдается аналогичная картина, хотя слов с подобным звуковым составом в последнем гораздо меньше. Например:

английские:

- mi : = me 'меня, мне',
mi : t = meet 'встречать',
lei = lay 'класть, положить',
leit = late 'поздний',
tu : = too 'также, тоже',

хакасские:

- ага: = агаа 'ему, тому',
пи: = пин 'кобылица',
ки: = кии 'воздух',
кӧ: = кӧӧ 'мелодия (его)',
пиди: = пиди 'так,
таким образом'.

Краткие английские гласные за некоторыми исключениями могут стоять только в закрытых слогах: lid 'крыша', led 'вёл, руководил', let 'давать', 'позволять'. В последнем звук (e) произносится более кратко, чем в led, т. к. стоит перед глу-

⁸ Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь, М., 1953, стр. 376.

хим согласным, а во втором случае—перед звонким. Гласные перед глухими произносятся короче, чем перед звонкими. Ср.: *bet* 'пари' — *bed* 'постель', *lad* 'парень'.

Из кратких английских гласных только редуцированный нейтральный гласный и неударные *i* и *u* могут стоять в открытых слогах, например: *again* 'опять', 'снова', *intu-into* 'в, во'. Соответствующие же хакасские гласные нормальной долготы могут находиться как в открытых, так и в закрытых слогах, например:

в открытых слогах:

а-ба = *аба* 'медведь';
па-ла = *пала* 'ребенок'
а-ла = *ала* 'пегий',
са-на = *сана* 'лыжи',
си-ни = *сини* 'тебя'.

в закрытых слогах:

сип 'небольшой речной залив',
табан 'ступня',
юн 'голос',
чатхан 'чатхан' (хакасский национальный музыкальный инструмент).

В том и другом языке слоговая граница проходит перед согласными, если предыдущий гласный является долгим или дифтонгом: *neigh-bour* 'сосед' (анг.), *саа-дах* 'колчан' (хак). Если гласный отделен от последующего гласного двумя разными согласными, то слоговая граница в обоих языках проходит между этими согласными, например: *cap-tain* 'капитан' *ruth-less* 'безжалостный' (англ.), *ир-тен* 'утром', *хап-хан* 'поймался' и др.

Когда между двумя гласными имеется один согласный звук, то при делении на слоги согласный отходит вправо, открывая предыдущий слог: *Pe-te* 'Петя', *са-ке* 'торг'. Гласный звук оказывается в открытом слоге, если от следующего гласного он отделен только одним согласным: *va-lence* 'валентность'. Если же гласный отделен от следующего гласного двумя или тремя согласными, то он, естественно, оказывается в закрытом слоге: *ac-tor* 'актёр', *ac-tress* 'актриса'.

Слогоделение

Деление слова на слоги в обоих рассматриваемых языках имеет свои специфические особенности. Поэтому знакомство и знание правил слогоделения, типичных для современного английского языка, является необходимым условием в практических целях. Практика убеждает, что учащиеся-хакасы испытывают большие затруднения при переносе слов, стремясь это де-

зать по правилам слога деления (переноса) родного или русского языков, которые не всегда совпадают с правилами переноса английских слов. Из анализа письменных работ учащихся-хакасов выяснилось, что 62% из них допускают ошибки на перенос слова:⁹ Su-ndays вм. Sun-days 'воскресенье', mot-her вм. moth-er 'мать', tab-le вм. ta-ble 'стол'.

Для практики школьного преподавания необходимо знать основные принципы переноса слов в английском языке. Кратко остановимся на этих принципах.

Так, например, если на слоговой границе (здесь и дальше мы имеем в виду слог графический, а не фонетический) находятся две согласные буквы (одинаковые или разные), то слогораздел проходит между ними (согласными): win-dow 'окно', yel-low 'жёлтый', sis-ter 'сестра', din-ner 'обед', sum-mer 'лето'. Это положение относится и к согласным диграфам: sh, ch, ph, th, ng, каждый из которых обозначает только один звук и входит в состав одного слога, например: bro-ther 'брат', was hing 'умывание', ring-ing 'звон'. Закрывает предшествующий слог также буква *x*: ex-ample 'пример', box-es 'коробки', но не удваивается, хотя передает последовательность звуков $k + s = ks$.

В начале статьи говорилось о так называемой «немой» букве *e*, которая в конце слова в неударном положении не читается, но пишется обязательно. Она влияет на чтение предшествующей гласной буквы и участвует при слога делении, забирая предшествующую букву вправо и открывая этим самым предшествующий слог, например: lake 'озеро', take 'брать' и др.

Слово table 'стол', а также другие слова, ему подобные, зачастую ошибочно относят к односложным, поскольку во второй половине их стоит буква *e*, упуская из виду то, что она участвует в слога делении. Кроме того, в словах такого рода имеется так называемый слога образующий (syllabic) *l*.

Слога образующий *l* встречается в английском языке в неударном слоге после согласного звука:¹⁰ (candle 'свеча', title 'заглавие', tickle 'щекотать', simple 'простой') и несет силлабическую функцию. Может встречаться и после гласного, и при этом

⁹ Для анализа были использованы письменные работы хакасских учащихся V классов.

¹⁰ Е. Н. Драгунова и А. И. Краснощекова. Английская орфоэпическая система, М., 1944, стр. 17.

сохраняет за собой функцию слогаобразования: *vital* = *vai-tl* 'жизненный', *revel* = *re-vl* 'пировать', *pupil* = *pju:pl* 'ученик'. Естественно, поэтому слова типа *pupil*, *revel*, *vital* являются двусложными и делятся на слоги по общему правилу. А в словах же типа *simple*, *apple*, *title* слогоделение специфично только для английского языка. Буква *l* всегда передает согласный звук независимо от того, стоит ли она перед «немой» гласной *e* или перед читающейся гласной буквой (*simplest*, *simply*).

Из всего сказанного вытекают следующие основные положения о слогоделении в английском языке, отмеченные К. Н. Кулаковым¹¹.

1. Если на слоговой границе за гласной буквой следует согласная, а за ней *l* или *r*, то слогораздел передвигается на одну букву влево, например *su-cle* (от *bicycle*) 'велосипед', *cen-tre* 'центр', со всеми вытекающими отсюда последствиями в чтении гласной буквы.

2. Если за гласной буквой *i* следует сочетание согласных *ld* или *nd* (обе буквы в них читаются), то слоговая граница проходит так же не между, а перед согласными: *chi-ld* = *child* 'ребенок', *ki-nd* = *kind* 'добрый', *fi-nd* = *find* 'находить'.

Нечитаемое сочетание *gh* также открывает слог с буквой *i*, даже если за диграфом *gh* следует еще согласная: *hi-gher* 'выше', *ri-ght* 'право', *li-ght* 'свет', *nei-ghbour* 'сосед', *ni-ght* 'ночь'.

3. Если за гласной буквой *a* следуют буквосочетания *ng*, *th*, *st* с последующей *e*, а иногда сопровождаемые согласными, то слоговая граница проходит перед перечисленными сочетаниями согласных, т. е. слог открывается с буквы *a*, например: *'da-nger* = *danger* 'опасность', *fa-ther* = *father* 'отец', *fa-sten* = *fasten* 'прикреплять'.

То же самое отмечается, когда за буквой *o* следует сочетание *ld*: *o-ld* = *old* 'старый', *fo-ld* = *fold* 'складывать', *ho-ld* = *hold* 'держат' и т. п.

Вопрос о слогоразделе в случае соседства двух гласных букв является наиболее сложным и достаточно неисследованным. Здесь, видимо, прежде всего приходится решать, является ли данное сочетание гласных букв диграфом или «случайной

¹¹ К. Н. Кулаков. Пособие по фонетике английского языка, М., 1960, стр. 90.

встречей».¹² В качестве «случайных сочетаний» могут выступать $i + a$, $i + o$, $i + u$, $v + a$, $e + o$. например theory 'теория', pioneer 'пионер', dial 'циферблат' и др.

Характерной же особенностью хакасского слога является наличие слогообразующих гласных звуков, определяющих в силу закона сингармонизма характер согласных, входящих в данный слог. Слогообразующий гласный является как бы показателем качества примыкающих к нему согласных. Так, если гласный является заднего ряда, то и согласные имеют несколько сдвинутую назад артикуляцию: если — переднего ряда, то и согласные являются более передними.¹⁶ В хакасском языке сколько гласных в слове, столько же в нем слогов: тон 'шуба', $i-k\ddot{i}$ = $i-k\ddot{i}$ 'два', $\ddot{y}g-re-ner-ge$ = $\ddot{y}grenerge$ 'учиться'. И слово делится на слоги только на слоговых границах: ме-лей = мелей 'рукавицы', ту-ды-лыс = тудылыс 'препятствие'. Учащиеся-хакасы обычно стараются способы слогостроения родного языка применять к английскому как в письме, так и при чтении. Например: the lesson begins вм. the lesson begins = the lesson begins = урок пасталча 'урок начинается', my mother teaches вм. my mother teaches = миннн ичем $\ddot{y}gret\ddot{c}i$ 'моя мать учительница'. В подобных случаях учителю следует особо обращать внимание на характерные особенности того и другого языка, показывая это соответствующим иллюстративным материалом.

Итак, мы рассмотрели явление слогообразования и слогоделения в английском и хакасском языках. Выяснили, что общего в них, каковы особенности, присущие лишь одному из них. Однако общее понятие и общая основа слогообразования и слогоделения будут едины, которые можно выразить в следующей формулировке: слог есть кратчайший отрезок звучащей речи, состоящей из одного или нескольких звуков, выделяющийся в слуховом восприятии из потока речи как фонетическое единство, образованное в произносительной деятельности говорящего согласно природе сочетающихся звуков и нормам данного конкретного языка.

¹² Е. Н. Драгунова, А. И. Краснощекова. Указ. соч., стр. 32.

¹³ Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Фонетические особенности хакасского языка и его диалектов. «Труды института языкознания АН СССР», т. IV, 1954, стр. 373.

М. И. БОРГОЯКОВ,
кандидат филологических наук.

ЭТНИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В настоящее время становится все более очевидным тот факт, что во многих тюркских надписях VI—XII вв., обнаруженных на камнях и других предметах в Хакасско-Минусинской котловине и Туве, зафиксированы определенные этнонимы, собственные имена людей и топонимы. Некоторые из них мы находим сохранившимися без особых фонетических изменений в современных тюркских языках Саяно-Алтайского нагорья: в хакасском, шорском, тувинском и алтайском языках. Сравнение современных хакасских и других этнонимов, топонимов с таковыми в древних надписях представляется делом вполне целесообразным. Названия племен, как и некоторые собственные имена и фамилии, относятся к числу наиболее архаических элементов лексики в любом языке. Они имеют тенденцию, так сказать, «окаменевать» и таким образом сохраняться в первоначальной форме гораздо дольше, чем обычные слова, жившие в языке в то время, когда эти имена были приняты, ибо последние более подвержены износу от повседневного употребления и претерпевают медленные, но упорные фонетические и семантические изменения¹.

И. А. Батманов отмечает, что этнические названия в енисейских надписях представлены в небольшом количестве. Им,

¹ Дж. Клосон. О названии «Уйгур». Сб. «Исследования по уйгурскому языку», вып. 1, Алма-Ата, 1965, стр. 216—217.

И. А. Батмановым, дается список этих названий: 1) Алпагу (39)², 2) Ач (30 и др.), 3) (Кыр) кыз (24), 4) Кешдим (24), 5) Табгач (11), 6) Терс (38), 7) Тюлбер (3), 8) Тюргис (37), 9) Тюрк (32). По мнению автора списка, из этих слов правомерно говорить только о двух: кыргыз и тюрк³. В реальности остальных этнонимов он, видимо, сомневается.

Однако дальнейшее изучение языка этих памятников, открытие и чтение новых надписей и накопление другого сравнительного материала позволяют говорить о реальности почти всех перечисленных выше слов как этнонимов и личных собственных имен. Кроме того, новый сравнительный материал дает возможность говорить и о некоторых других словах названных памятников, являющихся, на наш взгляд, также этнонимами или личными собственными именами. В свете новых толкований отдельных слов иначе понимается содержание некоторых текстов, о чем будет сказано в этой статье ниже.

Из перечисленных выше 9 названий пока только одно вызывает сомнение. Это «Терс», которое сейчас не находит себе семантической параллели в современных тюркских языках Южной Сибири. Что же касается остальных, то в том, что они представляют собой этнонимы или личные имена, сомневаться трудно. Три из них (табгач, кыргыз, тюрк) — общезвестные этнонимы. Ач, кешдим, тюльбер находят свои параллели в современном хакасском языке. Поскольку в отношении этих терминов были высказаны сомнения (являются ли они этнонимами), считаем нужным более подробно остановиться на них.

1. В отдельных надписях, найденных на территории Хакасии и Тувы, встречается слово ач, которое, по мнению большинства исследователей этих памятников, является этническим термином. Так, например, С. В. Киселев писал: «Ач или народ Ач енисейских текстов, высеченных на каменных стелах, — имя ветви кыргызов, населявших степи Хакасии от рр. Июсов до р. Уйбата. Следовательно, перед нами первая из надписей на вещах (речь идет о найденном на Уйбате С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой серебряном кувшине с рунической надписью, прочитанной ими же как «... золото... дар Ача»), которая, бесспорно,

² Здесь и далее в скобках указывается номер памятника по книге С. Е. Малова «Енисейская письменность тюрков», М.—Л., 1952.

³ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962, стр. 96—97.

сделана в том же районе, где обнаружен предмет. Это еще более повышает ее значение. Она сообщает о той же форме обязательных дарений знатым людям, что и предыдущая надпись, но теперь мы узнаем и дарителя. Это не завоеванный чужой народ, кыштым, это сами кыргызы, свободный «народ Ач»⁴. Ссылаясь на эти надписи, он пишет, что дани-дары, очевидно, еще в VII—VIII вв. характеризовали отношения кыргызского народа и его знати. В другом месте С. В. Киселев указывает, что «в енисейских надписях господствуют местные наименования племен...». А. П. Дульзон, ссылаясь на В. В. Радлова, пишет: «О том, что в верховьях Чульма уже в давние времена звучала тюркская речь, свидетельствуют две рунические надписи, обнаруженные на скалах Черного и Белого Июсов, в одной из которых, между прочим, упоминается этноним Ач, лежащий в основе названия города Ачинска»⁵. Далее он замечает, что «В. В. Радлов относит их, вместе со всей группой древних хакасских надписей, к более раннему времени, чем древнетюркские орхонские памятники»⁶.

С. Е. Малов сомневался в реальности существования народа или племени ач. Поэтому он придавал этому слову иное значение. Он писал по этому поводу: «Народ Ач, встречающийся часто в переводах В. В. Радлова (в енисейских памятниках) и в сочинениях историков и археологов, для меня очень сомнителен... В последующих надписях, где мои предшественники по чтению памятников видели слово ач, я везде буду указывать это и давать свое чтение»⁷.

Следует, однако, сказать, что слово ач в указанных надписях читается настолько отчетливо, что сомневаться в его реальности почти нет оснований. Так, например, в памятнике с Кара-Юса (39) вторая строка В. В. Радловым и С. В. Киселевым прочитана: ач сү башлыгы öl (ü) «начальник войска (народа) Ач умер», С. Е. Малов вместо ач сү читает ич сү и переводит: «внутреннее войско». В четвертой строке этого же памятника прочитываются слова: ач и ара, являющиеся, по нашему мнению, этнонимами. Первое слово С. Е. Малов читает также ус-

⁴ С. В. Киселев, Краткий очерк древней истории хакасов, Абакан, 1951, стр. 67.

⁵ А. П. Дульзон, Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики, «Уч. записки Томского госпединститута», т. VI, 1950, стр. 182.

⁶ Там же, стр. 182.

⁷ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 15.

ловно в виде *ič*. Между тем, здесь в начале стоит знак, обозначающий гласный звук *a*, следовательно, надо читать *ач*. Второе слово *ара* переводится С. Е. Маловым как 'центр, середина и перевод получается не совсем удачным: «внутри самого центра»...⁸. Во втором слове также можно видеть этноним, который сохранился у хакасов, проживающих в том же районе, где обнаружена надпись с указанным словом: Ср. название бывшего улуса Аралар аалы 'Аринский улус', т. е. улус рода *аара*. Имеются подразделения этого рода: *мун-аара*, *тиин-аара*, *частыг-аара*. В данном случае можно предположить, что *ач* и *ара*, зафиксированные на скале, вошедшей в литературу как Сулекская писанница, — это один сложный этноним, т. е. подразделение общего этнонима *ара*, наподобие *мун-аара*, *тиин-аара* и т. д., образованных из двух известных этнонимов: *мун-* (ср. Мунгатов улус), *тиин*, *частыг* (ср. *тинцы* и *ястынцы*) с одной стороны и *аара* — с другой. По этой же модели образован сохранившийся у северных алтайцев ближайших соседей хакасов (кызыльцев), этноним *ач-киштым*. Вполне мог существовать и этноним *ач-ара*. Как известно, *арины* считаются отюреченным племенем. В первой половине XVIII в. Г. Ф. Миллер во время своего путешествия по Сибири нашел около Красноярска одного старика-арина, помнившего свой аринский язык. Г. Ф. Миллер сообщает, что за исключением этого единственного старика, все уже давно позабыли свой родной язык и говорят только по-татарски, так как с незапамятных времен путем браков породнились с татарами (имеются в виду хакаские племена—кызыльцы и качинцы—М. Б.). Этот же старик сообщил Г. Ф. Миллеру, что имя *ара* или во множественном числе *аралар* — татарское, данное *аринам* еще в незапамятные времена татарами, проживавшими около Красноярска. Татарское слово *ара* (*a* в аринском — *суссай*) означает 'шершень'. *Арины* и по настоящее время в разговоре между собой пользуются этим именем и никто не знает, как назывались они на своем языке в давние времена⁹. Н. Ф. Катанов нашел *аринов* уже на правом берегу р. Абакан, в селе Белый Яр и записал от них легенду, где говорится, что «Кость, называемая *мун-аара* (т. е. 1 000 *ара*), была многочисленней всех костей»¹⁰.

⁸ Там же, стр. 69.

⁹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 186—187.

¹⁰ Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен. ч. IX, СПб, 1907, стр. 534.

Таким образом, мы имеем основание предположить, что в надписи из Кара-Юса начертаны этнонимы ач и ара. Они свидетельствуют о взаимоотношении родов в древние времена (VII—VIII вв.) на указанной территории. Наконец, древний ач сохранился в названии рода, по всей вероятности эмигрировавшего, в виде ач-кештим¹¹. В русских исторических документах XVII века это название зафиксировано двойко: Аз-кыштымская и Акыштымская волость¹².

Таким образом, аз или ач — один этноним. Отсюда этот этноним сближается также с аналогичным этнонимом (аз), упоминаемым в орхонских памятниках. В составе алтайских родов В. В. Радлов отмечает также род ара, который, по его мнению, как и некоторые другие, является потомком древних аринцев¹³, переселившихся, по-видимому, со своей исконной территории.

Исходя из вышесказанного, становится более логичным чтение второй строки памятника с Кара-Юса (39) в виде Ач сү башлыгы *öl (ti)*, т. е. 'Вождь витязей Ач умер', как это предложили В. В. Радлов, вслед за ним и С. В. Киселев. С нашей точки зрения, эту фразу можно перевести следующим образом: 'Военачальник (племени) Ач умер'. Содержание то же самое. С. Е. Малов переводит эту строку: «Начальник внутреннего войска умер в сознании (?)»¹⁴, что является менее убедительным.

Далее. В последней строке этой же надписи имеется слово алпагу, которое у С. Е. Малова осталось не переведенным. И. А. Батманов допускает, что это слово может быть прочитано как Али Агу. В таком случае оно приобретает реальное значение: алып (в надписях али) значит в хакасском 'богатырь, герой', богатырский, геройский, сильный'. Агу, надо полагать, есть личное собственное имя. Сочетание Али Агу в переводе будет означать: 'Сильный (или богатырь) Агу'. Из сообщения В. В. Радлова мы узнаем, что среди тех же кызыльцев имеется название рода Акы¹⁵, которое может быть сопоставлено с древним Агу (че-

¹¹ Radloff W. *Phonetik der nördlichen Türkssprachen*, Leipzig, 1882, стр. XXVIII.

¹² Б. О. Долгих, *Родовой и племенной состав народов Сибири*, М., 1960, стр. 106.

¹³ Radloff W., *Указ. соч.*, стр. XXIX.

¹⁴ С. Е. Малов, *Указ. соч.*, стр. 68—69.

¹⁵ В. В. Радлов, *Указ. соч.*, стр. XXVI. В исторической литературе этот род иногда называется Игинским родом (см. Л. П. Потапов, *Происхождение и формирование хакасской народности*, Абакан, 1957, стр. 243 и др.).

6. Ученые записки. Вып. XIV,

редование последних звуков здесь вполне допустимо). Имя Агу, зафиксированное в древней надписи в районе обитания современных кызыльцев, возможно, также сохранилось в качестве собственного имени. Как известно, в Кызыльской волости в XVII—XVIII вв. был князец по имени Агучек (чек — аффикс уменьшительной формы, продуктивный для современного хакасского языка). Л. П. Потапов по этому поводу пишет: «Тюркоязычное население этих волостей управлялось своими князцами, имена некоторых из них (Катышак, Агучек, Майтык, Арыкпайка и др.), фигурирующие в документах конца XVII — начала XVIII вв., превратились в фамилии многих кызыльцев, сохранившиеся у них до наших дней».¹⁶ К этому можно добавить, что у современных хакасов бытуют такие собственные имена, как Аку, Акун, Акый, по всей вероятности, связанные с Агу.

О том, что в древних надписях Енисея отражены некоторые этнонимы и собственные имена людей, дошедшие до наших дней, мы упоминали ранее в другом своем сообщении¹⁷. Так, например, в памятнике (49) мы читаем: «Мое героическое имя Акбаш». В другом памятнике (2) из Тувы же сказано: «Мое героическое имя Яш Ак баш». Элементы этого древнего имени мы наблюдаем в современной хакасской фамилии Ахпашевых, в которой нетрудно заметить два корня ах и паш (литературная форма пас), что значит дословно «белая голова». Это, очевидно, свидетельствует о том, что делавший древнюю надпись человек был светловолосым. У р. Аскыс раньше был улус Ахбашев (по-хакасски Ах пасгар аалы 'Улус белоголовых'). Среди хакасов встречается и фамилия — Карамашев, что значит дословно 'черная голова'. В данном случае произошло чередование *п* и *м* в слове пас 'голова'.

Некоторые собственные имена, содержащиеся в енисейских надписях, в современном хакасском языке бытуют как этнонимы. Так, например, в памятнике (5), найденном в Туве, во второй строке говорится: «Я сам Йигин Али Туран в тринадцать лет от шести родов народа отделился (умер)». В этом сложном имени первое слово йигин или йегин означает 'племянник, внук' (в хакасском оно употребляется уже в стяженной форме в виде

¹⁶ Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 108.

¹⁷ Материалы по лексике хакасского языка. «Уч. записки Хакасского ЦИИЯЛИ», вып. XI, Абакан, 1965, стр. 179—185.

чеен со значением 'племянник, племянница'; 'племянники со стороны сестры и их потомство'¹⁸. Второе слово **алп** (в хакасском — **алып**) означает 'богатырь, богатырский, сильный', третье слово **туран** перевода пока не имеет. Однако оно сохранилось у хакасов как этноним. Имеется хакасский (сагайский) род под названием **туран** (во множ. числе **тураннар**), куда входят носители фамилий Чертыковых и других. Подобные параллели мы обнаруживаем и в других памятниках. В памятнике (50) из Тувы в четвертой строке сообщается: «Геройское имя **Буға**». Последнее правомерно сопоставить с хакасским (кызыльским) названием рода **пуға**, что значит дословно 'бык' (чередование согласных **б** и **п** — закономерное явление в хакасских диалектах). Улус этого рода назывался **Пугалар аалы**, т. е. 'Улус рода **Пуға**'. Кроме того, среди хакасов было распространено мужское имя **Пуға**, **Пугачах**, **Хара Пуға**.

В памятнике (42) Минусинского музея в восьмой строке сказано: «**әр атым үзүт угды...**». Перевод по С. Е. Малову: «Мое имя героя с душой умершего человека он справился (или, «нечистого смял»)». Слово **үзүт** в тюркских языках (в частности, в хакасском) означает 'душу, дух умершего человека (по суеверным представлениям)'. Это значение, видимо, легло в основу перевода слова **үзүт**. Однако в надписи прямо сказано: «Мое геройское имя **Узүт угды**», — следовательно, последнее является личным собственным именем, и это подтверждается современным хакасско-шорским материалом. Во-первых, среди шорцев мы встречаем этноним **үзүт шор**, который в русских исторических документах XVII—XVIII вв. фигурирует в виде **Изушерский** (отсюда **Изушерская волость**). Во-вторых, в хакасском эпосе имеются собственные имена **Узүт хан** и его дочь **Узүт Арыг** (отрицательные персонажи).

В связи с вышесказанным, можно указать на найденные в Хакасии памятники (30, 37), в которых упоминается имя **Кара кан**. Это имя встречается также в хакасском эпосе в виде **Хара хан**. Есть и **Ах хан** (в последнем звучит удлиненный гласный **Ах хаан**). В этом же памятнике (37), в третьей строке сообщается: «Я умер внутри Тюркешского государства...». Слово **тюркеш** здесь является этническим термином. Это общез-

¹⁸ См. Хакасско-русский словарь (составители Н. А. Баскаков и А. П. Никушкина-Грекул). М., 1953, стр. 315. В дальнейшем переводы некоторых хакасских слов берутся из этого словаря.

вестный этноним. Он сохранился, в частности, также среди северных алтайцев в виде *тиргеш*.

Далее, можно указать на Абаканский памятник (48), где в седьмой строке читаем: «Мое имя Тюлэш биггä (т. е. Тюлеш: Мудрый)...». Имя *Тюлеш* сохранилось среди алтайских этнонимов в виде *тёлёс* (*тёлёс*)¹⁹. С. И. Вайнштейн обратил внимание на тувинский этноним *тюлюш* и связывает его с древнетюркским племенем. Он пишет: «Тюлюш — одна из самых крупных тувинских родоплеменных групп... Связь этнонима *тюлюш* и древне тюркского этнонима *түлүс* не вызывает сомнений»²⁰. Этноним *тюлис*, как известно, упоминается в древнетюркском памятнике в честь Кюль-Тегина²¹.

В памятнике (11) из Тувы в десятой строке читаем: «йәти бөри өйүрдүм...», перевод: 'Я убил семь волков'²². В другой, указанной выше статье, мы отмечали, что в данном случае речь идет о названии племени (или рода), которое сохранилось в качестве этнонима у хакасов и шорцев в виде *читі пүүр* (с фонетическими вариантами), что значит дословно 'семь волков'. Есть этноним *пүүр* 'волк' (*пүүрлер* во множ. числе). Таким образом, в древней надписи автор сообщает, что он убил какую-то часть рода *читі пүүр*, существовавшего, как видно, еще в древнехакасское время.

Интерес представляет памятник (2), где содержится имя *Яш Ак баш*. В четвертой строке этого памятника написано «ачда бен...» (по В. В. Радлову *ач* является этнонимом). С. Е. Малов пишет: «Ачда бен я в крайности, за неимением ничего другого, перевел бы через *ач* (монг.) 'милость, благодеяние'. Таким образом, *ачда бен* по С. Е. Малову: «Я в милости». В данном случае *ач*, по нашему мнению, также является этническим термином и в силу того, что *-да* — аффикс местно-исходного падежа, это место может быть переведено двояко: 1) *Яш Ак баш* был родом из племени *Ач* или из земли *Ач* (если допустить, что аффикс *-да* употреблен в значении исходного падежа); 2) *Яш Ак баш* находился на земле племени или народа *Ач* (если допустить, что *-да* употреблен в значении местного падежа и, таким

¹⁹ В. В. Радлов, Указ. соч., стр. XXIX, XXX.

²⁰ С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев, «Уч. записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. V, Кызыл, 1957, стр. 186.

²¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М. — Л., 1951, стр. 30.

²² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 33.

образом, указывает на местопребывание автора). Следует отметить, что этноним ач в большей части встречается в рунических памятниках, найденных в Хакасско-Минусинской котловине.

Теперь о термине **кара сеңир**, содержащемся в памятнике (24) в Туве. Общепринято считать, что **кара сеңир** является географическим названием. С. Е. Малов отмечает, что памятник во многих местах трудно читаем. Собственные имена здесь весьма предположительны²³. Однако **кара сеңир** прочитывается отчетливо и никто не оспаривает правильность его чтения. В этом памятнике упоминается он трижды.

С. Е. Маловым, как и другими учеными, **кара сеңир** переводится как 'Черный хребет', который, насколько нам известно, в современном Саяно-Алтайском топонимическом комплексе не встречается. И. А. Батманов, однако, прямо замечает: «**Кара Сеңир — Черный хребет. Теперь — Хемчик сыны** (в сев.-зап. части Тувы, на линии с Красноярским краем). Судя по содержанию и месту расположения памятника, речь идет о южном склоне этого хребта и долине р. Хемчик (по А. А. Пальмбаху)». В то же время он отмечает, что встретившееся здесь **кара 'черный'** — один из распространенных компонентов в сложных географических именах современных тюркских языков²⁴. Можно добавить, что в хакасском фольклоре иногда встречается **Хара сын 'Черный хребет'**, но **Хара Сеңир** (или в стяженной форме **Сиир**) в топонимике пока не обнаружено. В четвертой строке говорится: «Слушайте, все люди, посла (из) **Кара Сеңир**». Следовательно, автор письма был послом на этой земле, т. е. был пришельцем откуда-то и решил оставить на чужбине память о себе и своем **кара сеңире** и по его просьбе или указанию была вырезана надпись на скале. В связи с этим приходит мысль о том, не является ли упоминаемый **кара сеңир** этнонимом, а не географическим названием. Среди тюркских языков Сибири подобный этноним пока не известен. Но мы находим его в Средней Азии, в современном Узбекистане (северо-восточнее Самарканда), о чем сообщает В. В. Радлов: «Из родовых имен я здесь обнаружил: Оймаут, Ак-койлы (с белыми овцами) и **Кара Сеңир** (?—М. Б.)²⁵. Если принять во внимание, что древние

²³ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 45.

²⁴ И. А. Батманов и др. Современная и древняя енисейка, стр. 94.

²⁵ Радлов В. Указ. соч., стр. XXXVIII—XXXIX.

хакасы вели торговлю со Средней Азией, Восточным Туркестаном, обменивались посольствами, то можно предположить, что упомянутый посланник был представителем среднеазиатского Кара Сенир. Известно, что древние хакасы были в дружественных связях с арабами (Даши), Тохаристаном (Дахя), Карлуками (Гэлоду) и другими. Так, в одном из источников говорится: «Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года»²⁶. Это сообщение позволяет предположить, что посол из Средней Азии мог попасть в Туву, поскольку последняя входила в то время в состав древнехакасского государства. Л. Р. Кызласов, исследовавший мусульманский памятник (кладбище) на правом берегу Хемчика (т. е. в том же районе, где найдена надпись со словом кара сенир), пишет, что купцы-мусульмане в IX—XI вв. неоднократно посещали бассейн Верхнего Енисея²⁷.

О слове кешдим. В этом же памятнике (24), в его пятой строке читаем: «алты баг Кешдїмде бен...». Я у (народа) шести подразделений в Кешдиме». (Ср. аналогичную форму: ачда бен, о которой говорилось выше). Форма кешдимде бен, как и ачда бен, также может указывать на два момента: 1) откуда родом автор надписи и 2) местопребывание его (т. е. в земле какого народа он делает надпись о себе).

С. В. Киселев видел в этом слове местный этноним²⁸. С. Е. Малов и В. В. Радлов, как видно из их перевода, кешдим считали географическим названием²⁹. Л. Р. Кызласов приходит к выводу, что «Кешдим из надписи на скале Хая-бажы (кстати, термин более не встречающийся в других орхоно-енисейских надписях³⁰) означает не что иное, как «страна (или земля)

²⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 355.

²⁷ Л. Р. Кызласов. Памятник мусульманского средневековья в Туве, «Советская археология», 1963, № 2, стр. 207. См. также: С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджуйской надписи, «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 165—169.

²⁸ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 33.

²⁹ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 44—45.

³⁰ В настоящее время известна еще одна надпись со словом кешдим, найденная в Горном Алтае, о чем будет сказано дальше (М. Б.).

кыштымов», которых хакасы в IX — X вв., видимо, называли кешдим (в персидском тексте кесим)³¹.

Как известно, этот термин часто используется в русских документах XVII века в виде кыштым или киштим, под которым понималось социально-зависимое население. Л. П. Потапов разъяснял этот термин от тюркского слова киш 'соболь'. Киштим, по его мнению, означал человека, имеющего соболей, что со временем стало означать данника, уплачивающего дань пушниной и вообще зависимого человека, как албату у монголов³². Однако правильность перевода слова кыштым как 'мой собольщик, человек, имеющий соболя' сомнительна, так как в тюркских языках, насколько нам известно, аффикс принадлежности не зафиксирован в виде *-тым* или *-тим*. Значение этой части слова предстоит еще установить.

Этимологии слова кыштым посвящена статья Л. Р. Кызласова, выдвинувшего новое его толкование³³. Слово кыштым автор выводит из хакасского глагола хыс-, что значит 'жать, сжимать, давить'; 'принуждать, притеснять кого-либо'. Далее он берет глагольную форму хыстым, употребляющуюся в функции определения: хыстым чир 'сжатое место', 'тесное место' или хыстым ёдик 'тесная обувь'. Отсюда хыстым кизилер означает 'притесняемые (приневоливаемые, принуждаемые) люди' и т. п. Таким образом, замечает он, буквальное значение термина кыштым есть 'притесняемый (принуждаемый)', то есть 'подневольный', 'социально зависимый (от меня) человек' и в конечном итоге, 'вступивший в крепость', 'крепостной'. Л. Р. Кызласов считает, что киштым или киштим — это русская адаптация хакасского хыстым.

Однако, несмотря на логичность и заманчивость толкования происхождения этого термина у Л. Р. Кызласова вопрос этот, нам кажется, нуждается в дальнейшем изучении и подтверждении новыми материалами³⁴. Одно бесспорно — кыштымы были социально-зависимыми людьми.

³¹ Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв., «Уч. зап. Ин-та Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960, стр. 64.

³² Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 51.

³³ Л. Р. Кызласов. К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в., «Уч. зап. Ин-та Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, стр. 182—184.

³⁴ В этой статье мы не имеем возможности высказать свое мнение о происхождении разбираемого термина.

Л. Р. Кызласов прав в том, что термин киштым в XVII в. не был новообразованием, что он имеет свою длительную историю и появился еще в период древнехакасского государства³⁵.

Как было замечено, слово кешдим обнаружено и в другой надписи, найденной в Горном Алтае (Чарышская надпись), где в ряду других слов начертано слово кайшдимим, т. е. 'мой кешдим'³⁶. Здесь прямо сказано «мой кешдим». Это обстоятельство, по-видимому, подтверждает мнение Л. Р. Кызласова о возникновении в древнехакасском государстве отношения киштымства, которое сохранилось до XVIII в., т. е. до прихода русских. Со временем, видимо, термин киштим закрепился в качестве этнонима. Так возник, очевидно, и койбальский этноним кистим, который в дневниках Мессершмидта, побывавшего в Хакасии в 1721—1722 гг., прибавляется к названиям некоторых хакасских родов, в частности: койбал-киштим и др.³⁷ В. В. Радловым, как известно, записано название рода ач кештим или просто ач-кеш среди телеутов, о чем уже говорилось³⁸. В данном случае образовался сложный этноним, подобно койбал-киштим, указывающий при этом, что ач и койбал когда-то были киштымами.

Таким образом, мы можем сказать, что первоначально киштим употреблялся в значении социального термина, означал зависимых людей, данников. В этом своем значении он, видимо, зафиксирован в двух указанных выше древних надписях Тувы и Горного Алтая. Становится ясно, кто такие были древние кешдимы. Их потомки никуда не девались. В XVII веке они также находились в положении киштымцов, среди которых, по всей вероятности, были тюркоязычные, кетоязычные и самодийскоязычные племена. Л. П. Потапов отмечает: «В процессе скрещивания тубинцев, их киштымцов и киргизов победителем выходил тюркский язык (легший в основу современного хакасского языка — М. Б.). Киштымами же князей Тубинского улуса, состоявших в брачном родстве с княжескими семьями киргизов, источники называют камасинцев, богоджы, мингатов, байкотов-

³⁵ Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв., стр. 59 и 63.

³⁶ Э. Р. Тенишев. Древнетюркская эпиграфика Алтая. «Тюркологический сборник», М., 1966, стр. 262—263.

³⁷ Д. Messerschmidt Forschungsreise durch Sibirien (1720—1727), Berlin, 1962, стр. 163 и др.

³⁸ В. В. Радлов. Указ. соч., стр. XXVIII, XXX и др. }

цев, кайдынцев, иркитов, иногда качинцев и некоторые группы тюркоязычных шорцев, обитавших по рр. Кондоме и Мрассе»³⁹.

Остановимся на словах **тюльбер** и **каным**, содержащихся в памятнике (3) с Уюк-Туран в Туве. Шестая строка этого памятника начинается со слов **каным тюльберим**... С. В. Киселев в последнем из них видит этноним⁴⁰. С. Е. Малов переводит это место иначе: «В отношении дач (от) моего хана...» Насколько нам известно, этноним **тюльбер** у современных тюркских народов не сохранился. Однако для предварительного сопоставления можно привести следующие материалы: 1) в западной части Хакасии, в верховьях Томи, имеется горнотаежная местность, называемая **Тюльбер тайга** 'Тюльберская тайга'; 2) среди хакасов встречается фамилия Тюльберовы, предком которых, по-видимому, был человек по имени **Тюльбер** (ср. Ах баш > Ахпашевы). В Кузнецком уезде существовала в XVII в. Тюльберская волость⁴¹. А как известно, волости в то время именовались по названию рода или племени. Возможно, древний **Тюльбер** из памятника (3) сохранился в этом виде; 3) в шорском языке (мрасском диалекте) **тюльбер** означает 'жаворонок'.

Относительно слова **каным**, которое часто фигурирует в разбразимых памятниках, можно сказать следующее. Кан в значении 'правителя' и 'хана' встречается и в орхонских памятниках, но в форме **каным**, что значит дословно 'мой хан' встречается как правило, в енисейских памятниках. Возможно, это не случайное явление. Оно может указывать на социальное устройство общества. С. В. Киселев замечает: «Такое господство местных наименований (племен) при отсутствии общего 'кыргыз' (в то же время хорошо известного политикам Центральной Азии и Китая), очевидно, указывает на два обстоятельства. Во-первых, на превосходство исконно енисейских элементов, для которых очень долго имя «кыргыз» было чуждым. Во-вторых, на известную слабость политического единства енисейских племен»⁴². Последнее может быть подтверждено анализом отдельных слов и терминов. Так, например, указанное **кан**, **каным** в енисейских надписях в значении 'мой хан', 'мой правитель' отдельно, без слова **элим**, не встречается. Закономерным яе-

³⁹ Л. П. Потапов, Указ. соч., стр. 51.

⁴⁰ С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 33.

⁴¹ Б. О. Долгих, Указ. соч., стр. 100.

⁴² С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 33—34.

ляется сочетание элим каным или каным элим. А если и упоминается в надписях слово кан, то оно обычно бывает употреблено в паре с собственным именем: Тюбют кан (29), Табгач кан (11), Кара кан (30) и т. д., но ни разу не сказано: Табгач каным, Кара каным и т. д., т. е. 'мой Табгач хан', 'мой Кара хан' и т. д. Это обстоятельство, по-видимому, указывает на то, что надписи эти сделаны более или менее самостоятельными бегами или правителями, которые правили на этой земле, а поскольку у них, видимо, не было общего верховного хана или кагана, которому подчинялись, то естественно они, авторы надписей, не могли обращаться к нему в своих эпитафиях. Поэтому правители непременно обращаются к народу своему (элю) и местожительству (Родине). Отсюда под термином каным, встречающимся в паре с элим, следует понимать не 'мой хан', т. е., как его конкретный хан (правитель), к которому он обращается в надписи, а 'его государство-владение', 'Родина'. Это мнение мы высказываем на основании данных из современного хакасского языка (его кызыльского диалекта), где под словом хан понимается 'Родина', 'Отечество', 'государство', 'страна' (устар. 'царство')⁴³, ханым означает 'моя родина, мое отечество, мое государство, моя страна'.

Таким образом, значение современного ханым вполне может быть сопоставлено с древним каным.

Далее. В верховьях р. Белого Июса (Хакасия) имеется высокая гора, называемая кызыльцами и качинцами Ханым или Ханым тасхыл (есть Улуг Ханым, Кичиг Ханым, 'Большой Ханым', 'Малый Ханым'). В кызыльской богатырской поэме «Ай Хуучын», записанной В. Е. Майногашевой в 1964 г. от сказителя П. В. Курбижекова, упоминаются р. Ханым талай и горный хребет Ханым сын. В этой поэме героиня Хыс Хан сообщает Ай Хуучын (имя другой героини) о наступлении своего смертного часа и в связи с этим дает наставления относительно похорон. Она велит завернуть тело ее в золото и серебро и отвезти на высокий хребет Ханым, что позади их аала (улуса). В данном случае хребет Ханым, видимо, является Родиной или священным местом для указанной героини.

В других богатырских поэмах указывается р. Хан хара суг, на берегу которой живет богатырь со своим подданным народом

⁴³ Н. Г. Доможаков. Нижнеиюсцы (материалы по языку), «Уч. записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960, стр. 192.

(албаты чоң). Таким образом, в термине хан, как видно, вкладывалось значение 'священной Родины, отечества', нечто 'божественное', дающее и отнимающее жизнь.

Выше приведенные факты из хакасского языка позволяют нам думать, что слово каным, употребляющееся как парное с элим, как стандарт, в древних надписях употреблялось в значении 'мое отечество, мое царство, моя страна'. Поэтому сочетание элим каным следует переводить как 'мой народ', 'мое отечество', 'мое государство' (моя земля). Этими словами, надо полагать, обращение делал бег или правитель данной местности⁴⁴. Слово каным без элим употреблено, как указывалось выше, в памятнике (3) с р. Уюк-Туран в Туве. Здесь каным написано в паре со словом тюльбер. В этом же памятнике упоминается тэчи элим 'Мое божественное государство'. В связи с этим хочется обратить внимание на название озера Тигир көл (по-русски 'Божье озеро'), горного хребта Тигир тис 'Небесный зуб', находящихся в том же районе, где Ханым тасхыл. Есть река Хан тигир или Кантегир — левый приток Енисея. В этом же памятнике упоминается река Эгюк-Хатун (в современном звучании — Уюк, т. е. стяженная форма от Эгюк). На террито-

⁴⁴ В связи с тем, что слово хан в современном хакасском языке имеет значение 'государства', 'отечества' или 'страны', представляется более логичным предположение С. Е. Малова относительно первой строки памятника (47) из Суджи. «Нельзя ли в первой строчке вместо ата 'отец' читать и понять окончание местно-исходного падежа „*та*“, — пишет он. (Енисейская письменность тюрков, стр. 85). Свое предположение С. Е. Малов обосновал убедительно. В таком случае перевод первой строки этого памятника будет следующим: «Я пришел в уйгурскую землю, в государство (или страну) яг-лакара». Последнее, как известно, является названием уйгурского племени и в данном случае оно поставлено в качестве приложения, уточняющего местонахождение сына киргизского. С. Г. Кляшторный в элементе (а)та видит деепричастную форму от глагола ат- 'стрелять' (С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджиской надписи. «Проблемы востоковедения», № 5, 1959, стр. 163), что является, как нам представляется, менее убедительным. Далее, в девятой строке этого же памятника говорится «Мой сын будь среди мужей как мой наставник (в вере)! Служи хану! Будь мужествен!» (по С. Г. Кляшторному). В данном случае нас интересует предложение «Служи хану!» Какому хану должен служить «Мой сын?» Из контекста выяснить это почти невозможно. Остается только полагать, что под словом хан автор надписи, по-видимому, понимал 'государство', 'отечество', 'Родину'. Таким образом, перевод этой строки будет: «Мой сын! Будь среди мужей как мой наставник (в вере)! Служи государству (отечеству)! Будь мужествен!».

рин Хакасии также имеется река под названием **Оок** или **Уук** (другое ее название **Камышта**). Здесь тоже мы видим стяженную форму от **Эгюк** в результате выпадения интервокального **z**, подобно тому, как древнетюркское **үгүс**, река в кызыльском диалекте превратилось в **үүс**: **Хара Уүс** 'Черный Июс', **Ах Уүс** 'Белый Июс'. В то же время словом **үүс** кызыльцы называют всякую реку или речку⁴⁵.

Приведенный комплекс географических названий и других терминов, обнаруживаемых, главным образом, в хакасском языковом материале, подтверждает, на наш взгляд, наблюдение Л. Р. Кызласова относительно генеалогии некоторых древнехакасских бегов и правителей по их сохранившимся на скалах, каменных стелах личных тамгов, археологических данных и из содержаний надписей. В частности, представляется весьма интересным его наблюдение, связанное с памятником (З) с Уюк-Туран, где содержится собственное имя **Учин-Кулюг-Тириг**. Л. Р. Кызласов замечает: «Учин-Кулюг-Тириг был родом из северной части современной Хакасии, так как тамга его отца, отличающаяся наклоном перекладины креста вправо, обнаружена нами на известной Сулекской писанице (пам. № 39—М. Б.) на р. Хара Юс (Черный Июс), а типологически близкие тамги оставшихся в Хакасии его сородичей распространены только в районе от р. Черного Июса до бассейна р. Ербы и Теси, имея в Хакасии более ранние прототипы в виде разнообразных знаков с крестом»⁴⁶.

Далее, можно указать на то, что понятие 'отец' в этих надписях передается двумя разными словами: **кац** (пам. 6, 8, 10, 30, 32, 42, 45) и **апа** (пам. 6, 11, 18, 20, 24, 28, 39). Первое во всех надписях переводится как 'отец', второе же иногда переводится по-разному. Так, в пам. 6 слово **апа** С. Е. Маловым переведено как 'старшая сестра', а в памятнике 20 **апа** переводится как 'отец'. В Онгинском памятнике оно переводится как 'предок'. В современном хакасском языке (его сагайском диалекте) отец передается словом **аба**; таким образом, здесь имеется прямая связь. А что касается слова **кац**, то оно в современном хакасском языке в значении 'отец' вообще не сохра-

⁴⁵ Н. Г. Доможаков. Заметки о слове **Уус**, «Записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. 5, Абакан, 1957, стр. 184.

⁴⁶ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников снисейской письменности «Советская археология», 1960, № 3, стр. 109—110.

нилось. Но имеется этноним хаан (у койбалов). Среди сагайцев и шорцев есть этноним аба (абалар во множеств. числе). Употреблялись ли древние кац и апа в значении этнонимов — пока неизвестно. О соотношении этих терминов (почему они употреблялись параллельно, их возможные лексические различия) — предстоит еще изучить.

В заключение остановимся на некоторых собственных именах в енисейских надписях, дошедших до современности как географические названия. Так, например, в памятнике (16) с Чаакуля (Тува) во второй строке упоминается имя Казан: (по С. Е. Малову) казан эрме бюкмедим... 'Я не удовлетворился моими героями из Казан'. По В. В. Радлову: Казан йер 'Земля Казан'. Теперь известно, что Казан — название местности, где был найден памятник⁴⁷. Можно думать, что древний Казан означал собственное имя какого-то лица, которое владело этой местностью. Известно, что до Октябрьской революции у хакасов, возможно и у тувинцев и других народов, местность, принадлежащая какому-нибудь лицу, называлась его именем.

Далее. Летом 1967 г. в Хакасии, на горе Типсей (на берегу Енисея), С. Г. Кляшторным была найдена вторично руническая надпись, в которой прочитывается слово **Тепсей**, являющееся, по его мнению, личным собственным именем (устное сообщение автора в Абакане). В русских документах XVII века упоминается аринец по имени Тепсей. Таким образом, последнее первоначально есть местное собственное имя, которое позже закрепилось в качестве названия горы и дошло через века до нашего времени. Наконец, хочется обратить внимание на собственное имя Умай бег, содержащееся в памятнике (28) с Алтын-Кёля (Хакасия, Бейский район). Здесь в третьей строке читаем: «Это наше имя — Умай бег». Предполагаем, что имя Умай бег⁴⁸ впоследствии также превратилось в название горы: в том же Бейском районе на берегу Енисея имеется гора, называемая хакасами Умай таг. Вполне возможно, что современное название поселка Майна (в русском произношении), где начато строительство крупнейшей Саяно-Шушенской ГЭС, восходит именно к названию этой горы. О названии горы Умай

⁴⁷ См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 38—39.

⁴⁸ С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев, стр. 189.

⁴⁹ Умай в современном хакасском языке имеет значение «богиня, покровительница повзрослевших и маленьких детей», Умай иче 'мать Умай'.

хая сообщает Мессершмидт⁵⁰. Саянский острог, который находился на другом, противоположном берегу Енисея, хакасами также назывался Умай-тура, а Умай хая находился на левом берегу Енисея.

* * *

Таким образом, в разбираемых надписях, как мы попытались это показать, встречаются собственно этнонимы, которые дошли до нас в своих прямых и косвенных значениях; встречаются личные собственные имена, а также термины с социальным значением, которые впоследствии превратились в этнонимы или фамилии, или дошли до современности в виде географических названий. Сопоставительное изучение этих терминов имеет важное значение для истории и языка как хакасов, так и сопредельных с ними тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья. Они указывают на генетические и культурно-исторические связи носителей древних и современных родственных языков, частично свидетельствуют о сосуществовании и общении тюркских и самодийских народностей на территории Саяно-Алтайского нагорья, в эпоху древнехакасского государства, и что процесс тюркизации нетюркских племен начался еще в то далекое время и продолжался вплоть до XVIII века. В то же время эти памятники показывают, что потомки древних хакасов, несмотря на тяжелые исторические условия, в которые они попали в результате вторжения войск Чингиз-хана в начале XIII в., не только уцелели, выжили, но и сохранили свой тюркский язык.

⁵⁰ Д. Мессершмидт. Указ. соч., стр. 314. Эта гора в начале XIX в. называлась также Омай тура (т. е. крепость Омая), о чем сообщает Гр. Спасский: «Омай тура называлась некоторая крепость, построенная каким-то Омаем, от которой приметен доныне один только длинный вал, проведенный поперек горы; но ни древней, ни новой рудокопни в сем месте не находится» («Сибирский вестник, издаваемый Гр. Спасским», ч. VI, СПб. 1819 г., стр. 135). Таким образом, на горе Умай таг или Умай хая была крепость Умай бега из древней надписи, который был одним из древнехакасских феодалов. Умай тура в значении крепости потом была, видимо, перенесена хакасами на название Саянского острога.

В. Е. МАЙНОГАСHEВА, кандидат
филологических наук

О ТРАДИЦИОННОМ БЫТОВАНИИ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА — АЛЫПТЫГ НЫМАХ

В настоящее время широко известно существование живого эпоса у многих народов СССР, являющегося их большим культурным достоянием, несущим в себе и подлинно научную ценность. Наличие живого эпоса ставит перед наукой и задачу выяснения того, что означает живое бытование эпоса в наше время: каковы активность бытования, степень распространенности, кто является в наши дни его исполнителями и слушателями, каковы были функции исполнения в прошлом и в наши дни, т. е. в какой ситуации, в каких целях пели и поют традиционный эпос. Выявление их конкретизирует наши представления о судьбе данного жанра фольклора в условиях советской действительности, прольет свет на историю существования жанра и покажет современные тенденции в его бытовании.

В данной статье делается попытка рассмотреть указанные вопросы применительно к хакасскому героическому эпосу — алыптыг нымах, наиболее крупному жанру эпического творчества народа.

В самом деле, сохранился ли у хакасов до сих пор интерес к традиционному исполнению произведений героического эпоса — распеванию алыптыг нымах, когда они в советское время достигли всеобщей грамотности, когда людям стали доступны самые различные виды духовной культуры, когда выросли и удовлетворяются разнообразные интересы к искусству, науке

и технике, а художественная литература стала поистине неограниченным достоянием всех.¹

Во время записи фольклорных образцов, главным образом алыптыг ныхмах, проведенной большей частью в 60-х годах, нам удалось сделать отдельные наблюдения, позволяющие судить о современном бытовании названного жанра в народе, а также на основе фактов современного исполнения ретроспективно представить его бытование в прошлом. Мы побывали в нескольких улусах четырех районов Хакасской автономной области: Таштыпском, Аскизском, Орджоникидзевском и Усть-Абаканском. Эти районы, особенно два первых, отличаются сравнительно большей концентрацией коренного населения.

Факты показывают, что алыптыг ныхмах бытует в живой традиции и в настоящее время. Как правило, это в тех хакасских улусах, где имеются хорошие знатоки-исполнители — хайджи. Обычно, если тот или иной хайджи, несмотря на преклонный возраст, обладает хорошей памятью, соответствующим здоровьем и знанием определенного количества алыптыг ныхмах, а также располагает хотя бы минимальным свободным временем, он имеет и потребность исполнять их перед аудиторией, нести свои знания и духовное богатство родному народу. Обычно около такого хайджи группируется некоторое число любителей — жителей улуса или какого-нибудь другого населенного пункта. Последние в свою очередь часто «осаждают» певца просьбой исполнять по вечерам алыптыг ныхмах и тем самым поддерживают его творческий огонек. А это означает, что исполнение алыптыг ныхмах всегда есть двусторонний процесс, в котором тесно взаимодействуют хайджи и слушатели, образуя единое целое. Ниже мы увидим, что одно без другого не существует, причем творчество хайджи, в известной мере, направляется сложившимися вкусами его слушателей, которые могут по-своему оценивать как исполнение, так и содержание героического эпоса.

В улусе Кызылсул Таштыпского района славой старейшего хайджи пользуется Евграф Прокопьевич Миягашев, у которого большой репертуар алыптыг ныхмах. Он исполняет их, как принято, гортанным пением под аккомпанемент чатхана. Несмотря на преклонный возраст, Е. П. Миягашев еще бодр и

¹ По традиции алыптыг ныхмах поется в собственном сопровождении на национальных инструментах хомысе и чатхана. Горловое пение чередуется с речитативным сказом тех же, уже пропетых, частей произведения.

своим искусством «обслуживает» слушателей не только своего улуса, но и соседних, если ему доводится по делам или в гости выезжать в то или иное место. Характерно, в какой бы хакасский улус ни приехал сказитель, местные жители — большую частью пожилые и старые люди — обязательно попросят его исполнить алыптыг ныхмах. Искусство хая невозможно без любви к эпической поэзии исполнителя и аудитории.

Ученик Е. П. Мвягашева — Иван Гаврилович Сыргашев, живет в том же Кызылсуке. Потеряв в Отечественной войне зрение, он стал учиться искусству хайджи. В его репертуар вошли алыптыг ныхмах, часть которых он слышал от Е. П. Мвягашева, а большинство от односельчанки Агафьи Уксековой, которая в свою очередь слышала их в 20-х годах от приезжего хайджи-шорна (фамилии и имени его она не помнит).

В долгие зимние вечера, когда у сельского труженника выпадает свободное от сезонных работ время, когда на улице мороз, а в доме царствует уютное тепло, располагающее к душевным разговорам, любители народной поэзии обращаются к хайджи, чтобы послушать песни о героях-богатырях. Слушателями Н. Г. Сыргашева, как и Е. П. Мвягашева, бывают люди старшего поколения, среднего и младшего, а также дети. Однако большинство составляют все же пожилые. Различны слушатели и по своему социальному положению: кроме пенсионеров, это рабочие, служащие совхозов и учащиеся. Стремление слушать алыптыг ныхмах, как и его исполнение, в таких обстоятельствах продиктовано любовью к художественным творениям родного народа, желанием насладиться красотой эпической песни, музыки хомыса или чатхана в сочетании с горловым пением хайджи. Между тем, многие из слушателей владеют грамотой, т. е. они могут читать и посылно понимать художественные книги и на хакасском, и на русском языках. Но наличие грамоты не вытеснило любви к древнему искусству своего народа.

Жители села Анжуй Таштынского района летом 1964 года рассказывали нам, что у них слушание алыптыг ныхмах нередко организуется накануне выборов в органы центральной или местной власти. В частности, как сообщила учительница Анжуйской средней школы Г. И. Кызласова, по инициативе любителей народной поэзии в Анжуй накануне выборов приглашают из соседнего улуса Кызылсука Н. Г. Сыргашева для исполнения в клубе алыптыг ныхмах (своего сказителя в селе нет).

Старики, пожилые, молодежь и дети собираются с вечера в клубе села с расчетом на ночь. Женщины обычно берут с собой вязанье или еще какую-нибудь работу, чтобы слушание алыптыг ныхмах сочетать с домашним ремеслом. Наслаждение искусством хая — пения богатырской поэмы столь велико, что никто из присутствующих не только не покидает клуб до утра, но даже не смыкает глаз. Утром же, с началом голосования, все расходятся, а взрослые идут на избирательный участок выполнять свой гражданский долг. Пение и слушание произведения, имеющего сугубо героическое содержание и приподнятый, торжественный стиль, весьма органично отвечает, точнее аккомпанирует праздничному настроению советского человека, осознающего свое высокое право лично участвовать в решении государственных дел. Этот факт замечателен и свидетельствует о проявлении новой тенденции в форме бытования данного жанра, а именно желаниа слушателей как бы выразить через слушание традиционной эпической песни, свое отношение к современным событиям политико-массового порядка.

В селе Устинкино Орджоникидзевского района жил один из самых талантливых и замечательных хакасских хайджи П. В. Курбижеков.² Он в равно высокой степени обладал искусством горлового пения (хаем) и поэтической импровизацией.³ К нему часто в зимние вечера собирались хакасы, чтобы насладиться необычайно высоким мастерством хайджи. Петр Васильевич, сядясь за чатхан, весь преображался. Полузакрыв глаза и начиная петь, целиком уходил в мир эпических событий. Алыптыг ныхмах он слышал в молодости от известных хайджи тех лет Хара Матныя (Балахчина), бабушки Нестю (фамилии ее не знал), от Кадышева Сло и других и всегда вспоминал о них с благодарностью ученика. Как и С. П. Кадышев, П. В. Курбижеков в исполнении алыптыг ныхмах видел, особенно в последние годы жизни, свое основное занятие. Это проявлялось в том, что он регулярно, а не от случая к случаю, выступал с пением перед слушателями—рабочими-скотоводами и молодежью села, где жил, где его заслуженно почитали. Устинкинцы, гордившиеся слушанием алыптыг ныхмах из уст мастера высокого

² Даты его жизни: 1910—1966 гг.

³ Нередко бывает так, что хайджи прекрасно владеет мастерством горлового пения, но не имеет большого запаса поэтических средств для импровизации, а другой — наоборот, будучи прекрасным импровизатором, не имеет красивый и сильный хай.

класса, обычно весьма критически относились к «чужим» сказителям. Коллеги-сказители из других мест приглашали его нередко к себе, он неоднократно с большим успехом участвовал в областных состязаниях хайджи. По рассказу Е. Н. Кулагашевой, абаканской сказительницы, во время встреч друг с другом хайджи не только знакомятся с репертуаром коллег, но и беседуют по вопросам сюжетов, сюжетных линий, поэтического языка и вообще сказительского мастерства. Так, приезжая в город Абакан, П. В. Курбижеков встречался с Е. Н. Кулагашевой, а также с другими приезжими хайджи, с которыми обменивался творческими мыслями.

В улусе Трошкино Ширинского района Хакасии много лет жил известный хайджи С. П. Кадышев, ставший в последнее время жителем города Абакана. Одноулусники С. П. Кадышева, художественный вкус которых развивался и оттачивался в среде крупных мастеров эпического творчества, любят своего знаменитого земляка за красивый, чистозвучный и мягкий хай, сочетающийся с хорошей импровизацией.⁴ Его слушателями в улусе также являлись рабочие, служащие совхозов, учащиеся различных возрастов.

Среди слушателей алыптыг ныхмах в городе Абакане большим уважением пользуется сказительница Е. Н. Кулагашева. В отличие от П. В. Курбижекова, С. П. Кадышева, Е. П. Миягашева и других хайджи-мужчин, Евдокия Никитична исполняет эпические произведения речитативным сказом без сопровождения чатхана и горлового пения (хая). В прошлом обычай хакасов запрещал женщине притрагиваться к чатхану и петь хаем, поэтому уже подростком девушке Овдо — так звали ее в семье — приходилось ограничиваться сказом. Считалось, что, нарушая этот запрет, женщина несет семье несчастье («ынцых ыраланча»).

Исполняемые ею произведения отличает исключительно богатый поэтический язык. Одаренная тонким поэтическим чутьем и блестящей памятью, сохранившей ее несмотря на ее почти восемьдесят лет, она владеет богатейшими запасами народной эпической поэтики, что ставит Е. Н. Кулагашеву в ряд крупнейших современных сказителей. Ее слушателями в основном бывают лица пожилого возраста, пенсионеры и пенсионерки.

⁴ О его мастерстве см. Т. Г. Тачева. Хакассский хайджи С. П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения), «Уч. записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XI, Абакан, 1965.

имеющие досуг и любящие родной фольклор. По словам самой сказительницы пожилые женщины и мужчины зимой собираются по субботам и воскресным дням в чей-либо квартире. После угощения, пьють чай обычно заводится стариковская беседа, а в дальнейшем просят Евдокию Никитичну исполнить алыптыг ныхмах. Сказительница весьма энергична и жизнерадостна, с большой охотой отзывается на их просьбу. Некоторые произведения ее репертуара в размере достигают одиннадцати тысяч стихотворных строк. Размер нередко вырастает за счет умения сказительницы подробно и высокохудожественно разрабатывать общие места, при этом для каждого эпизода она находит новые вариации поэтических средств. В детстве Е. Н. Кулагашева слушала алыптыг ныхмах в исполнении прекрасного хайджи того времени Троякова Таркопа, который неделями и месяцами жил в доме ее отца, Сатика Окунева, в улусе Ах Тигей.⁵ Сказитель Таркоп, бедняк и в то время уже старый человек, тесно общался с другими мастерами эпического творчества. Например, с Василием Созыевым из Канчалов, с которым состязался на свадебных и других пирах.

Из приведенных, хотя и неисчерпанных данных видно, что все известные среди народа сказители в настоящее время являются людьми пожилого или престарелого возраста. Можно назвать очень немного хайджи-средних лет, умеющих хорошо исполнять алыптыг ныхмах. Степан Семенович Кадышев, сын С. П. Кадышева, Петр Федорович Ульчугачев из Ширинского района (им за 40 лет), пожалуй, одни из последних относительно молодых сказителей нашего времени. Это уменьшение в настоящее время объясняется, в первую очередь, тем, что если раньше, до Советской власти, в условиях отсутствия всеобщей грамотности, слушание алыптыг ныхмах и других образцов фольклора было одним из немногих видов духовного развития хакасов, то сейчас сфера духовной жизни, отдыха и развлечений почти сплошь грамотного народа необычайно расширилась, что не нуждается в доказательствах. Отсюда доля увлечения сказительским искусством среди народа так или иначе значительно сокращается. Данный вывод подтверждается и возрастной особенностью слушательского состава в улусе и городе. Если в первом любительская среда состоит из людей разного

⁵ На месте улуса Ах Тигей в настоящее время стоит часть города Аблкана, называемая «Хакасия».

возраста и социального положения, то в городе картина несколько иная. Е. Н. Кулагашеву, городскую сказительницу, окружают в подавляющем большинстве люди пожилые, старые, при этом невысокой грамотности. Это понятно. Старикам более понятно традиционное искусство народа. Молодежь тяготеет наслаждаться всеми видами современного искусства.

Указанные факторы, хотя в меньшей мере, действуют и в улусе. В то же время, любой хакас, знающий свой родной язык, при случае с удовольствием слушает выступления хайджи по радио. Более того, жители улусов нередко обращаются в областную газету с просьбой передать по радио исполнения алыптыг ныхмах, а также печатать их на страницах газеты. Многие хакасы, в том числе пожилые старики и дети, особенно в улусах, с интересом читают издаваемые алыптыг ныхмах. Это значит, что художественный интерес к традиционному эпосу не прошел и не проходит.

Тем не менее изменившиеся условия жизни людей, а также условия бытования произведений ведут к постепенному угасанию живой традиции героического эпоса. Указанный процесс проявляется в различных аспектах. Например, сокращается практика сказительства в среде здравствующих хайджи, если они по роду своего труда не имели возможности регулярно заниматься импровизаторским искусством. В результате они забывают свой репертуар. Так, братья Н. В. Созыев и С. П. Созыев оба в прошлом были крупными хайджи из качинского племени. В настоящее время эту славу утеряли, так как мало выступают перед людьми и потому в памяти сохранили лишь по три-четыре произведения. Первый из них много лет жил на хуторе Мельте Аскизского района, работал сторожем совхоза, второй около 30 лет работал чабаном в колхозе. Оба длительное время были оторваны от массы хакасов, которые могли составить их аудиторию. В селе Сапогово Усть-Абаканского района, как отмечает сам С. П. Созыев, хакасов было мало, поэтому за неимением времени ему и с теми приходилось общаться редко. Аналогичных примеров много. Естественно, одновременно с угасанием живой традиции происходит и разложение эпоса. Трудно сказать, когда оно началось, но его наличие несомненно. В силу действия указанных выше факторов (слушатели часто разобщены, живут иногда далеко от места жительства сказителя), а также естественного старения имеющих мастеров, которые не заменяются по тем же причинам новыми,

мелодыми, все меньше становится число подлинных мастеров древнего искусства. Между тем, 50 лет назад их было несравненно больше. Почти каждый из нынешних хайджи и ныхмахчи (сказочников) может назвать несколько крупных имен. Так, один из престарелых сказителей С. Е. Бурнаков, живущий на хуторе Базан Верхне-Тейского сельского совета Аскизского района, называет известных ему в свое время Кызласова Манюка, Кызласова Сыраки из Малой Еси того же района, старика Тимофея из Оты (фамилии не помнит), Боргоякова Порлата из Лырсы, Ирзиля из Большой Сеи (фамилии не знает). По словам Степана Егоровича, в улусе Кызласов во времена его молодости было очень много хайджи, почти каждый мужчина там умел хаем исполнять эпические произведения. По преданию верующих, в Кызласове обосновался в прошлом и жил сам дух хая («хай ээзи»). С. Е. Бурнаков также еще три года назад исполнял алыптыг ныхмах, а в настоящее время помнит только три произведения, для исполнения которых у него не хватает физических сил.

С. И. Созыев в молодости также слушал хай многих крупных сказителей: В. Г. Созыева из Капчалов, Сарлина Котоя и Сарлина Пиксена из Баннова улуса, Райкова Ойкаца из улуса Райков, Доброва Агоола, жившего тоже в Усть-Абаканском районе, но улус не помнит, Лешина Цыгана из Биджи, Троякова Таркопа из улуса Трояков.

Опыт собирания показывает, что в наши дни все больше сокращается число относительно крупных хайджи, причем и они страдают забывчивостью, о чем уже было сказано, и снижением уровня мастерства. Последнее же, в качестве одной из причин, ведет к укорочению произведений алыптыг ныхмах. Е. Н. Кулагашева утверждает, что алыптыг ныхмах Троякова Таркопа и вообще эпические произведения качинцев обычно были большими, каждый исполнялся в течение нескольких ночей. Что это было так, подтверждает импровизаторское творчество самой сказительницы. От нее записано несколько огромных по размеру произведений. То же самое отмечал в беседе со мной Н. В. Созыев, живущий ныне в Усть-Камыште Аскизского района. Раньше, как утверждал он, алыптыг ныхмахи были длинными, одно произведение исполнялось в течение многих ночей, а теперь укоротились, потому что забылись. Аналогичное мнение существует и среди сагайских хайджи.

В прошлом, как и в настоящее время, алыптыг ныхмах испол-

нялся под аккомпанемент чатхана или хомыса перед слушателями обычно в зимнее время. Люди наслаждались художественной красотой богатырских поэм, познавали мир художественных красок и образов, развивали фантазию, учились благородству, мужеству и борьбе. Хакасы очень любили слушать алыптыг ныхмах и буквально благоговели перед сказителями. М. Е. Кильчичаков, известный хакаский писатель, рассказывает интересный случай, свидетельствующий об особом отношении к хайджи. В 1929 году десяти лет он с отцом Перамалом Кильчичаковым возвращался в Верхнюю Тею с Минусинской ярмарки. Ночь застала их в пути, поэтому решили ночевать в Чыланныг Хас аал (улус) на левом берегу Абакана (в настоящее время называется Трояково и входит в Усть-Абаканский район). Некий Токалис на просьбу путников отказал их принять на ночевку, ссылаясь на болезнь детей. Тогда Перамал сказал, что он хайджи, после чего был гостеприимно принят хозяином. В доме, как оказалось, никто не болел. Всю ночь по просьбе он исполнял богатырскую поэму. Мать писателя Лиска Кильчичакова была портнихой и страстной любительницей алыптыг ныхмах. Однажды Митрий Сазанак, хайджи и исполнитель алыптыг ныхмах, заказал ей сшить кип (вальто). Портниха выполняла заказ целых 20 дней, чтобы из его уст послушать пение алыптыг ныхмах. За свою же работу плату не взяла, так как наслаждалась искусством исполнения богатырских поэм. Аналогично она поступала и с другими хайджи. Месяцами жил в ее доме крупный сказитель Матрах Кичеев, знавший много алыптыг ныхмах и пользовавшийся самым теплым, почтительным приемом со стороны хозяев. Подобных примеров можно привести много. Все они свидетельствуют об очень большой популярности алыптыг ныхмах и любви к нему всего народа в еще недавнем прошлом.

Однако нельзя думать, что такое культурно-развлекательное занятие имело место только в условиях домашней обстановки. Пение алыптыг ныхмах, видимо, сопровождало хакасов всюду, вызывало всеобщий интерес, и хайджи-исполнитель был особо почитаемым человеком в любом месте. С. Е. Бурнаков с хутора Базан Верхне-Тейского сельского совета Аскизского района вспоминает об интересных вечерах из времен молодости, когда он ездил с зерном на мельницу недалеко от хутора. Нередко ему приходилось для развлечения играть на чатхане и петь богатырские песни людям, собравшимся и ожидавшим

очереди молоть зерно. Случалось и так, что он был в числе слушателей, а исполнителем оказывался кто-нибудь другой. Хорошее горловое пение, поэтический речитативный сказ вызывали искреннюю благодарность в среде присутствующих. Все эти воспоминания показывают, что исполнение произведений данного жанра сопровождало всюду хакаса, оно было художественной потребностью его.

Однако, как показывает ретроспективный взгляд, в прошлом исполнение героического эпоса не ограничивалось только художественными потребностями, а было тесно связано и с другой функцией жанра. Факты говорят, что исполнение алыптыг ныхмах в прошлом имело религиозно-магическую роль, связанную, в частности, с похоронами. По рассказам самих сказителей, а также других людей старшего поколения, во времена их молодости было обычным приглашать хайджи в дом, где лежал ушедший человек. Хайджи играл на чатхане и пел алыптыг ныхмах всю ночь. Надо сказать, этот обычай иногда практикуется и в настоящее время, хотя не повсеместно. Расспросы у стариков из различных улусов и районов подтверждают весьма широкую распространенность указанного явления в прошлом. Характерно, что хайджи приглашается в дом умершего человека не на все время, когда последний лежит дома, а только на ночные часы. Этнограф К. М. Патачаков нам сообщил, что в аале (улусе) Кызласов, как впрочем и в других аалах, исполнение алыптыг ныхмах приурочивается к наступлению темноты: когда собравшийся народ начинал расходиться, а у тела умершего оставались те, кто решил провести здесь ночь. Сказитель поет (хайлапча) какой-нибудь алыптыг ныхмах от начала темноты до наступления первых признаков рассвета и в течение этого времени никто из присутствующих не должен засыпать.

Известный хайджи из Усть-Чуля Аскизского района Апанис Буриаков до последнего времени нередко приглашается петь алыптыг ныхмах в случае смерти кого-нибудь из односельчан или соседнего улуса. Во время записи произведений героического эпоса от хайджи И. Г. Сыргашева в Кызылсуке Тагшинского района летом 1964 года нам неожиданно пришлось прервать работу на целых два дня. Из соседнего села Анжуля приехал к Ивану Гавриловичу человек с приглашением побыть на поминках. Мы попытались отговорить сказителя от поездки, однако он деликатно, но твердо отказал и в тот же вечер вые-

хал в Лижуль. Сказитель объяснил, что от таких приглашений хайджи отказаться не может, что, по обычаю предков, в доме усопшим человеком, как и на его поминках, по ночам необходимо петь алыптыг ныхмах. О непременном соблюдении данного обычая в прошлом у бывших абаканских качинцев рассказывает и сказительница Е. Н. Кулагашева. И в настоящее время он бытует в некоторых случаях, однако не как обязательное требование, в чем можно видеть угасание старого обычая. Указанное происходит, возможно в силу того, что все меньше становится верующих людей, хотя современное исполнение алыптыг ныхмах в траурном доме нельзя сводить только к религиозным верованиям и потребностям. Это зависит от того, религиозны или нет родственники умершего. Для людей верующих он играет сакральную роль, для других же остается средством лишь отвлечения и облегчения переживаний. Независимо от того, что в настоящее время в разных семьях траурное исполнение алыптыг ныхмах воспринимается по-разному, в прошлом было связано оно с религиозно-магическими функциями защитного назначения.

Важно выяснить, как объясняют его блюстители обычая. На наши вопросы сказители и другие знатоки старины давали и дают разные ответы. Чаще и прежде всего говорят, что исполнение алыптыг ныхмах помогает родственникам умершего человека рассеивать горе тяжелой утраты, которое ночью обостряется, присутствующим же людям дает возможность поддерживать бодрость и преодолевать сон, потому что спать в таком доме не разрешается. Это, так сказать, современное рационалистическое толкование траурного обычая: оно прямо не связывается с религиозными повериями. Возникает вопрос: почему никому нельзя спать в траурном доме, в чем смысл данного запрета? Есть и другие обстоятельства, которые позволяют считать, что указанное объяснение представляет собой современное переосмысление ранее содержавшего иной смысл отправления, бывшего, как видно, частью строго соблюдавшегося похоронного ритуала. Это — обязательность ночного исполнения алыптыг ныхмах. Несмотря на то, что тело умершего продолжает лежать в доме и днем, эпос исполняют только ночью. И, как уже отмечалось, с наступлением рассвета сказитель должен закончить пение: либо завершить, либо прервать, если алыптыг ныхмах длинный. Следует принять во внимание, что хакасские алыптыг ныхмах, как и улигеры бурят, в прошлом все-

да пелись ночью,⁶ при этом запрещалось спать. Считалось, что нарушением запрета человек сокращает свою жизнь. Более строго соблюдался и соблюдается запрет сна в траурном случае. Приведенные факты любопытны и свидетельствуют о том, что ночное исполнение алыптыг ныхмах, особенно в трауре, отнюдь не есть праздная забава людей, за ним скрываются какие-то религиозные верования. В результате расспросов у сказителей и по мере укрепления контактов с ними постепенно раскрываются и причины рассматриваемого обычая. Например, Е. Н. Кулагашева связывает исполнение алыптыг ныхмах при умершем с потребностями его души—хут, которая с наступлением смерти человека отделяется от тела и витает в стороне от живых людей. Усопший, якобы, до сорока дней не осознает своей смерти, поэтому его душа (хут) стремится быть среди людей, тянется к ним, но тщетно. Чтобы помочь хут осуществить ее желание, необходимо исполнять алыптыг ныхмах. Гортанное пение эпического произведения, по примитивным религиозным воззрениям, притягивает хут умершего и помогает ему приблизиться к живым людям. Действие такого пения особенно сильно, если при жизни усопший любил его. Отсюда видно, что исполнению алыптыг ныхмах хакасы в прошлом приписывали, а старики и сейчас приписывают силу магического воздействия на душу умершего. Сходно объясняют рассматриваемый факт и другие. Например, К. М. Патачаков, который в детстве лично наблюдал ритуал погребения, слышал также от старика Майнагашева Таркина из улуса Кызласов, почему поют алыптыг ныхмах в траурные ночи. По его словам, старые люди связывали пение не только с необходимостью угодить душе усопшего человека. Считалось, что исполнение алыптыг ныхмах предохраняет данную семью, дом от наваждений злых духов, которые иначе и в дальнейшем причиняли бы несчастья. Подтверждает это косвенно и известный сказитель М. К. Добров, много раз исполнявший алыптыг ныхмах по случаю чьей-либо смерти. По его сообщению старые люди верили, будто душа покойного продолжает слушать алыптыг ныхмах, как и при жизни, будто

⁶ По словам очевидцев, усть-кандырлинский (Аскизский район) сказитель Пабай Сегалаков, скончавшийся несколько лет назад глубоким стариком, алыптыг ныхмах исполнял только зимой в месяц чил айы, т. е. в феврале. По-видимому, этот факт также был связан с какими-то религиозными воззрениями, смысл которых пока остается неясным.

гортанное пение эпических произведений помогает родственникам умершего одолевать демонские напасти. Сказитель подчеркнул, что, якобы, ночь всегда является временем разгулья нечистых, демонских сил, поэтому ночью всякая опасность для человека усиливается. Приведенные объяснения интересны, но не раскрывают смысла траурного исполнения алыптыг ныхмах. Возникает вопрос, каким же образом понимали воздействие пения богатырской поэмы на душу умершего и дальнейшую жизнь родственников покойного. Для выяснения вопроса необходимо обратиться к самим хакасам, к хайджи. Но ценными представляются и замечания хакасов прошлого века, сохранившиеся в записях известного ученого М. А. Кастрена. «Татары», как пишет М. Кастрен о хакасах, считают, что богатырские песни обладают огромной силой эстетического воздействия на всю природу, в том числе не только на людей, но и на богов, сидящих на дереве, слушая, и демонов, высовывающихся из-под земли с этой же целью, а также на горы и скалы. Все с благоговением слушают алыптыг ныхмах, никто и ничто не может устоять равнодушно перед красотой их звучания.⁷ Отсюда понятно, почему верили, будто и душа умершего в стремлении быть среди людей может быть привлечена к ним силой эстетического воздействия алыптыг ныхмах. Получив же от людей помощь и осуществив свое желание, душа, как думали верующие, умиротворяется, забирается и, став впоследствии узютом-демоном, не преследует родичей усопшего. Животворная сила алыптыг ныхмах, по воззрениям его носителей, заключается для людей и в непосредственном содержании произведений, почему продолжают их исполнять и во время проведения поминок в полгода и в год. Как сообщил М. К. Добров для траурного исполнения подбирались произведения с наиболее трагическими, печальными эпизодами, в то же время его герой во чтобы-то ни стало должен выйти победителем в борьбе с демонами и другими врагами. Как правило, хакасские алыптыг ныхмах завершаются именно победой богатырей светлого начала, в чем проявляется не просто оптимизм народа, его твердая вера в свои силы, но и стремление магически утвердить жизнь. Из рассказа М. К. Доброва можно сделать вывод о том, что трагическое содержание богатырской поэмы как бы созвучно несчастью данного дома,

⁷ М. А. Кастрен. Путешествия по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838—1841 гг. и 1845—1849 гг., «Магазин землеведения», М., 1860, стр. 388.

откуда навсегда ушел член семьи, а светлая концовка ее должна магически вызвать в жизни семьи в последующем победу над демонскими силами. Здесь перед нами налицо широко известная и весьма древняя логика, связанная с представлениями о действии симпатической магии. Заключается она в том, что подобное вызывает подобное. Вера в действие симпатической магии проявляется и в другом случае, тоже связанном с рассматриваемым. Так, по рассказу того же М. К. Доброва, во времена его молодости (он с 1902 года рождения) у хакасов существовал обычай петь около умершего человека песни ўзўта, т. е. песни умершей души (душа мертвого человека по истечении некоторого времени превращается, как думали предки хакасов, в злой дух — ўзўт). Это называлось «ўзўттїң кўби сарвадарға». Однако исполнять песни ўзўта разрешалось не любому хайджи, а только пожилому, причем одинокому, т. е. у кого не было ни семьи, ни чурта (хозяйства), кому нечего и некого было терять. М. К. Добров сохранил в памяти одну такую песню, слышанную им от одинокого старика Точака Сафьянова:

Тыттыг тагда
 Чатхан палам Педек,
 Сыраттыг хырда
 Чатхан ирїм Кайгос
 Хачан килер?
 Дитя мое Педек,
 Покоящийся на лиственничной горе,
 Муж мой Кайгос,
 Похороненный на могильном холме,
 Когда же придут (ко мне)?

По преданию, так однажды будто нела слабым, чуть слышным голосом душа умершей женщины, которая при жизни потеряла ребенка и мужа. Душа женщины, которая при жизни была несчастной, продолжает оплакивать и после смерти свои тяжелые утраты. Согласно религиозным верованиям, если хайджи молод, семейный и имеет свой дом, не должен петь песни ўзўта, так как иначе рискует навлечь на себя аналогичную судьбу. В этом опять-таки проявляется вера в то, что подобное вызывает подобное. Исполняя песни ўзўта, человек помогал душе умершего человека выразить его тяжелые переживания, продолжающиеся, как и при жизни, ибо души умерших злы, мстительны и за непочтительное обращение с ними могут при-

чинять живым людям несчастье. Угождением же ему человек задабривал ұзұта, спасал живых людей от его наваждений. Тем не менее, хайджи-исполнитель лично себя подвергал опасности уподобить свою судьбу судьбе несчастного. Отсюда запрет — песни ұзұта должен петь совершенно одинокий старик.

Аналогично, по-видимому, назначение исполнения алыптыг ныхмах в траурном доме. Геронческая борьба, которой проникнуто все содержание эпической песни, обычно завершается победой добрых сил. Поскольку же подобное вызывает подобное, то светлые силы эпоса магически вызывают благополучную жизнь для родственников и близких усопшего.

Рассмотренные выше данные показывают тесную связь бытования алыптыг ныхмах в прошлом с обрядом похорон, который представлял собой целый цикл действий. Непосредственной их целью было, по примитивным представлениям, удовлетворение «потребностей» души умершего человека, задабривание ее. Это сакральная функция алыптыг ныхмах. Однако конечной целью такого исполнения являлась, безусловно, сама жизненная борьба, стремление и забота живого человека обеспечить благополучную жизнь живым людям. Это подтверждается одним из важнейших положений исторического материализма о том, что духовная жизнь общества есть не что иное как преобразованное в человеческом сознании его материальное бытие. Следовательно, не религиозными верованиями порожден рассмотренный обычай, а борьбой человека за свое существование, борьбой общества, производительные силы которого находились на очень низкой ступени своего развития. Та же причина — неразвитость производительных сил, лежащая в основе бессилия древнего человека перед силами природы, как известно, породила и религию, религиозные обычаи, которые в процессе развития общества тоже видоизменяются, а то и исчезают. По мере общественного прогресса и у хакасов смысл рассмотренного обычая, религиозная функция жаира все более забывались, становились пережитком и получили объяснения, которые мы приводили выше.

Алыптыг ныхмах, очевидно, в прошлом распевали не только на играх и похоронах. Исполнением эпических песен сопровождался, видимо, и нелегкий промысловый труд охотников, о чем сообщал сто лет назад В. В. Радлов⁹. Хотя ученый свои

⁹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Наречие дикокаменных киргизов, СПб, 1885, предисловие.

заметки не комментировал, а ограничился указанием на то, что охотники-хакасы любят слушать в осенние и зимние вечера у костра после дневных трудов песни о богатырях, можно сделать вывод о бытовании алыптыг ныхмах и в сфере промысла. Оно способствовало, по воззрениям охотников, удаче и богатой добыче посредством магического воздействия на духов тайги. Косвенно данное положение можно подтвердить и охотничьей практикой бурят. Г. Санжеев приводит информацию бурятских рапсодов, которые говорили, что «в артели без хорошего певца невозможна удачная охота». Исполнением богатырских поэм охотники «улагодворяли духов зверей и лесов, от которых зависит тот или иной исход охоты»⁹.

Связь бытования алыптыг ныхмах с сакральными представлениями народа обнаруживается также в самом понимании носителями сказительского дара. Хакасский хайджи, как правило, свое призвание понимал не иначе, как следствие избрания его духом хая — «хай ээзи». Сказители убеждены в том, что они во сне или наяву встречались с ним и получили внушение стать хайджи. Например, С. Е. Бурнаков утверждает, что знает, в какой момент ему было внушено духом хая сделаться певцом алыптыг ныхмах. Было это в молодости, он приезжал в Нижние Сиры (Олек чазы) Таштыпского района, где увидел сон, оставшийся в памяти на всю жизнь. Он вошел во сне внутрь горы и встретил там человека в белой одежде. В стороне лежал хомыс (двуструнный национальный инструмент). Степан Егорович подблизился к хомысу и притронулся к струнам. Они издали приятные звуки. Тогда стоявший в стороне человек сказал ему: «Играй, мальчик, играй, хомыс заиграет!» На этом он проснулся и после стал играть на чатхане (более сложный, чем хомыс, семнструнный инструмент), петь алыптыг ныхмах. Как о реальном рассказывает С. Е. Бурнаков и о духе хая, который будто явился на помощь к хайджи Ирзилю в Большой Сее Таштыпского района. В одну из своих поездок в названный улус С. Е. Бурнакову сообщили, что вечером в одном из домов крупный хайджи Ирзилей будет исполнять алыптыг ныхмах. Отправившись туда, он застал дом полон людей. За чатханом сидел мужчина средних лет и его хай не представлял собою ничего выдающегося, однако слушать его было приятно. Вдруг в окно постучали и спросили, здесь ли Ирзилей, Ирзилей пре-

⁹ Аламжи Мерген. Стихотв, перевод Ив. Повикова. Вводная статья и комментарии Г. Санжеева. Academia, 1936, стр. IX—X.

рвал пенне и вышел на улицу, но там никого не было. Когда вернулся, его хай усилился неузнаваемо. Степан Егорович говорит, что трудно передать то вдохновение, которое испытывал после этого Ирзилей. Сказитель твердо верит, что постучавший в окно был не кто иной, как дух хая, явившийся на помощь хайджи.

Об избрании духом хая сообщал о себе в свое время и крупный сказитель Соян Боргояков из Усть-Чуля Аскизского района¹⁰. Однажды в молодости он прилег, вытянув ноги. Только задремал и вдруг слышит звуки бронзового хомыса. Соян тут же вскочил и увидел у своих ног очень маленького человечка. В руках он держал хомыс из бронзы. Соян понял, что это был дух хая. Маленький человечек дал ему хомыс и велел петь алыптыг ныхмах, а также предсказал, что быть ему, Сояну, большим хайджи. После того Соян уснул, а когда встал, сделал себе хомыс и стал хайджи.

Нетрудно догадаться, что приведенные рассказы были лишь снами людей, выросших в атмосфере глубокой веры в разного рода духов-хозяев. Но реальным было то, что в прошлом сказители были убеждены в избрании себя хозяином хая, поэтому считали себя обязанными непреклонно выполнять его волю. Аналогичных примеров можно привести много. Все они свидетельствуют о понимании хайджи своего призвания, своего сказительского дара, как предопределение свыше, что сходно с верой в шаманов, тоже как избранных духов. Само сочетание в сказителе художественно-поэтического дара с верой в его предопределенность недвусмысленно свидетельствует о глубоком синкретизме не только содержания, но и бытования древнего народного искусства пения алыптыг ныхмах. Художественные творения и религиозные верования, создававшиеся и рождавшиеся на основе реальной жизненной борьбы человека, переплетались между собой самым тесным образом, образуя сложное целое. Познавая мир художественными средствами, человек прошлого одновременно наделял сверхъестественными силами и эти свои творения, взывал к ним в борьбе с природой и социальными враждебными силами, видел в них не только красоту окружающего мира и человеческой борьбы, но и свое-

¹⁰ Даты его жизни: 1896—1933 гг. Соян Боргояков был родным братом матери М. Е. Кильчичакова, который и рассказал о нем.

го магического защитника. Естественно, вместе с развитием общества, постепенным утрачиванием сакральных функций уменьшается и сфера живого бытования алыптыг ныхмах, а это способствует дальнейшему угасанию традиции живого исполнения жанра. Последнее, однако, не означает отмирание древних художественных творений народа, каковыми являются алыптыг ныхмах. Речь идет лишь об отмирании, угасании традиционной формы их бытования—музыкального исполнения, а не об отмирании всей художественной значимости их содержания, которое сохраняется в другой форме — в виде записей на магнитофонную ленту, изданных книг и продолжает волновать читателей человечностью идей и образов.

Не исключено, что исполнение алыптыг ныхмах в еще более отдаленной древности всецело имело характер «священнодействия» (термин Г. Санжеева), как и у бурят¹¹. Иначе, на наш взгляд, необъяснимо существовавшее некогда возрастное ограничение на слушание алыптыг ныхмах, о чем рассказал нам в 1957 г. сказитель Н. В. Созыев. Слушать алыптыг ныхмах когда-то в прошлом допускались только взрослые и пожилые люди, детям не разрешалось. Сам Н. В. Созыев слышал об этом от своих старших родственников-хайджи. Известно, что его отец В. Г. Созыев был крупным сказителем в Капчалах. В семье потомственных сказителей, естественно, хранились различные рассказы о старине, тем более об исполнении и бытовании алыптыг ныхмах (поэтому данное сообщение надо считать вполне достоверным).

Со «священнодействием» может быть, был связан и обычай делать той (пир) в честь окончания исполнения алыптыг ныхмах. Обычно резали заранее барашка, отваривали, выкладывали на стол. Когда произведение было исполнено до конца, присутствующие садились за общую трапезу. Это называлось той. Соблюдение, так сказать, возрастного ценза вместе с обычаем справлять пир в честь завершения пения богатырской поэмы, по-видимому, не было забавой людей, их простым развлечением. По-видимому, распеванию алыптыг ныхмах придавалось священное значение, оно было окружено ореолом тайны, которую, однако, постепенно утрачивало. Нынешние старики в том числе сказители, слушали алыптыг ныхмах, как правило,

¹¹ Аляджи Мерген, стр. XXII—XXIII.

уже с раннего детства, а это означает, что над ними возрастное ограничение не давило, что слушание его в обычной ситуации больше было уже духовно насыщенным отдыхом, нежели каким-то обрядом. Древнее искусство народа, по мере дальнейшего общественного прогресса, освобождается от оков суеверия и становится доступным все большему числу людей и своими высокими идеями оказывает воспитательное воздействие на новые поколения молодежи.

П. А. ТРОЯКОВ, кандидат
филологических наук.

ИСТОКИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАГАДОК-ИНОСКАЗАНИИ

Несомненный интерес представляют для исследователей фольклора сказки, в сюжетной организации которых в качестве решающих компонентов выступают эпизоды и действия, связанные с загадыванием и отгадыванием.

Прежде чем начать наше изложение, необходимо сказать о досказочных истоках форм загадывания. Видимо, в те далекие времена, когда словесное творчество ограничивалось сферой практической деятельности, испытание загадкой имело такую же утилитарную цель, как и вообще все формы испытания.

Одним из моментов и условий обряда когда-то в древности было рассказывание устрашающих мифов и легенд, в содержании которых вплетались загадывание и отгадывание иносказательных рассказов.

Истоки загадочных иносказаний, как формы словесного творчества, следует искать также в многообразных запретах, связанных с охотничьим бытом и используемых для названий зверей и предметов таежного промысла. Иносказания были связаны с именами мифических и реальных предков и родственников мужа.

Во всех этих бытовых и обиходных явлениях, разумеется, непосредственно нет загадки, но в формах разговора нетрудно обнаружить особенности иносказания. На этом построены шуточные сказки-былички, вроде той, например, когда невестка, не называя имен, передает свекрови о том, что волки задрали овец. Или рассказ охотника, если он соблюдал все меры табуации, настолько был насыщен иносказаниями, что его с трудом

мог разобрать человек, не знающий промысловых запретов.

Однако во всех этих запретах мы видим лишь индосказательную основу загадки. Сама же загадка как по своей структуре, так и по своей функции — явление, связанное с более развитым художественным мышлением и опирающееся на разработанный метафорический язык.

Что касается общественной функции загадки и загадывания, то она и в жизни, и в сказке связывается с испытанием мудрости в самых различных сюжетах.

В сюжетах об убийении лисы нет непосредственно форм загадок и разгадывания их. Но целый ряд таинственных атрибутов индосказаний позволяет заключить, что в сказке герой осуществлял это отгадывание в действительности, проявляя магическую силу. В сказке говорится, что никто никогда не мог убить этого зверя, а он убил. Причем все преграды, которые попадаются ему на пути к цели, представляли форму загадки, разгадав которую, герой убивает лису и женится на ханской дочери и становится ханом.

Далее, имеется группа сказок с убийением таинственного зверя и изоляцией ханского сына, где наряду с выполнением трудных заданий непосредственно фигурируют загадки-задачи. Так в ряде сказок Моол Хан или китайский хан вместе с заданием растянуть лук предлагает загадки — различить двух птиц или узнать: какой конец бревна пойдет вниз по течению воды. При этом загадка на мудрость чередуется с различными заданиями на испытание силы данного хана, данного рода. Загадка и задание являются своеобразной угрозой враждебного хана. Однако, загадку решает не сам хан, а его старший сын, вернее его отверженный сын от первой жены. И сюжет опять разворачивается так, что решивший эту мудрую задачу и разгадавший загадки женится на дочери хана-врага.

Итак, истоки сказочных мотивов об испытании физической силы и мудрости героя восходят к периоду экзогамного брака и связаны с той его стадией, когда право наследования оставалось за женским родом, а фактическое право управления народом своего племени переходило в руки родовых вождей, сменяемых по праву сильного и мудрого. То, что содержится в сказочных сюжетах, имело место и в жизни, в истории народов, стоявших на ранних стадиях общественного развития и сохранивших пережитки доклассовой идеологии и родового строя. С другой стороны, проблема испытания в сказке есть

проблема испытания главы рода, его магических или даже жреческих способностей.

Как известно, в родовом обществе слово «царь», а у азиатских народов — «хан» безусловно имело иной смысл, нежели тот, который мы вкладываем в него, говоря о классовом обществе. Ф. Энгельс приводит слова Маркса о том, что «европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басилея в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец — янки Морган». И далее Ф. Энгельс замечает, что этимологически совершенно правильно переводить слово «басилей» немецким словом «Кönig», что означает старейшина рода¹.

В свете этих замечаний Ф. Энгельса нам становится понятно и то первичное значение слов «хан» и «кинг», которые мы встречаем в сказках. Кстати, в этой же работе Ф. Энгельс замечает, что слово «gens» происходит от слова «кан», означающего «рождать».² Этимологически слово «кан» связано еще с родом, затем это же значение переносится на вождя более крупной этнической и территориальной группы, каковых мы во множестве встречаем в орхоно-енисейских памятниках, т. е. в тех памятниках, которые отражают историю хакасов.³

В сказке хан замещается героем, прошедшим испытание и женившимся на дочери хана. При матриархате замещение престола происходило по женской линии, т. е. преемником хана становится пришелец из другого рода, женившийся на его дочери. Д. Фрезер указывает, что замещения эти происходили на основании выбора соответствующего кандидата, одержавшего победу на состязании. Он приводит ряд исторических примеров подобного рода состязаний, не только при получении руки царевны, но и вообще при получении невесты⁴.

Кровавые последствия испытания, в частности загадывания, были связаны именно с явлениями замещения ханской власти. Загадки, задаваемые будущему хану, были своего рода испытанием, сможет ли он возглавить род, обладает ли он той магической силой, которая может обеспечить благополу-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 21, стр. 105--107.

² Ф. Энгельс. Указ соч., стр. 86-87.

³ См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, М. — Л., 1952.

⁴ Д. Фрезер. Золотая ветвь. М., 1928, стр. 182—183.

чие рода. А таким человеком мог стать только тот, кто обладал всеми необходимыми для этого качествами. Физическая сила главы рода, мудреца и предсказателя была равносильна магической. Примеров, когда упадок магической силы вождя племени приводил к его умерщвлению и выбору нового вождя племени, приводится Д. Фрезером достаточно много⁵.

Впоследствии действительно существовавшие кровавые обычаи превращаются в обрядовые церемонии, которые затем становятся достоянием сказки и сказочников. Создаются соответствующие сказочные сюжеты с испытанием загадками и со всеми устрашающими эпизодами умерщвления. Но в сказке герой обычно одерживает в этом словесном состязании победу и добивается своей цели.

Особую группу хакасских сказок составляют сюжеты с загадками, связанными непосредственно с женитьбой на ханше-правительнице. Этот сюжет неотделим от сказки, где герой женится на ханской дочери. Мотив почти один и тот же: там и здесь испытывают героя. Стаднально в сказке ханша предшествует дочери хана. В богатырских сказаниях часто фигурируют героини-богатырши, владеющие несметным количеством скота. Герой-богатырь обычно вступает в поединок с ней, одерживает победу, а иногда оказывается поверженным ею и нередко становится ее побратимом. В волшебных сказках столкновение, а затем и женитьба героя на ханше-девушке оформляется нередко в виде загадок и заданий. Так, например, в сказке «Каменный мальчик Пахлон» один мальчик с далекого берега пошел охотиться. На другой стороне моря правителем была хан-девушка, которая объявила, что выйдет замуж за того, кто победит ее загадками. А тем, кто не отгадает загадку, она отрубает головы и на устрашение других выставляет их воткнутыми на столбах (около сорока голов торчали на столбах).

И вот однажды мальчик этот сел на своего теленка, переплыл море и встретился с девушкой-ханшей. Между ними состоялся разговор:

...— Хайдан килдің оолагас, — тіп сурды хыс кізі.

— Ах талайның арчанынаң килдім.

— Ах талайның арчанының пігі чалчых ни, — тидір.

⁵ Д. Фрезер. Указ. соч. стр. 184.

— Чалчых полза, поллады ни, тодах теен хус талайны тобыра учугадыр ни,— тидір оолах.

— Тодах теен хус тобырах ни, оң ханады отыс атха чўг, сол ханады хырых атха чўг. Адачканы одіріп, адай хусха тастанар⁶.

...— Откуда пришел мальчик? — спрашивает девушка-ханша.

— Из-за тумана белого «моря».

— Туман белого моря «чалчых ли» (иносказание).

— Если такой — видимо такой, на «тодах-птице» через море перелетел,— сказал мальчик.

— Тодах-птица — пыль ведь, правое крыло на тридцать коней груз, левое крыло на сорок коней груз. Дайте меч, убейте адачку, бросьте собакам, голову его повесьте на столб.

Мальчик-охотник говорит: — «Как раз я хотел заколоть теленка и свадьбу справить, жениться на тебе».

Девушка-ханша сдается, юноша женится на ней и становится ханом.

Весь разговор проходит в форме иносказания, в которой ярко и прозрачно отражены как сама цель иносказания, а также социальные условия, в которых могло оно происходить. Надо полагать, что в период, когда браки совершались по праву сильного, вернее, по праву могущественного рода, победитель мог убить или взять в жены дочь побежденного вождя. Точно так же поступала и девушка-ханша.

Сказка внесла в существовавший когда-то обычай еще более гипертрофированные аксессуары.

Есть еще другая мыслительная основа этого сказочного мотива, связанная не столько с историческими явлениями, сколько с представлениями, сложившимися в сфере сказочной традиции. Как известно, на какой-то стадии развития человеческих воззрений представление об удаче, о богатстве связывалась с миром духов и с хозяйкой горы. В сказке оно ассоциируется с представлением о далекой суровой ханше, победа над которой означала для героя приобретение богатства и магической силы. И как бы сурова и жестока ни была эта неведомая владычица, герой с помощью загадок побеждает ее, женится на ней и становится ханом.

⁶ «Хакас чоннын кии-чоохтары, нимахтары», сост. П. Трояков и Т. Тачсева, Абакан, 1960, стр. 135—136.

Далее, загадывание и решение загадок, как один из способов обнаружения магической силы и мудрости, имело большое значение, особенно во взаимоотношениях соседних ханов, а также ханов и пигов со своими родичами в условиях укрепления племенного единства. Но в хакасских сказках подобные сюжеты обрамляются архаическими и порой не всегда понятными атрибутами.

В одной из сказок говорится, что в глухой тайге одна юрта стоит. В этой юрте жила старушка со своим сыном Килби-Силби. Сын спросил однажды, почему мы не живем в аале, среди людей. Мать отвечает, что они жили когда-то там, но Чек Хан заставляет отгадывать загадки, и если кто не отгадает, того он убивает⁷. Разумеется, сказка здесь не говорит, по какой причине хан заставляет отгадывать загадки и почему умерщвляет людей. Возможно, она отразила какие-то мыслительные пережитки когда-то существовавших обычаев, сохранившихся как народные поверья и легенды. Сказка позднее придала мотиву убийства социальный смысл. Старушка рассказывает, что хан того, кто не отгадает загадку, или убивает или отдает в плен другому хану.

Сюжет этой сказки строится опять-таки на таинственном смысле иносказаний. Мать-старушка остается дома одна, сын Килби-Силби каждый день охотится. Однажды пришла девушка и загадками говорит:

Килби-Силби, ибде бе?
Кирі сараат нагда ба?
Пос мончыгы мойшында ба?
Молат хылызы наньында ба?
Сабланганы кинкте бе?
Сагынганы хыста ба?

Перевод: Килби-Силби дома ли?
Старый игреневый конь на привязи ли?
Шейный талисман на шее ли?
Меч стальной в руке ли?
Слава его на олене ли?
Думы его о девушке ли?

Вопросов много, но все они построены как иносказание. Появление девушки, как и ее загадочные расспросы, не мотив-

⁷ Рук. фонд Хакасского ИНИЯЛИ, № 12683.

вированы и не разъяснены ничем. Пришла девушка и просто начинает спрашивать у старушки о ее сыне, называя его имя. Можно сравнить ее с образом дочери хозяина в охотничьих сказках, которая затем становится чудесной женой героя.

Девушка просит старушку передать ее слова сыну. Но та забывает об этом каждый раз, когда возвращается домой Килби-Силби. На второй день повторяется то же самое, старушка снова забывает передать сыну слова девушки. На третий день сын заранее укрывается в юрте, а затем, когда заходит девушка, он отвечает ей из своего укрытия. По существу он разгадывает ее тайну.

Как видно в данном случае, загадки используются как средство испытания мудрости. Старушка не передавала загадок не потому, что забывала, а потому, что она не могла разгадать смысл слов девушки. А сын ее сумел отгадать эти загадочные вопросы. Здесь не хан, не ханская дочь загадывает, а таинственная лесная девушка. Сказка сохранила весьма архаические черты. Сказочный мотив здесь получил своеобразное преломление, связанное с охотничьим мотивом женитьбы героя на дочери зооморфного хозяина. Но в этой сказке девушка становится чудесной женой, что является дальнейшим развитием волшебного вымысла.

Поженившись, они вместе поехали побеждать загадками общего врага Чек Хана. Здесь имеем частный случай смещения двух эпизодов. Обычно состязание предшествует женитьбе, в данном случае, наоборот, испытание происходит после женитьбы... При этом чудесная жена выступает учителем мужа в предстоящем состязании на загадывание.

Сказка как бы состоит из двух сюжетов. Первый — архаический, второй — более позднего происхождения. В нем-то и заключен основной смысл сказки. В пути они остановились на ночлег в тайге, а когда утром проснулись, то стоял туман. Жена заставила мужа умыться туманом (росой), утереться хвостом и гривой коня. Затем они увидели в норе змея, которого облепили муравьи. Они освободили змея. По пути следования им встречается корова в хлебе (иногда в траве). Корову выгнали оттуда и поехали дальше.

Жена научила, каким путем все это оформить в загадку. То, что они делали, становится загадочной формой испытания уже хана. И вот, когда собрался народ, герой стал загадывать

загадку «Когда мы ехали, в пути ночевали около реки, но умывались не водой, не снегом; затем, когда умылись, утиралась не травой, не кустом. По дороге встретили ненасытных, которые лежали на ненасытном, затем встретили доброе, выгнали его из доброго». Хан не мог отгадать, тогда ханское место занял Кил-би-Силби, охотник.

* * *

Одним из ярких, но немногочисленных образцов трансформации сказочного сюжета с загадыванием является форма песенно-загадочного состязания между ханом-девушкой и неизвестным женихом. Жила-была девушка хан. Она устраивала частые состязания, направленные на испытание мудрости жениха. Здесь тот же мотив, что и в предыдущей сказке, но сказочный сюжет развивается в форме загадочного песенного диалога. На состязание пришел охотник, у которого спрашивает хан-девушка:

Паларлыг састың істінде адай ұрчадыр

Нименің пірсі атығчы оол?

Пөзік тағның ұстүнде от кәйчадыр

Нименің ырсы атығчы оол?

Перевод:

В болотистом лугу собака лает

Что за такое, охотник-стрелок?

На высоком хребте огонь горит

Что такое стрелок-охотник?

Стрелок-охотник отгадывает и поет:

Пөзік тағның ұстүнде от кәйчадыр

Пүұр палаларының харағы полчадыр.

Паларлыг састың істінде адай ұрчадыр

Пага палчахтың табызы ұрчадыр^а.

Перевод:

Что на вершине высокой горы огонь горит—

Это волчьих детенышей глаза.

Что на болоте собаки лают —

Это лягушачье кваканье.

Мальчик-охотник решил эту, казалось бы, немудреную загадку. Теперь хан-девушка спрашивает: «Есть ли у тебя дом, чтобы везти хан-девушку?». Он отвечает, что есть о шестидесяти углах его отцовская юрта, с пятидесяти материнская юрта. Он увозит ее, но оказалось, что он привез ее в шалаш. У него ничего

^а Рук. фонд Хакасского НИИЯЛИ, № 4501.

не было. Здесь еще раз побеждает этот мудрый юноша и, женившись на хан-девушке, возвращается, становится ханом.

В песенно-диалогической форме хакасов мы можем встретить различные формы состязания между женихом и ханом-девушкой или дочерью хана, что безусловно отражает существовавшие когда-то исторические явления, зафиксированные сказкой.

В более поздних сказочных сюжетах об испытании жениха вместо хан-девушки фигурирует дочь богатого человека. В балладах, полупоэтических рассказах встречается очень много песенных состязаний между бедным женихом и богатой невестой, одержав победу над которой, он женится на ней.

Формы загадывания, как и цели его, ради которых использовалась загадка, в процессе развития сказочного эпоса не оставались постоянными, они видоизменялись вместе с теми мотивами, в которых загадки использовались как решающее звено.

В бытовой действительности, особенно в свадебных обрядах, следы испытательной формы сохраняются в диалогах сватов и отца невесты. Загадочный смысл состязания, разумеется, изменился, но какие-то отголоски прежнего обычая испытания жениха в них отражаются довольно прозрачно. Обычно, придя в дом хозяина и выполнив все формальности свадебного этикета, сваты начинают говорить иносказательно, а затем расхваливают свой род и предков жениха, перечисляя все действительные и воображаемые достоинства предков. Начинаются песни-диалоги, где словесная перебранка облекается в форму загадок. Эти обрядовые пережитки должны быть поставлены в связь с разбрасываемыми сказками. Мотив испытания жениха, который составлял основную канву сюжетов со сказочным загадыванием, приобретает во многих сказках другое оформление. Зачастую обнаружение мудрости путем загадок происходит не непосредственно на состязаниях, а в форме диалога женихов по пути следования к невесте. Сказка обрела форму свадебного повествования о действиях и столкновениях сказочных персонажей.

В сказке «Тадар оол» жених уже известен. Он едет за невестой, чтобы взять ее к себе домой. Но у него есть товарищ, который едет с ним (он тоже своего рода жених). На одном священном перевале жених говорит товарищу, что «надо на ушах лошадей развести огонь, котел спарить». Второй не понимает. Затем через некоторое время он говорит: «Давай коням горло перережем и попьем». Товарищ опять не понимает. Когда приеха-

* Рук. фонд Хакаского НИИЯЛИ, № 4488.

ли к хозяевам, обойдя юрту, он говорит: «Эта юрта сделана хорошо, лишь одна сторона устарела». Его товарищ обо всем этом рассказал невесте, а она раскрыла содержание иносказания. В первом случае оно означало — «давай покурим», во-втором — «давай попьем», в третьем—означало, что у хозяина один глаз плохой.

Здесь иносказание, выполняя ту же функцию испытания, связывается в своих истоках с охотничьими запретами и с хозяйном горы. Последний может наслать различные беды, если нарушить какис-то запреты. И люди соблюдали меры предосторожности именно по пути следования. Но это табуированное иносказание обретает значение загадок, которые уже выполняют сказочную функцию. Однако запретные истоки иносказания забылись, а загадки сохранили значение испытания женихов, а точнее они как бы служат средством опознания действительного жениха. Жених демонстрирует свою мудрость, но невеста не менее мудра. Она разгадала иносказание жениха. Здесь, следовательно, в другой форме повторяется уже известный мотив, но разгадать загадку должен не жених, а невеста.

Иногда загадочные формы разговора женихов чередуются с действительным состязанием двух или трех женихов и невесты. В сказке, записанной С. Д. Майнагашевым более 50 лет назад, очень подробно дается диалог двух женихов, едущих свататься к одной невесте. Мы позволим себе привести этот диалог полностью.

Первый: Прежде в том крае отец мой бывал, там и сям щепок набросал, на горного тетерева силки поставил, еду посмотреть все это.

Он же: Разведем костер, на голове лошади вскипятим котел, покушаем.

Второй: (думает) Какой он глупый человек.

Первый: Разрежем шейные жилы наших коней, выпустим кровь и попьем.

Второй: Какой ты глупый.

Едут дальше.

Первый: От этой толстой березы срубим мы по чурке, положим на задки телеги.

Первый: Ты пусти стрелу вниз, а я пушу вверх.

Второй: Глупый ты человек, ищи потом эти стрелы.

Затем доехали.

Первый: Где ночуешь?

Второй: Ночую у костра.

Первый: Кто имеет высокий сарай, у того ночую.

Так с различными добавлениями и вариантами повторяется диалог женихов, один из которых оказывается мудрым, а другой не понимает слова первого.

Вторая часть построена на других загадочных действиях, направленных на обоюдное испытание жениха и дочери хана. Последняя узнала, что приехал жених, налила полную чашу молока и отправила со своей служанкой к нему. Служанка понесла, и, когда молоко расплескалось, она отпила его. Жених посмотрел и говорит:

— Прежде море полное, наравне с яром, а теперь, убывая, высыхать начало.

Когда вернулась служанка, ханская дочь спрашивает, что тот сказал. Выслушав слова жениха, она сказала: «За чем молоко выпила, которое носила». Та призналась.

Теперь ханская дочь посылает служанку с полной чашей яиц. Та несет осторожно, но яйца скатываются. Упавшее яйцо служанка подбирает и съедает. Остальное отнесла. Жених посмотрел и говорит:

— Прежде на небе звезд очень густо было, а теперь редеть стали¹⁰.

Когда служанка вернулась, повторяется то же самое.

Между тем, второй жених рассказывает «о глупости» первого, который говорил иносказаниями. А ханская дочь все эти иносказания разгадала и признала его женихом. Отец вызывает этого парня и отдает за него свою дочь. Жених вернулся на родину с невестой.

В подобных сюжетах загадки выполняют и функцию испытания, и функцию характеристики персонажей. Диалоги между двумя женихами вскрывают с помощью иносказаний глупость одного и мудрость другого...

Пережитки этого обычая сохранились и в свадебных обрядах хакасов недавнего прошлого. Так, у хакасов заставляли жениха колоть дрова, били его плеткой, иногда задавали ему премудрые загадки или обязывали спеть песню. Какие-то пережитки свадебных обрядов мы можем видеть и в игровом обычае во время свадьбы, бороться за голенистую кость баранины, которую выбрасывали из юрты. Юноши должны были отбить ее друг у друга.

¹⁰ Живая старина, вып. XXIV, Петроград, 1916, стр. 45.

В процессе прозаизации сказки с загадками создаются сюжеты, где мудрая девушка состязается в загадывании и отгадывании с ханом. Эти сказки, в конечном счете, также связаны с мотивом брака и восходят к тем же явлениям, о которых говорилось выше, но обрели социально-бытовую окраску и направленность. Эти сюжеты условно можно назвать сказками о мудрой девушке.

Структурно сюжетная форма сказки и загадывания состоит из цикла поочередно сменяющихся загадок хана и девушки, пока хан не признает себя побежденным или пока девушка не освобождает родителей из-под ханской зависимости. Так, в одном сюжете сын хана сватается к дочери бедняка. Она посылает гуся, просит голову его отдать самому хану, заднюю часть жене, крылья и ноги детям. Тогда хан отдает ей моток ниток, чтобы связать чулки. Она посылает хану пруттики, чтобы сделать из них иголки. Хан оказался побежденным¹¹.

К числу прозаизированных сказок об умных ответах относится бытовая сюжет с некоторыми архаическими чертами. Один бедняк попадает к лесным людям. Его там избили за то, что он застал «хвост» сказки. Затем его отпустили, чтобы он отдал свою дочь. А когда те пришли, отца дома не было; на вопрос пришедших дочь дает загадочные ответы: «Мой отец из рогов лягушек топорище сделать пошел». Богатый человек Мох-Сагал спрашивает, откуда у лягушек рога. Она: «Откуда у вас хвост сказки». Второй раз она отвечает: «Из рогов змея черенок меча сделать пошел». В третий раз она уже говорит о ящерицах. Так мудрая девушка одержала победу. Все подобные сказки не сохранили древней концовки, когда после этих состязаний обычно женился хан. В большинстве же сказок, записанных в последние десятилетия, эти ханы или лесные люди, обычно погибают. В этой сказке дочь обладает кроме того и магической властью над природой. По ее заклинанию этого Мох-Сагала убивает ветром¹².

Иногда такой сюжет осложняется элементами социальной характеристики бедного и богатого человека. Так, в одной сказке хан задает двум братьям загадки. У бедного была умная дочь, которая и решает загадки. Богатый брат остается

¹¹ Рук. фонд Хакасского НИИЯЛИ, № 4501.

¹² «Хакас чопынык кии-чоохтары, нымалтары», стр. 126.

опозоренным, говоря несуразные вещи. Бедный брат вознаграждается.

В этой и подсобных сказках обычно загадка выполняет как бы функцию обнаружения мудрости девушки. Узнав, что загадки отгадывает дочь бедного, и сочтя, что она обладает мудростью, хан хочет жениться на ней. Он спавляет ее отца, бедного брата, а девушку увозит к себе. Они живут как муж и жена. Но хан испугался мудрости своей жены, хочет отказаться. И опять этот эпизод оформляется в виде загадки. Он отправляет ее домой, говоря, «бери все, что угодно». Она спавляет хана и увозит к себе. Хан проснулся у ее отца. «Почему я оказался здесь?» — спрашивает он. А девушка отвечает: «Ты говорил бери все, что хочешь, и езжай домой, я и привезла тебя». Так хан оказался побежденным¹³. Основной мотив сказки — опять-таки хан и девушка, а мотив бедного и богатого здесь как бы является побочным.

Чередко встречается широко распространенный и в русском сказочном эпосе, и в мировом фольклоре атрибут загадки «приехать без одежды и не голый, на коне и без коня, по дороге и без дороги, не днем и не ночью». Обычно такой приказ отдается отцу-старикам девушки. По совету жены или дочери он приезжает завернутый в рыболовную сеть, по обочине дороги, на зайце, утром на рассвете¹⁴.

Встречается в хакасском сказочном эпосе мотив с загадкой «Кто на кого работает». Однако этот мотив обрастает целым рядом эпизодов с дополнительными загадками. В сказке, записанной от С. П. Кадышева¹⁵, рассказывается, как умный мужик победил своей мудростью двух баяв. Глава улуса Хайланаш увидел однажды мужика в худенькой одежонке с топором за поясом и с мешком. Он спрашивает, что он делает и как работает. Тот отвечает, что работает изо дня в день. Из того, что сделает, платит долг, отдает в долг, бросает на ветер, в пропасть идет. Ничего не ответив, тот ушел домой. На завтра он приглашает двух баяв разгадать эту загадку. И, как обычно, если не отгадают, то он выгонит их из этого улуса (мотив явно бытовизированный). Два бая пошли к мужику и выспросили отгадку. «Долг плачу это то, что мои родители кормили меня, я им долг свой возвращаю, этот мальчик — мой сын,

¹³ Рук. фонд Хакасского НИИЯЛИ, № 4568.

¹⁴ Герой иногда приезжает на быке.

¹⁵ Рук. фонд Хакасского НИИЯЛИ, № 12683.

его кормлю, он вырастет — меня будет кормить, это я в долг отдаю. У меня есть дочь, она выйдет замуж, и то, что я кормлю ее, пропадает зря, это я на ветер бросаю. А это моя жена, она ничего не делает, что я ее кормлю — идет в пропасть». Но бан обманули Хайланаша. Они сказали, что сами отгадали. Приглашает он того мужика и разоблачает баев. Но загадывание продолжается. Он спрашивает: «Почему у тебя имя Санатхы Сунатхы?» Мужик отвечает: «Это меня так называли бан. Санатхы — это для счета. Сунатхы — это человек, который ни к чему не способен, так себе».

Все вопросы загадки носят форму иносказаний, выдержанных в стиле художественных афоризмов. На вопрос, почему сын у главы улуса все время спит, а дочь — смеется, бедняк отвечает, что ленивый человек падок на сон, а человек, лишенный разума, всегда смеется. «Кто не понимает — не поймет, кто не слушает, не говорит — не услышит».

Эта загадка непосредственно обращена к мужику, но по существу идет состязание на мудрость между богатым и бедным. А в целом сказка носит ярко выраженный социальный характер. И загадки как бы выражают демократическую направленность сюжета сказки, сокровенную мудрость народа. И как таковые, они выполняют функцию назидательного поучения. Хотя нет в них строгой формы загадок, однако, они иносказательны в самом прямом смысле.

Мы разобрали социальные истоки и содержание сказок, в сюжетной организации которых исключительную роль играют загадки-задания, выяснили их сказочную функцию и по возможности раскрыли, к каким идеологическим явлениям они восходят и как трансформируются в процессе исторического бытования в народе. Рассмотрели различные по содержанию и оформлению сказочные сюжеты. Большая часть сюжетов связана с испытанием жениха, которое обычно завершается женитьбой героя на дочери хана, на девушке-ханше, занятием ханского места. В бытовизированных сказках обычно словесное состязание происходит между мудрой девушкой и баем или между бедным и богатым, что, естественно, свидетельствует о глубоких социальных сдвигах в положении и сознании трудового народа.

Несмотря на то, что в разобранных сказках отражаются типологические явления в исторической жизни различных на-

одов, многие разобранные нами мотивы отражают исторические условия охотничьих и скотоводческих племен тюркских народов. И с точки зрения понимания социальных институтов и религиозных верований разбираемые мотивы состязания имеют существенное значение. Они важны также с точки зрения прослеживания путей формирования сказочного эпоса.

Количество загадок-иносказаний в хакасском сказочном эпосе не так уж велико. Многие сказки используют очень сходные или аналогичные загадки. Но разгадать их по существу невозможно. Нет даже ближайшего сходства иносказания с выражаемой мыслью. Но есть загадки-задания, которые совершенно не требуют усилия. Они построены именно на том, что их разгадать абсолютно не представляет труда. Видимо, сказочников интересовало не содержание иносказания, а само загадывание для завязки и развития сюжета, которые, однако, отражают или какие-то давно забытые запреты, или они взяты из практических наблюдений над явлениями природы. Но везде, во всех сказках они составляют как бы движущую пружину всего повествования. Если бы не было загадки, сказка потускнела бы и, возможно, подобный сюжет давно бы был забыт.

Сложен и противоречив процесс формирования и бытования сказки. Восприняв из различного рода мифологических рассказов, родовых преданий, животных быличек отдельные идеологические и воззренческие атрибуты, сказка прошла длительный путь развития, стала затем художественным выражением народных идеалов, облекалась в соответствующий поэтический наряд сообразно с характером жизни и мышления данного народа. Но в процессе создания и бытования сказки, как обычно, видоизменяются сюжеты, растягиваются, сокращаются, вбирают мотивы из других сказок, эпизоды усложняются подробностями, взятыми из жизни. Все элементы сказки постепенно видоизменяются, и в этом весьма примечательном процессе велика роль творческой фантазии, роль сказочников. Каждая новая подробность, новый эпизод, вводимые несколькими поколениями сказочников в основной сюжет, как бы являют собой новый вариант и новую ступень развития сказки. Те изярки эпизодов, подробностей, которые отличаются особой рельефностью и отвечают требованиям народа, и сказочников сохраняются наиболее долго. Одним из таких устойчивых художественных элементов сказки являются загадки, загадочные эпизоды, которые мы разобрали в хакасском сказочном

эпосе. Загадочные иносказания, когда-то, видимо, и были частью мифологических рассказов, родовых преданий и имели так же, как сами древние рассказы, магический характер и включались в содержание производственных мистерий.

Сказка частично восприняла элементы ранних свойств запретных иносказаний. Но загадка в сказке используется в совершенно другом значении. Она является органической частью сказочного сюжета. Вымыслу подчиняется и загадочное иносказание, приковывая внимание сказочников и слушателей своей необычностью и таинственностью. Самый сказочный и развлекательный характер сказки и обеспечивает загадке прочное место в ее сюжете. Тот таинственный элемент в сказке, основанный на неясности и туманности, имеется еще в большой мере в загадочном иносказании. Необыкновенная гибкость мысли, неожиданно рождающейся из сплетения различных обстоятельств создает интерес, вся сказка держится на образности, возбуждает любопытство, неотложно заставляет думать слушателя о содержании загадки, иносказаний и всей сказки в целом. Это связано, помимо прочего, с большой популярностью в среде хакасского народа, в самой устойчивой речи хакасов иносказательных оборотов, прямых и опосредственных сравнений, и загадка сама по себе заняла прочное место в жизни и среди других разновидностей афористической поэзии хакасов.

Однако загадка органически сплетается со сказкой, с ее содержанием и является одним из важных структурных компонентов сюжета. Не было бы загадки, не было бы столкновения сказочных персонажей, не было бы соответствующего сюжета. В этом случае мы вправе говорить о ее сюжетно-организующей роли. Сказочная функция загадки именно в последовательном разрешении нагнетающихся катарсисов, а затем в создании новых ситуаций, осложняющих сюжет. Характер использования загадки-иносказания довольно однообразный. Не изобилуют многообразием и сюжетные столкновения, но зато присутствие загадочного иносказания делает их емкими по содержанию и как будто бы глубже раскрывает типические сказочные образы. Загадки и служат одним из средств характеристики персонажей. Мудрая загадка-иносказание как бы выводит сюжет из обычного равновесия, являясь поворотным моментом в развитии сюжета, и помогает полнее, ярче, а иногда по-новому выразить соотношение и столкновение сказочных персонажей.

Л. Р. КЫЗЛАСОВ,
доктор исторических наук.

О ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ* СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХАКАСОВ.

Общезвестно, что в VII—XII веках в государстве средневековых хакасов существовала своя тюркоязычная письменность. Ввиду того, что первые памятники ее были открыты в начале XVIII в. на Енисее (на территории современной Хакасской автономной области), то до сих пор ее принято называть енисейской¹. Памятники енисейской письменности (надписи на скалах, на могильных и памятных плитах, на отдельных предметах и монетах) найдены в большом числе не только на территории Хакаско-Минусинской котловины, но и на Алтае, в Туве, в Северной и Западной Монголии, т. е. на тех землях, которые в IX—XII вв. входили в состав древнехакасского государства².

Обилие памятников письменности, которые далеко не все сохранились, а также содержание надписей свидетельствуют о широко распространенной грамотности не только среди знати, но, очевидно, и среди простого народа. Характерно обращение надписи в середине IX века, высеченное на скале Хая-

* Статья перепечатана из журнала «Вестник Московского университета», серия IX, история, № 2, 1968 (ред.).

¹ См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952; Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, «Советская археология», 1960, № 3, его же. О датировке памятников енисейской письменности, «Советская археология», 1965, № 3.

² См. Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Уч. записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960 (Следует различать найденные в Монголии памятники орхонской письменности, относящиеся к VIII в. и оставленные древними тюрками — тугю).

Бажы: «Слушайте, все люди, посла из Кара сэнгир». Оно было явно рассчитано на прочтение этого текста многими людьми. О том, что люди «слушали», т. е. читали этот текст, говорят их отметки на скале Хая-Бажы (р. Хемчик). Это многочисленные, выбитые вокруг надписи, тамги—личные знаки древних хакасов.

О распространении грамотности говорят и надписи, обычно указывающие на имя владельца, написанные на простых предметах, обломках зеркал, металлических сосудах, на пряслицах, чужеземных монетах и т. п. Ныне известно, что даже при дипломатической переписке хакаские каганы пользовались в середине IX в. собственной письменностью, которая тогда благодаря уйгурам была широко известна в Центральной и Юго-Восточной Азии. Недаром хроника отмечает: «Письмо их и язык совершенно сходны с уйгурскими»³.

Наличие на протяжении свыше 600 лет самобытной письменности делает несомненным существование в древнехакасском государстве не только учителей и школ, но и определенной литературной традиции.

В эпоху расцвета этого государства в X—XII вв. средневековые хакасы поддерживали широкие посольские, культурные и торговые связи со многими цивилизованными странами запада и востока — от Афганистана и Средней Азии до Восточного Туркестана и Китая. Хакаские купцы, послы и воины ездили в Среднюю Азию, Восточный Туркестан, Тибет, Китай и другие страны. Поэтому для населения государства было характерно знакомство с культурой запада и востока.

Многие знатные хакасы, не удовлетворяясь «домашним» обучением своих детей, посылали молодых людей для продолжения образования далеко за границу. Поэтому в средневековой Хакасии имелись люди, получившие образование в других странах и знавшие иностранные языки⁴.

³ Г. П. Супруненко. Документы об отношениях Китая с средневековыми кыргызами в источнике IX века, «Известия АН Киргизской ССР», Серия общественных наук, т. V, вып. I, Фрунзе, 1963; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 353.

⁴ См. Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 61 и 74—75. В IX в. известен переписчик и переводчик буддийских книг с китайского на тибетский язык. Он был выходцем из княжечьего дома страны «Кыргыз», т. е. из аристократического рода древних хакасов — см. F. W. Thomas and C. L. M. Clouston. A second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1927, April, pp. 282—283.

Писали, конечно, преимущественно не на каменных плитах и не на скалах. На камне вырезались только те надписи, которым было предназначено остаться на века. По сведениям арабского географа X в. Абу-Дулафа, обычно употреблялись при письме тростниковые перья⁵, которыми можно было писать только жидкими чернилами, очевидно, на коже, вываренной бересте или на импортной бумаге. К сожалению, такого рода «грамот» пока не найдено, но они еще могут быть обнаружены при археологических раскопках.

Все эти данные позволяют полагать, что в государстве средневековых хакасов была своя литература, были книги и, несомненно, свое устное народное творчество⁶. Была, вероятно, и переводная литература.

Мы мало знаем о самобытной литературе и о древнем фольклоре средневековых хакасов и потому нередко не принимаем их во внимание. Между тем, имеется полная возможность составить по этому вопросу определенное представление и в сущности впервые распахнуть «окно в исчезнувший мир» — мир духовной культуры средневековых хакасов.

Эпитафии на каменных стелах написаны стихами, что позволило лучшему их знатоку покойному тюркологу С. Е. Малову высказать предположение, что «это кладбищенская поэзия»⁷. Благодаря специальному литературоведческому анализу сохранившихся древнехакасских эпитафий, написанных на тюркоязычной енисейской письменности, недавно было показано, что у древних хакасов существовала самобытная поэзия и своя многолетняя художественная литературная традиция. Сохранившиеся тексты оказались высокими образцами эпитафийной лирики⁸.

⁵ См. В. Григорьев. Об арабском путешественнике Абу-Дулафе и странствовании его по Средней Азии, СПб., 1872.

⁶ Как убедительно показал М. П. Грязнов, героический эпос у народов Южной Сибири сложился еще в эпоху разложения родового строя в III-I вв. до н. э. и процветал в классовом обществе (VI-X вв.). См. М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 3, Л., 1961.

⁷ С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 8.

⁸ См. И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI-VIII веков, М., 1965. К сожалению, автор книги не рассматривает «орхон-енисейские тексты» как литературные памятники разных тюркоязычных народов средневековья, отличных как по происхождению, так и этнографически. Она не различает тюрк-түгю VIII в. от древних хакасов VII-XII вв., хотя территория их обитания,

Итак, без сомнения, у средневековых хакасов имелась са-
мобытная литература.

Для изучения этой литературы имеется еще один весьма
важный, но никем не затронутый до сих пор источник. Я имею
в виду некоторые, к сожалению, до сих пор еще не собранные
и не исследованные фрагменты из произведений древнехакас-
ской литературы или фольклора, сохранившиеся в записи ино-
язычных средневековых авторов (персо- или арабоязычных,
китайских или тибетских).

Особенно много таких текстов в персидской и арабской ли-
тературах, куда они попадали через посредство предприимчи-
вых и любознательных среднеазиатских купцов, которые, как
известно, в IX—XIV вв. постоянно посещали с торговыми це-
лями бассейн верхнего и среднего течения Енисея⁹. Кроме того,
в средневековую Хакасию прибывали послы разных мусульман-
ских стран, а также ученые-путешественники. На Енисее побу-
вали географ Абу-Дулаф (X в.) и лингвист-тюрколог Махмуд
Кашгарский (XI в.), описавшие страну и языки населения.

Махмуд ал-Кашгари, например, писал: «Я несколько лет
объезжал города, зимовья и летовки тюрков, туркмен, огузов,
чигилей, ягмо и киргизов, собирая их слова; изучал и выяснял
различные свойства их слов»¹⁰. Многие авторы, писавшие на
персидском или арабском языках, сообщая различные мате-
риалы о древних хакасах (в мусульманских источниках, назы-
ваемых хырхызами или хиргизами)¹¹, постоянно ссылаются на
непосредственных своих информаторов — среднеазиатских
купцов, побывавших или даже проживших некоторое время в
бассейне Енисея.

Например, арабский географ ал-Омари (XIV в.), описав
живших в Сибири, в бассейне реки Чулыма, удивительных
среди тюрков белокожих и голубоглазых хакасов (очевидно из
племени хызыл), прямо указывает: «Рассказывали это Эльгарр

обычан, уровень их социально-экономического развития были различны. Кро-
ме того, она неверно датирует памятники енисейской письменности. Следует
указать также, что некоторые исследователи не согласны с Н. В. Стеблевой
относительно орхонских текстов и считают, что они написаны прозой.

⁹ См. Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов
в IX—XII вв.; его же. Памятник мусульманского средневековья в Туве, «Со-
ветская археология», 1963, № 2.

¹⁰ Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-тюрк, т. I, Стамбул, 1915, стр. 44.

¹¹ О взаимоотношении терминов «хакас» и «кыргыз» см. Л. Р. Кызласов.
К вопросу об этногенезе хакасов. «Уч. записки Хакасского ИИИАЛН», вып.
VII, Абакан, 1959.

Хасан Элирбили, да Хасан Эрруми, ездивший по этим странам и передававший большую часть этого»¹².

Среди разного рода сообщений, доходивших то в устной передаче, то в записях до мусульманских ученых, содержатся иногда целые сюжеты, иногда фрагменты из произведений устного народного творчества или письменной литературы древних хакасов.

Поскольку основная собирательская и источниковедческая работа еще впереди, то в настоящей статье преследуется цель лишь общей постановки новой проблемы. Чтобы показать перспективность дальнейших исследований в этой области, достаточно указать хотя бы на один пример. Это описание фантастического путешествия на лодке одного хакаса («кыргыза») в страну великанов, содержащееся в книге известного среднеазиатского арабоязычного автора Шарафа Марвази.

Шараф ал-Заман Тахир Марвази родился в городе Мерве в 1046 г. и умер в конце 20-х годов XII в. В конце жизни он создал большое сочинение «Таба и ал-хайаван» («Естественные свойства животных»), которое распадается на два трактата: а) о зоологии и б) о людях. В последнем трактате имеется «Глава о тюрках», где среди других тюркоязычных племен описаны «кыргызы», т. е. древние хакасы.

Здесь и приведено древнехакасское сказание, дошедшее до Марвази в передаче среднеазиатских купцов. Последние слышали этот рассказ непосредственно от хакасов на Енисее, что явствует из самого контекста произведения. Таким образом, автор начала XII в. Шараф Марвази сохранил до нас записанное в сжатой форме целое произведение древнехакасской литературы, безусловно имеющее фольклорные истоки.

Приведем это сказание в переводе полностью: «В земле киргизов четыре потока, которые текут и сливаются в одну большую реку, проходящую среди гор и мрачных ущелий. Рассказывают, что какой-то человек из киргизов сел на лодку и напра-

¹² В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I СПб, 1884, стр. 238. О наблюдательности купцов свидетельствует следующий приводимый ал-Омари этнографический факт: «Рассказывают про них, что наберет кто-нибудь из них кости какого бы то ни было животного, потом варит их, сколько ему понадобится, и затем бросает их. После семи раз в них не остается никакого жира». Именно так, до семи раз, вываривали жир из костей животных в дореволюционное время и современные хакасские бедняки.

вил ее по этой реке. (Лодка) везла его три дня во мраке. В течение этих дней он не видел ни солнца, ни звезд, ни света. Затем он попал на свет и на открытое пространство. Он вышел из лодки и услышал топот копыт лошадей. Он залез на дерево и стал выжидать.

И вот перед ним три высоких всадника. Ростом каждый из них с длинное копьё. Вместе с ними собаки размером с быка. Когда они приблизились к нему и увидели его, они сжалились над ним. Один из них снял его, взял на свою лошадь и спрятал его от собак, боясь, что они растерзают его.

Они привезли его к месту их жилищ и бросили поверх шатра. Они дали стведать ему своей пищи и начали удивляться, как будто они не видели подобных ему. Затем один из них взял его и доставил к месту, близкому от его места. Он же указал ему дорогу, так что тот вернулся к своему месту. Никто не знает, кто эти люди и к какому роду людей они относятся.¹³

Некоторые детали этого фантастического сказания реальны. Четыре потока в Хакасско-Минусинской котловине, которые сливаются в одну большую реку Енисей— это наиболее крупные его притоки: Абакан, Ерба, Туба и Сыда. Енисей имеет характер горной реки и течет в «трубе», не только рассекая Саянский хребет, но и после прохождения хакасских степей, от Батеневского кряжа и Балыкского плоскогорья вплоть до района современного Красноярска.

Следовательно, земля великанов «находилась» где-то севернее Красноярска, район которого древним хакасам был отлично известен.

Но сказка есть сказка. Сюжет древнехакасского сказания находит себе аналогии в фантастических рассказах многих народов мира, вплоть до той части прославленного романа Джонатана Свифта, которая повествует о приключениях Гулливера в стране великанов «Путешествие в Бродбингнер».

Однако древнехакасская повесть по всем признакам рождена на местной почве и она могла сохраниться на своей родине. Вот почему представляются перспективными поиски связей

¹³ V. Minorsky, *Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India*, London, 1942, p. 30; ср. В. Храковский. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о пурках. «Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, 1959, стр. 213. Запись этого сказания была повторена автором XIII века Ауфи — см. В. В. Бартольд. Киргизы. Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 497.

произведений древнехакасской литературы и фольклора с устным народным творчеством современных народов Саяно-Алтайского нагорья (алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев и тофаларов), предки которых входили в IX—XII вв. в одно древнехакасское государство.

Напомним, что об этом совершенно справедливо писал еще в 80-х годах прошлого века крупнейший исследователь фольклора тюркоязычных народов Сибири В. В. Радлов: «Мы имеем основания думать, что склонность к эпической поэзии была уже свойственна древним хакасам и сохранилась до настоящего времени у всех их потомков.»¹⁴

К сожалению, в области собирания и, тем более, исследования фольклора современных народов Южной Сибири предстоит еще проделать очень многое, несмотря на то, что начало было положено в XVIII в. Весьма вероятно, что среди огромного количества записанных народных сказаний уже имеется близкий вариант древнего рассказа, дошедшего до нас в записи Марвази. Однако даже предварительное ознакомление с опубликованными произведениями современного хакасского фольклора позволяет увидеть в некоторых из них сюжеты, близкие фабуле приведенного выше сказания.

Общезвестно, что в хакасских героических поэмах действуют богатыри-великаны (мужчины, юноши и девушки), имеющие, по сравнению с простыми людьми, огромный рост, соответствующих размеров коней, оружие, жилища, одежду и т. п. Иногда в этих сказаниях встречаются ситуации, во многом сходные с ситуациями древнего фантастического рассказа.

Например, в известной в ряде вариантов поэме «Айдолай» люди неоднократно попадают в дальние страны, населенные великанами.¹⁵ Молодой богатырь Айдолай, для того, чтобы попасть в такую страну, должен был совершить трудный путь — он ехал в течение десяти лет и затем с большим риском проскочил то узкое место, где небо сходится с землею. Попав в край великанов, он становится там обыкновенным мальчишкой, который легко проходит между ног у огромных людей той земли. Великан говорит ему о себе так:

¹⁴ В. В. Радлов, *Образы народной литературы северных тюркских племен*, ч. V, СПб, 1885, стр. 5.

¹⁵ «Айдолай», Абакан, 1963 (на хакасском языке); ср. «Сказание о храбром Айдолае», Абакан, 1962 (перевод И. Волобуевой).

Всем известен я под солнцем,
Всем известен под луной.
Бело-серый конь мой с гору,
Я — с тайгу величиной!
Ты скажи мне, славный путник,
Что за заяц под тобой?!

Да и ты, пожалуй, ростом
Меньше кости локтевой!

В улусе великанов Айдолай с удивлением разглядывает их огромные жилища:

На одном конце улуса
Юрта белая стоит.
На другом конце улуса
Юрта синяя стоит.
Если сядет кто на лошадь,
То галопом он на ней
Белошелковую юрту
Не объедет за шесть дней.
Ну, а слева, на пригорке,
Даже бойкий пешеход
Юрту синюю в неделю
Ни за что не обойдет.

С нашей точки зрения, приведенного сопоставления достаточно для того, чтобы увидеть взаимосвязь современного и древнего сказаний, чтобы понять перспективность собирания и изучения образцов литературы и фольклора древних хакасов, сохранившихся в переводах на другие языки.

Известно, что в трудах средневековых авторов, писавших на арабском или персидском языках, содержатся тексты о «кыргызах», т. е. о древних хакасах Енисея. К их числу относятся Ибн Мукаффа (VIII в.), Ибн Хордадбех (IX в.), Абу Дулаф, ал-Истахри, ал-Джейхани, Ибн Хаукаль, Ибн ал-Факих Хамадани, аноним «Худуд ал-Алам» (X в.); Гардизи, Махмуд ал-Кашгари (XI в.); Якут, Марвази, ал-Гарнати, ал-Идриси, Низами Гянджеви (XII в.); Джувейни, Фахрэддин Мубаракшах, Мухаммед Луфи, Бекран (XIII в.); ал-Омари, Вассяф (бен Фазлаллах), Рашид-ад-дин, Хамдаллах Казвини, ал-Димшики (XIV в.) и Натанзи («Аноним Искандера», XV в.).

Приведенный перечень авторов, естественно, не является исчерпывающим. Предстоящие увлекательные розыски значительно дополнят его. Мы находимся лишь в самом начале пути.

П. А. ТРОЯКОВ,
кандидат филологических наук.

МОТИВ ЗАКАПЫВАНИЯ ХАНСКОГО СЫНА В ХАКАССКИХ СКАЗКАХ

С убением священного зверя связано несколько ярко выделяющихся групп волшебных сказок тюркских народов юга Сибири.

В данной статье ограничиваемся рассмотрением сказок, связанных с убением таинственного зверя и закапыванием ханского сына. Чтобы раскрыть истоки формирования волшебного вымысла и содержания указанных сказок, рассмотрим композиционные элементы имеющихся вариантов, в которых и обнаруживается своеобразие преломления исторических явлений прошлого.

В сказке кызыльцев шестилетний Халдама играет в своем аале. Старший брат занимается охотой, а он растет у своей сестры. Однажды приходят два человека и говорят, что они люди Моол Хана и загнали огненную лисицу в скалу, просят помощи. Услышав этот разговор, шестилетний Халдама идет к сестре и просит лук. Она отказывает в просьбе. В это время заходит старик, который рассказывает о его дедушке и вручает ему лук. Мальчик тайком убегает из дома и убивает огненную лисицу. Никто об этом не догадывается, кроме сестры.

Второй раз приходят другие четыре охотника, говорят, что огненную лисицу загнали в скалу и никак не могут убить. Шестилетний мальчик тайком убивает и эту лисицу.

В третий раз приходят восемь человек Моол Хана и говорят, что самого сильного зверя загнали в черную скалу. Утром они собираются на охоту. Сказитель рассказывает сказку, все

веселятся. Шестилетний Халдама пробирается незамеченным и на этот раз убивает таинственного зверя.¹

Среди сагайцев, бельтир широко распространена сказка «Ир сулан».

...У Кучун хана три сына: один от первой, два — от второй жены.² От Моол Хана приходит письмо: на землю Кучун хана вбегают огненная лисица, его просят убить эту лисицу.

Здесь как раз проявляется затемненная сказочная проблема убийства лисы кызыльских сказок. Там героя вызывал главный хан к себе на состязание, здесь как бы посылается лиса с целью испытывания всего ханства. Там за силой и смекалкой героя мы раскрываем силу рода и племени. Здесь от выполнения задания также зависит целостность рода и племени. Так по-разному и в то же время очень сходно персонифицировалась идея межплеменных отношений в сказочном преломлении.

О причине, почему лисица должна быть убита, не говорится и здесь. Но она должна быть уничтожена по той же причине, по которой волк-пожиратель или любой другой зверь должен быть убит. Различна степень функциональной активности зверей, но основа одна — это животные — духи враждебного характера, используемые как средство испытания и состязания, как своего рода ультиматум-требование.

...Ир Сулан, выйдя на улицу и увидев лису, натянул лук, пустил стрелу, поразил лису в грудь. Два брата, перепочевав в степи, утром наткнулись на лису. Старший выстрелил, черная лиса не шевелится. Затем младший стреляет — лиса не шевелится. Подойдя ближе, они увидели, что лиса уже убита до них. Стрелы были третьего брата. И вот они договариваются убить его.

С чем связано, увидим ниже. Теперь нас интересует, как «убивается» этот сын.

...Отец собрал людей, сорок сажень землю заставил вырыть, а там велел выстроить дом. Затем, когда все это сделали, спустили сына в этот дом, осветив свечой, сверху завалили землей и закрыли.

¹ Рук. фонд Хакасского ИИЯЛИ, № 4498.

² Рук. фонд Хакасского ИИЯЛИ, № 4565.

В бельтирской сказке этот мотив получил несколько иное сказочное оформление.

Давным-давно жил 106-летний Ахсагал-старик, у него три сына было. Старший Ах Кутке, средний Хатыг Тимир, младший Киндирек. Однажды охотники увидели в тайге царя зверей — льва, его шерсть блестела. Этот алабарс (лев) где пройдет, там его след никто не переходит (все пожирает).

У Ахсагала от первой жены был один сын. И вот он ночью идет с одним товарищем, взяв волосяную веревку, и убивает таинственного зверя. Затем они связали убитого зверя волосяным арканом и привязали к дереву. Утром охотники собираются на облаву. Они увидели зверя и давай стрелять, а он все время стоит на месте. Когда поближе подошли и посмотрели, зверь был мертв и стоял привязанный к дереву. Сообщили об этом Ахсагалу. Он велел найти стрелу. Когда нашли стрелу, которая сначала от одной скалы отколола камень, затем от второй и, наконец, в третьей скале воткнутая стоит, то увидели — это стрела того сына.

Отец гневно возмущается. Откуда этот непутевый выдумал без спросу бить зверя. И сказал: «Бросьте его в железное кольцо из девяти зубьев и девять дней крутите его». И вот его крутили, все кости перекрутили и, выкопав семь слоев земли, туда вывалили и завалили землей. И живут себе спокойно.³

В качинской сказке Хум Тайчы послал своих сыновей посмотреть как пасется скот. Направившись туда, они увидели след большого зверя, перепугались и вернулись обратно. Снова поехали с отцом. Видят след большого алабарса (льва), ушедшего в лес. Затем увидели след мальчика и поехали по этим следам. Видят: алабарс мертвый, голова разбита стрелой. Затем они вернулись и спрашивают, кто ходил из мальчишек в лес. Никто не знает.

Прошло много ли, мало ли времени. Однажды мать говорит: «Наш мальчик ходил однажды в лес, взяв лук, затем вернулся довольный и говорит: убил большого зверя». Рассердился отец на своего сына (ему было семь лет). И вот под видом того, чтобы дать ему имя, устраивают той. Ему дали имя, но когда он, опьянев, лежал около юрты, отец пришел и ножом разрезал руки и ноги по суставам. Через три дня Амыл Сарыг (дали

³ «Хакас чоппун кип-чоохтары», стр. 190.

такое имя) проснулся весь изрезанный. Его также закапывают в землю.⁴

В кызыльской сказке этот мотив ассимилируется с другим мотивом об изгнании женой младшего брата мужа.

Напояв мужа, она возбудила ненависть к его младшему брату. И он своему брату жилу большого пальца на два вершка вырезал. У Амыр Сана (у того, кто режет) мысли путаются (ему плохо). Ведь маленького своего брата разрезает. Из спины также два вершка ремня вырезал. Из двух лопаток мягкий хрящ вырезал. Так разрезав его, кости спустили в саженную яму. Халдама потерялся совсем.⁵

Любопытно, что в сюжетах об убийстве лисы и женитьбе героя истязали его лесные люди или соперники разрубали по суставам его руки и ноги. Здесь это делает сам хан или велит сделать другим. И хотя побудительные мотивы истязания героя совершенно различны в двух указанных циклах, но истоки, видимо, одни.

Наиболее ранними из них следует признать те, которые связаны с запретом убивать священное животное. Там и здесь мы обнаруживаем сказочное преломление запрета. Правда, сказка нигде не говорит, о каком именно нарушении запрета идет речь. Надо думать, что сама идея священных тотемистических животных у хакасов находилась давно на ущербе, и она потускнела и ассимилировалась в сказочном повествовании, и запрет превратился в уже непонятный для последующих сказочников забытый обычай.

С другой стороны, можно заключить, что истоки этих сказочных явлений восходят к обряду посвящения или отражают различные обрывки этого обряда. Известно, что в момент совершения обряда посвящения имитировали мученическую смерть, истязание и разрубание тела и рождение нового человека с новым именем. Затем эти обряды также забылись, сохранились как непонятные обычаи или даже как игровые действия и нашли сказочное преломление в сочетании с другими архаическими представлениями.

Что нельзя было убивать священного зверя и что это связано с существовавшим когда-то запретом, совершенно оче-

⁴ Сказка записана от М. К. Доброва, качинца, сёёк хасха, рожд. 1903, жилец улуса Шалгинова Бейского района.

⁵ Рук. фонд Хакасского ИИИЯЛИ, № 4498.

видно. Но тут возникает другой вопрос, почему именно сын хана намечается на это дело и почему он подвергается такому жестокому остракизму. В сюжетах об убийении лисы в образе сироты идеализируется жертва межплеменных отношений. Здесь наказывается и убивается сын хана или пига и он же идеализируется сказкой.

Возможно, закапывание сына в хакасских сказках связано с теми историческими и сказочными явлениями, в отношении которых В. Я. Пропп в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» приводит много примеров из сказок различных народов с мотивом закапывания детей. «Выкопали глубокую яму, убрали ее, разукрасили словно палаты, навезли туда всяких запасов, чтобы и пить, и есть было: после посадили в эту яму своих детей, поверх сделали потолок, закидали землей и заровняли гладко-нагладко».⁶ Что и в действительности изолировали царя и царских детей, показывают многочисленные этнографические материалы. Исследование корней этого мотива в сказке позволяет В. Я. Проппу сделать вывод о том, что «религиозный страх в преломлении сказки создает заботу о царских детях и выливается в художественную мотивировку беды, наступающей за нарушением запрета.»⁷

Проф. В. Я. Пропп приводит много сказочных примеров изоляции царских детей, мотивированных различными запретами: не покидать дом, темнота, запрет взглядов и прикосновений. В разбираемых сказках особое значение приобретают свет и тьма. В одной из них, когда открыли яму, там шел герой о лучах солнца и луны, проникших в землю. В другом варианте говорится, когда начали откапывать из-под земли, Ир Сулай говорит: «Если будете разрывать яму, сразу не открывайте. Сделайте небольшую щелочку, в эту дырочку пусть проходит луч солнца. Если сразу откроете, я сразу умру». Здесь не только то, что человек, привыкший к темноте, боится света. Но, видимо, со светом связано еще кое-что, которое хакасской сказкой утрачено или в силу специфического развития жизни и сказки не получило чудесного оформления.

Следует сказать, что во всех разбираемых сюжетах «законный сын» хана обладает большой физической силой и в то же время магической властью над природой. Такая способ-

⁶ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, Л., 1936, стр. 26.

⁷ Там же, стр. 32.

ность героя образует в развитии сюжета целый ряд фантастических эпизодов.

Но в приведенных выше, почти стандартно повторяющихся эпизодах, прежде всего оттеняется мотив изрезания и убийства ханского сына, и только затем выступает мотив его оберегания или спасения. Следовательно, не изоляция царских детей из страха за них перед невидимыми силами природы и не оберегание их является сюжетообразующим мотивом в сказке, как это имеет место в русских сказках, а именно наказание и «умерщвление» ханского сына за нарушение священного запрета лежит в основе жизненного конфликта сказки, который и определяет дальнейшее фантастическое и чудесное развитие сюжета.

Показательно, что наказуется и умерщвляется сын родового вождя или, иначе говоря, родового хана. Как носитель и выразитель определенной исторической тенденции родовых отношений, он, т. е. сын хана, концентрирует в себе жизненные коллизии этих отношений, которые довольно недвусмысленно объясняются приводимыми сказочными материалами.

В сказке «Ир Сулан», когда сыновья хана обнаружили, что их брат (от первой жены отца) убил зверя, хотят его погубить. И мотивируется это желание совершенно определенно: чтобы тот не стал вместо отца ханом. Найдя священную родовую книгу, они ищут о том, что якобы бог велел убить Ир Сулана. «Если Ир Сулана не убьешь, то сам погибнешь». Тогда Ир Сулан говорит отцу: «Чем ты будешь погибать, лучше я умру». И даже подсказывает, как себя убить.

В варианте, записанном Н. М. Ултургашевым, также обнаруживается след большого зверя. Весь народ выслеживает этого зверя, а он, оказывается, давно убит. Отец боится, что сын, убив этого зверя, может убить и его, займет его место¹.

У алтайцев и телеутов также бытуют подобные сказки. Они сохранили более легендарную древнюю основу, и волшебная часть менее развернута. Однако, в них более подробно раскрываются взаимоотношения в семье хана, его женитьба, смерть первой жены и т. д. Яснее выражена причина «убийства» сына. В алтайских записях В. Радлова говорится: «У Кондай Ойрат Хана была жена, она родила сына Шүиң. После смерти жены он женился снова, от нее родились три сына:

¹ Рук. фонд Хакасского ИИИЯЛИ, 4501.

Амыр Сана, Тимір Сана, Калдан Черу. Когда появилась на их земле красная лисица, он убивает лису, а затем и льва. Три сына говорят отцу, что Шўнў плохой человек, он и тебя убьет. Его напавают, «обе лопатки вырезают, в шестьдесят сажен выкопали яму и туда спустили»⁹.

Н. П. Дыренкова в статье «Отражение борьбы материнского и отцовского начала»¹⁰ использует три легенды телеутов и кумандинцев. В одной из них рассказывается, как у одного хана Ханхудая от первой жены родился сын Шуну. Затем после смерти первой жены, от второй жены из нечистой земли, рождается два сына: Халдан Черу и Черен Тондык. «В семи пещерах лисица как огонь красная есть» — убивать собираются. Шуну с помощью магического камня снег сделал. А сам убил лису; в другой раз он зверь-чудовище убил. Затем он посмеялся над дядей по отцовской линии и над отцом. Отец тогда встал и сказал: «Яму в семьдесят саженей выройте, медный топор в семьдесят пудов выкуйте, хрящи обеих лопаток Шуну переломите и в эту яму его опустите».¹¹

Следовательно, в сказках различных тюркских племен Сибири довольно недвусмысленно говорится, почему должны погубить человека: он может занять ханское место. И сказочники включают этот мотив в сюжет об убийстве запретного зверя. Или может быть и наоборот: старый священный запрет, бытуя как самостоятельный рассказ или суеверие, был включен в сюжет формирующейся сказки, отразившей внутривидовую и внутрисемейную борьбу, которая в исторической действительности разгоралась с большим напряжением и драматизмом, а нередко кончалась убийством, изгнанием побежденного.

В кызыльской сказке, где весь рассказ строится на мотиве изгнания брата, жена своему мужу говорит: «Не придет Халдама (брат жены), черную лисицу он же убил, огненно-священную лисицу он же убил, алабарса он же убил. Когда-нибудь вместо хана он же будет ханом, вместо пига он же будет пигом. Тебе ничего не достанется, тебя прогонят. Если бы он уважал тебя, то давно бы пришел. Почему об этом не знает Амыр Сана».

⁹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. I, СПб, 1886, стр. 134—145.

¹⁰ «Советская этнография», 1936, № 6, стр. 75.

¹¹ Там же, стр. 76.

Надо полагать, что образ зверя в пору создания и даже оформления сказки обладал в представлениях людей священным свойством, таким свойством, которое имело отношение к судьбе рода и племени, следовательно, было связано с родовыми устоями. Нарушение этих устоев каралось по всем правилам родовой жизни.

Что касается непосредственно семейных отношений, отраженных в сказке, то и здесь мы можем обнаружить контуры исторических и общественных явлений прошлого.

Нас интересует в данном случае судьба старшего сына. Видимо, в исторической действительности старший сын имел какие-то большие права на отцовское наследство. Поэтому именно он находился в центре внимания всего родового коллектива, а значит в центре борьбы, которая велась между сыновьями и матерями определенных родовых групп. И хотя в сказке соблюдены все формы семьи, которые сложились в период патриархального рода, но отголоски ранних семейных отношений выступают довольно заметно. Удивительного в этом ничего нет, ибо пережитки эти надолго сохранились в живых представлениях людей.

Н. П. Дыренкова приводит еще две легенды, отражающие в своем содержании представления о материнском духе, а также столкновение материнского и отцовского рода в ханской семье. В целом совершенно правильные и тонкие наблюдения автора не совсем справедливы в отношении толкования образов этой сказки-легенды. Оно дано автором несколько прямолинейно и упрощенно, без достаточного учета специфики сказочного отражения действительности. Она пишет: «Шуну, представитель отцовского начала, вступает в борьбу с этими двумя сыновьями, представителями материнского начала, и все дальнейшее содержание легенды посвящено описанию этой борьбы. Шуну все время одерживает победу над этими сыновьями, что вызывает недовольство и гнев их матери. Отец не держит сторону Шуну. Наконец, Шуну решает опозорить и своего отца и тем самым отомстить ему за его второй брак. Отец апеллирует к народу... иден агнатизма уже пустили глубокие корни. Отец тогда заставляет народ наказать Шуну. Но тут на сцену выступает ближайший агнатный родственник Шуну, его отцовский дядя»¹².

¹² «Советская этнография», 1936, № 6, стр. 83.

При социально-историческом анализе произведений устного народного творчества, в частности сказочного эпоса и конкретных сюжетов, необходимо учитывать, во-первых, специфику жанра, прошедшего тысячелетнюю историю и заключающего в себе целый ряд пережиточных представлений, наслоений, видоизменений, особенности отражения и отложения общественных явлений в сказочных образах, сюжетах. Во-вторых, необходимо располагать для этого материалом, значительно большим, чем в данном случае.

Прежде всего, существенно важно учитывать, что сказка всегда или почти всегда идеализирует, возвышает обиженного судьбой человека, будь это бедный охотник-сирота или ханский сын. Это закон сказки. На заре возникновения сказки неудачливый охотник добивается удачи, промыслового счастья в борьбе со стихийными силами природы, в сказках-легендах сирота, убив красно-черную лисицу, женится на ханской дочери, в бытовых сказках — униженный судьбой бедняк добивается счастья в борьбе с коварными и злыми братьями и всемогущими богачами, ханами. Далее, часто исторически переходные этапы развития общества сказка разрабатывает в форме противопоставления различных общественных групп, в форме сказочного столкновения образов людей в семье, в этой устойчивой ячейке человеческого общежития во все времена. И мы солидарны с общими замечаниями Н. П. Дыренковой, что в данных сюжетах отразилась борьба двух начал: материнского и отцовского. Однако дело в том, что сказка не идеализирует отцовскую сторону.

В силу сложившихся исторических условий в эпоху «великой» борьбы материнского рода и отцовского, а затем в эпоху установления патриархальной общины и патриархальной семьи обездоленными и униженными оказывались материнские роды, в защиту которых и выступает сказка. Сказка возвышает и идеализирует жертвы узурпации отцовского рода и, обращаясь к прошлому, создает идеальные образы легендарных людей. Это почти универсальный закон сказочного осмысления прошлого. Разумеется, в сказке не все понятно, ибо в процессе оформления жанра она не непосредственно отражала эту стадию человеческой жизни, а черпала материал из различных пережитков и представлений, более или менее прочно отложившихся в памяти народа. Но контуры этой драматической борьбы в указанных сюжетах проступают достаточно от-

четливо. Поэтому неверно утверждение автора указанной статьи о том, что сказка, отражая борьбу материнского и отцовского рода, идеализирует представителей последнего. Сказочные материалы как раз говорят о противоположном. Сказка идеализирует людей материнского рода, вернее, сына первой и по-сууществу отвергнутой жены. Спасителем и кормилицей его становится дядя по матери. Дети второй жены, чаще не называемой, неизвестной, а иногда лесной женщины, всегда выступают врагами этого сына. Однако здесь сказка многого не договаривает, многое, видимо, утрачено. Лесная женщина могла попасть сюда по ассоциации из других сказок, лесная природа ее еще ничего здесь не говорит. Ясно другое, что она по сюжету как раз выступает против того сына. Или, если говорить точнее, она взята откуда-то из другого места в род мужа. И она, и ее дети изображаются в весьма непривлекательных красках, как коварные злоумышленники и враги. Что касается первой жены, то надо полагать, что она дочь здешнего хана. Женившись на ней, ее муж оставался в роде жены, становился вместо хана ханом, что является отражением матрилокального брака. Но из содержания сказки явствует, что, будучи ханом, муж вытеснил род жены, от которой и должны родиться наследники хана. Так в сказке очень картинно и образно, как в капле воды, отразились пережитки этой смены материнского рода отцовским, пережитки, которые в виде реликтов сохранились в быту и обычаях тюркских племен Сибири на продолжительное время.

Таким образом, в сказке сталкиваются как бы братья, рожденные от различных матерей. В то же время это столкновение двух форм брака: во-первых, брак, когда муж переходил в род жены; и во-вторых, когда жена переходила в род мужа. В первом случае мы имеем матрилокальную форму брака, которая отразилась во многих сказках в виде женитьбы героя и отдачи ему ханства, во втором — патриархальную семью, образованную на началах отцовского права.

Вот в схематической форме та основа, на которой создано первичное историческое ядро сказочного сюжета этих семейных столкновений.

Здесь необходимо учитывать чисто сказочные явления и законы, которые иногда абстрагируются и отрываются от первичной жизненной основы, оставив в сказке лишь ее затемненный

контур. Однако совершенно ясно, что образы сына от первой жены и его дяди по матери, который выступает учителем самого хана, великолепно отражают благородные идеалы материнского рода. Создатели сказки на их стороне, против узурпаторов отцовского рода и новых устоев. С другой стороны, поскольку старший сын ханского рода по материнской линии должен быть наследником, то этот сын чужд хану во всех отношениях: и социально, и психологически. Следовательно, старший сын является потенциальным его врагом. Любый случай готов хан использовать для того, чтобы ликвидировать, убить его. Этот мотив является как бы вторым напластованием на тот древний исторический субстрат, о котором только что говорили. Более того, это более позднее толкование дает нам право утверждать, что не только отец и сын потенциальные враги, но и муж и жена, а вернее муж и родственники жены, жена и брат мужа, потому что они помимо всего представители разных родов, разных социальных, а затем и юридических прав. Все волшебные сказки построены, в конечном счете, на враждебных столкновениях представителей родовых групп, и в этой ячейке отражается сложная система общественных отношений с их пережиточными и потенциальными явлениями.

Но содержание указанных сказок этим не ограничивается. Чудесные приключения только начинаются. Пересмысленный священный атрибут, вошедший в сказку, по- существу лишь предваряет события и является своеобразным сказочным зачином. С точки зрения оформления и развития волшебного вымысла этот эпизод можно считать предысторией сказки, священным мифом, от которого отталкивается сказочный сюжет и с которого начинается история волшебной фантастики, опять же оформленной с точки зрения воззрений и представлений народа.

Итак, старший сын, погребенный в земле, оказывается, не погиб, он окружен скромной заботой некоторых людей. В сказке сагайцев, дядя по матери Ир Сулана сильно жалел его. «Жалел его, с одной стороны ямы начал копать. Копав-копав, за тридцать шесть лет докопался до двери, чтоб можно было открыть. Когда открыл дверь, огонь только-только догорал. Запас пищи кончился. Дядя принес еще провизии, огонь принес».

В то же время у хана начинается жизнь, полная тревоги и напряжения. «Из китайской земли на сорока лошадях с сорока ребрами лук привезли. Что если люди Ах Сагала этот лук до девятой зарубки не дотянут, пусть ждут войны, морий пришел. Сколько есть людей хан собирает, сколько есть народа всем сообщает об этом, но нет человека, который бы мог растянуть лук. Если так без всякого отпавить этих лошадей и лук, то война приходит. Хан думает-думает и не знает что делать. Один старик сидит за огнем и трубку покуривает. Хан спрашивает: «Ты почему об землю вытряхиваешь трубку?» «Да, — говорит старик, — когда война придет, трудно будет оставить стойбище, поэтому так постукиваю — сижу. Этот лук мог растянуть твой сын, если бы не умер». Оказывается, этот старик был дядя по матери сына хана. Они тайком прорыли к сыну проход. Мать затем вылечила сына, туда пищу таскала и никому не говорила. И вот старик-дядя всем об этом сейчас рассказал».¹³

В бельтирской сказке люди Ах Сагала, услышав сказ дяди по матери, стали копать землю и где-то вдали услышали хай. Тот закопанный сидит и на хомысе играет и поет:

До шести лет лучи луны не проходили,
Не сказав ничего, горько проглотили — съели.

Под шестью слоями земли закопали,
Откуда луна засветила.

До шести лет солнца лучи не ударяли,
Не сказав сырое, заживо съели.

Под семи слоями земли закопали,
Откуда лучи солнца засветили.

Теперь все радуются и просят его спасти народ от гибели. Этот человек подошел к луку и мизинцем одной руки растянул, бросил его на сорок лошадей и отправил обратно в китайскую землю.

А в сказке М. К. Доброва на шести верховых лошадях привезли лук и говорят: «Мы люди Моол Хана, хан послал нас, что в вашей земле киргизской как-будто нет сильнее алып, чем хан Хум Тайчы. Поэтому наш хан послал к тебе с луком,

¹³ Кстати говоря, мы можем здесь добавить, что изоляция ханского сына приводит к несчастью людей. Можно говорить, следовательно, о каких-то священных качествах этого человека, от жизни которого, по представлениям людей, зависело благополучие рода.

чтобы ты или кто-нибудь из твоих людей растянул лук. Если не растянут, если не найдешь человека, весь скот, всех людей хан наказал пригнать».

Хум Тайчы собрал всех людей и заставляет тянуть лук, никто дальше третьей зарубки не может натянуть. «Печалится хан, что вместе со своим народом и скотом к Моол Хану в рабство попадет» и проклинает себя за то, что убил своего сына. Жена говорит, что он живой. Пошли к Сар Амылу. Когда раскопали, действительно он был живой. Увели сына и упросили растянуть лук. Растянул он до десятой зарубки.

В кызыльской сказке присылается лук и стрела, чтоб стрела, пущенная отсюда, долетела до Моол Хана. Мы не ставим цели проследить сходство и расхождение по частным элементам между сказочными сюжетами у кызыльцев, сагайцев, качинцев и бельтиров. Важно отметить, что в этих сказках наиболее ярко отразилась общность и преемственность волшебных сказок хакасских племен. Эта общность в общих истоках, связанных со священным зверем, затем это сходство сюжетного развития мы объясняем общностью сказочного бытования на стадии формирования народности, т. е. на стадии упрочения экономических, бытовых, военных и межплеменных связей между этническими группами хакасов, а шире тюркских племен Сибири. Следовательно, разбираемые сказки, записанные от сказителей, принадлежащих к различным племенам, можно уже квалифицировать и как более-менее устойчивые варианты с учетом, естественно, индивидуальных данных сказочника.

Почти во всех подобных вариантах хан после захоронения сына получает от Моол Хана (иногда от китайского хана, названия которых уже не имеют существенного значения) задание растянуть лук. Это наиболее распространенная форма задания. Но в некоторых сказках это задание перемежается с другими задачами, изложенными в форме загадки, что соответствует сказочной традиции хакасов. Моол Хан в сагайском варианте посылает две черные птицы, чтобы отличили сороку от вороны. Если не разгадает, то он войной придет. Кучун Хан собрал всех людей, сколько есть, никто не может угадать, где сорока, где ворона. В этом варианте не откапывают сына, а дядя по матери, который тайком кормит племянника, рассказывает ему обо всем этом. Тогда Ир Сулан говорит: «Как не узнать. Закройте этих птиц в теплую избу, затем вместе вы-

пустите их: ворона сядет сразу, а сойка полетит внутрь двора». Дядя пошел, рассказал Хану. Так и сделали, как сказал Ир Сулан.

Моол Хан посылает вторую загадку. Узнать где комель, а где вершина бревна. Никто не может узнать. Ир Сулан сказал: «Пустите бревно по медленно текущей воде, бревно вершиной вперед поплывет».

И только после этого Моол Хан в этом варианте присылает огромный железный лук, чтобы растянули. Тогда искалеченный сын выходит и выручает всех. И весь род или племя оказывается спасенным.

Таким образом, ханский сын, обиженный своим отцом, является выразителем идей своего рода, а в широком смысле — народа. Он выступает спасителем своего рода. И именно его делает сказка героем межродовых и межплеменных отношений. Из этого можно заключить также и то, что идеи борьбы за целостность рода и племени оказали решающее влияние на оформление жанра сказки. Если отдельные истоки восходят к пережиткам борьбы материнского и отцовского рода, то идейное и сюжетное оформление сказки получила в период этнических объединений, когда единство и целостность родственных групп стали явлением историческим. Затем в процессе бытования сказки идея защиты своего рода и племени от враждебных ханов стала одним из важных идейных истоков в окончательном формировании сказки. Не случайно в содержание сказки внесены отдельные детали взаимоотношений, имевших место в исторической действительности.¹⁴

¹⁴ Сюжет о заточении и закапывании ханского сына встречается в бурятском и монгольском фольклоре. Иногда он приурочивается к легендарному (сказочному) образу Чингиз-хана или Гэсэра. В одном из них рассказывается, как Чингиз-хан хочет отплатить красавицу жену Шидургу-тюльчун, осадил город этого хана. Но там оказалась полнебица, которая заклинаниями убивала людей Чингиз-хана. У него есть брат, искусный стрелок Хасяр. Но за то, что тот убил какую-то птицу, приковали его цепями к стене. Очужившись в затруднительном положении, Чингиз-хан велит отвязать Хасяра, который затем убивает полнебицу.

(Труды Вост. отд. Имп. русского архивного общества, ч. VI, 1858, стр. 143). В бурятском предании Тас Хара также навлек гнев Чингиз-хана и был закопан в землю по горло за то, что убил птицу. Тема о заточенном стрелке вошла в монгольскую повесть о Гэсэре, которую приводит Г. Н. Потанин в своей книге «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», М 1899, стр. 79—80. Здесь есть стрелок Кала Келабыр, который сидит в железном доме, прикованный четырьмя цепями.

Подобно тому как вызов на морий и состязание является своего рода испытанием подчиненного рода, так и здесь все эти перечисленные атрибуты связаны с угрозой ханскому роду.

Наиболее общим и чаще повторяющимся средством испытания и угрозы в сказке, как видим, являются лук и стрела. И это не случайно. Значение последних в жизни охотничьих и кочевых тюркских племен Сибири было огромно. Они служили основным средством добывания пищи на охоте, средством защиты и самообороны. Стрела и лук нашли широкое применение в культовых обрядах и в шаманизме.¹⁵

В различных версиях легенды об Огуз-Хане в эпизоде раздела огузского племени как акцентирующие и значительные атрибуты фигурируют лук и стрела. Огуз-Хан сказал своим сыновьям: «Вы трое старших (которые) нашли и принесли золотой лук и, сломав, разделили его между собой, будете называться «Бузук». Потомство, которое будет у вас, пусть до самого дня также называется «Бузук». Трое младших сыновей, которые принесли три стрелы, и те, кто произойдет от них, от сего дня и до окончания мира пусть называются «Учук».¹⁶ В древнетюркских рунических памятниках неоднократно встречается название одного из тюркоязычных народов — «десятистрельный народ», «народ десяти стрел».¹⁷ Осман Туран, основываясь на китайских источниках, сообщает, что у древних тюрков каждый вид стрелы указывал на принадлежность к определенному роду и племени.¹⁸

Этимологический анализ слов «бузук», «учук» — лук и стрела — позволяет специалистам-тюркологам сближать их с понятиями «род», «племя».¹⁹ Точнее, составная часть этих слов «ок» обозначала племя и стрела, оба они происходят от пер-

¹⁵ Л. П. Поталов. Лук и стрела в шаманизме у алтайцев. «Советская этнография», 1934, № 3, стр. 64—76.

¹⁶ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Предисловие к изданию Кудаткы Билик. Записки Императорской академии наук, СПб, 1893, т. 72, книжка 1, стр. 39.

¹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности М.—Л., 1951, стр. 35.

¹⁸ В. П. Курылев. Об этимологии «бузук» и «учук». «Советская этнография», 1965, № 6, стр. 117.

¹⁹ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 83—84.

воначального смысла этого слова — ос, жало, сердцевина.²⁰ После того, как местам дали прозвище «бузук» и «учук», — говорится в легенде об Огуз-Хане, — он вновь назначил и утвердил прозвище, название, тамгу и знак каждого из детей их, и каждой ветви из этих двадцати четырех ветвей присвоили известное животное, чтобы это было их онкон.²¹ Наименование лук и стрела положили начало двум фратриям, от которых пошли новые поколения новых ветвей со своим онконом (тотемом).

Несколько позже лук и стрела у тюркских народов обрели значение своеобразного родового символа, отличительной тамгой родов и племен.²² Впоследствии даже численность этнической группы у тюркских племен определяли количеством луков.²³

Такое исключительное значение лука и стрел не могло не страдаться во всех областях материальной и духовной жизни тюрков. Оно нашло отражение и во взаимоотношениях тюркских племен. Так, лук у древних тюрков выражал положение сюзеренства, господства, а стрела — вассальности и подчиненности. Посланная какому-нибудь племени или его вождю стрела, помимо символа подчинения, выражала еще приглашение на участие в походе, охоте или каком-либо торжестве. У некоторых племен она была также знаком уважения и любви.²⁴

Если мы говорим, что стрела символизирует значение рода или племени, то естественно, будучи официально присланной, она означала своего рода «визитную карточку» другого племени. Это могло означать или приглашение на охоту, на состязание. А в большинстве случаев это означало предупреждение об угрозе и то, что необходимо было готовиться к испытанию и борьбе.

В свете этих данных нам становится совершенно ясно содержание сказочного эпизода посылки лука и стрелы. Если в действительности привозили стрелу, чтобы предупредить об угрозе, то сказка преподносит это жизненное обстоятельство

²⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, ч. II, СПб., стр. 988, 990.

²¹ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Записки Императорской академии наук, том 72, книжка 2, СПб., 1893, стр. 39.

²² W. Radloff. Aus Sibirien, Z., 1884, стр. 279.

²³ П. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, СПб., 1786, ч. III, стр. 508.

²⁴ В. П. Курылев. Указ. соч., стр. 116.

как сказочное задание растянуть лук, чтобы попробовать силы противной стороны. Вполне возможно, тут отразились древние обычаи, когда действительно в межродовых отношениях растягивание лука имело значение своеобразного состязания. А в сказке это становится мерой силы в межплеменных отношениях. И в соответствии со сказочной традицией преподносится это в плане волшебной фантастики, в форме стрельбы из такого лука по направлению того ханства, откуда прилетела стрела.

По аналогии с луком и стрелой предположительно можно высказать мысль об истоках мотива священного зверя, обуславливающего в сказке дальнейшие события сказочного сюжета. Поскольку лук и стрелу сказка делает священным атрибутом межплеменных отношений, то и священный зверь, тесно связанный, по представлениям людей, с определенным родом, становится своеобразным символом угрозы, своеобразной угрозой — заданием. В этом отношении можно предположить, что значение таинственного зверя эквивалентно сказочному значению лука и стрелы. Однако разница в том, что герой или ханский сын убивает зверя до наказания, без мотивировки, а лук растягивается им уже в силу роковых обстоятельств, которые угрожают целостности рода и племени. Это уже второй исторический аспект сказочного толкования значения таинственного зверя в сравнении с луком и стрелой, которые в сказках фигурируют как предметы испытания.

Л. С. ТОРОПОВА.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНОМ СОДЕРЖАНИИ ПЕСНИ «ГНЕВ ИВАНА ГРОЗНОГО НА СЫНА».

Среди русских исторических песен XVI в. особое место занимает песня «Гнев Ивана Грозного на сына». О ней существует обширная литература, но и по сей день многое остается еще невыясненным в ее содержании и форме.

Какова историческая основа песни и, соответственно, ее исторический смысл? Почему в этой песне отсутствуют персонажи из народа, что вообще-то не свойственно историческим песням, особенно старшей поры? И почему, несмотря на все это, песня столь популярна?

Все эти проблемы уже ставились в нашей литературе. Относительно исторического содержания песни еще продолжаются споры. Вопрос о народном герое в песне, точнее об его номинальном отсутствии, был мимоходом затронут В. К. Соколовой и В. Я. Проппом в ходе их полемики об идейном содержании песни.¹ Причина же любви народа к этой песне, ее долговечности так и не получила должного объяснения.

Сюжет песни «Гнев Ивана Грозного на сына» сводится к следующему. На пиру младший сын Грозного навлекает на себя гнев отца. По первой версии его оговаривает старший брат, обвинивший младшего в спасении горожан, над которыми Грозный учиняет расправу. По второй версии причина гнева в

¹ В. К. Соколова, Русские исторические песни XVI века, «Славянский фольклор», т. XIII, 1951, стр. 80. В. Я. Пропп, Песня о гневе Грозного на сына, «Вестник Ленинградского университета», серия истории, языка и литературы, вып. 3, 1958, стр. 91.

том, что сын усомнился в способности отца вывести «измену» из Москвы. Грозный приказывает казнить царевича. За это черное дело охотно берется Малюта Скуратов. Но обо всем вовремя узнает дядя царевича Никита Романович (по одной версии от его матери, своей сестры Анастасии Романовны, по другой — иными путями). Он скачет на место казни, спасает племянника и возвращает сына горько раскаявшемуся отцу. Царь награждает его «Микитиной вотчиной», где может укрыться любой гонимый человек.

Построение сюжета по версиям и вариантам всесторонне рассмотрено в имеющейся о песне литературе, мы здесь не касаемся этого вопроса. Нас интересует другое — какая народная мысль лежит в основе этой песни? В конечном счете (если не останавливаться на давно отвергнутом суждении С. Шамбинаго, видевшего в песне не более как памфлет на Грозного, созданный якобы приверженцами семьи Романовых), в современной фольклористике существует две точки зрения на идейно-исторический смысл песни.

Одна из них сформулирована В. К. Соколовой. В вопросе об исторической основе песни о гневе Грозного на сына² В. К. Соколова твердо придерживается мнения, что ею является убийство Иваном IV своего старшего сына Ивана 19 ноября 1581 г. В своем исследовании об исторических песнях XVI в. она доказывала, что этот прискорбный факт был использован враждебным Грозному боярством в целях борьбы с ним и его политикой. Песня о гневе Грозного на сына сложилась в боярской среде, следовательно, она отражает идеологию реакционного боярства, а не «мнение народное». В своей последующей работе В. К. Соколова отказалась от трактовки песни как произведения в основе своей ненародного, и в сущности повторила суждение, высказанное ранее Ю. М. Соколовым³. Она пишет: «Анализ песни приводит к выводу, что содержание ее — «выведение измены» — определено эпохой, сюжет же явился откликом на убийство Грозным сына... Но убийство сына не вязалось с созданным народом образом Грозного. Грозный не должен совершить несправедливости, должен одуматься, пожалеть о содеянном в гневе. Так построено большинство произведений о нем. В данной ситуации исправить дело можно было только в случае, если казнь царевича не совершилась; в пес-

² Ю. М. Соколов. Русский фольклор, М., 1938, стр. 267—268.

не так и происходит».³ Иными словами, в песне народ реабилитирует Грозного в деле убийства сына, и в этом главный смысл песни.

Вторая точка зрения относительно идейного содержания песни принадлежит В. Я. Проппу, с которым полностью солидаризируется Б. Н. Путилов. Прежде всего они отрицают связь песни с фактом убийства Грозным сына. «Предположение, что песня отражает убийство Грозным сына Ивана, текстами не подтверждается»⁴, пишет Пропп. «Сюжет этой песни не имеет отношения к факту убийства царевича Ивана и в своих основных эпизодах является от начала до конца вымышленным»⁵. — подтверждает Путилов. Оба ученых считают, что в песне содержится отклик не на события 1581 г., а на события 1570 г. — карательный поход Грозного против Новгорода и Пскова и кровавую расправу с населением этих городов, а также на репрессии и казни в Москве, разгул опричнины. Исторический смысл всей песни и Пропп, и Путилов видят в отрицательном отношении народа к опричнине. Отсюда отсутствие в песне идеализации Грозного, страшные картины новгородского побоя, злодейский облик Малюты Скуратова, выбор в качестве положительного персонажа песни не старшего царевича, принимавшего участие в новгородско-псковском походе, а младшего, не участвовавшего в кровавых деяниях отца.

Но почему в этой песне отсутствует герой из народа, и почему, тем не менее, песня эта получила широкое распространение? Она хорошо сохранилась, ее художественная структура не несет на себе никаких признаков разрушения формы, что само по себе свидетельствует о ее жизненности, о неизменном интересе к ней народа на протяжении столетий. Определенного и обоснованного мнения на этот счет пока еще не высказано.

Все, кто исследовал эту песню, искали в ней прежде всего социальные конфликты. Находили их в начальных и заключительных эпизодах песни (борьба Грозного с «изменой», истребление населения мятежных городов, упоминание заповедной «Микитиной вотчины», где ни с кого «не взыскивается»). Не

³ В. К. Соколова. Русские исторические песни XV—XVIII вв., М., 1960 г., стр. 55.

⁴ В. Я. Пропп. Песня о гневе Грозного на сына, «Вестник Ленинградского университета», 1958, стр. 99.

⁵ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., М.—Л., 1960, стр. 200.

находили конфликта в центральном эпизоде — столкновении отца и сына — и недоумевали.

Б. Н. Путилов безоговорочно считает эту песню «своеобразной народной политической поэмой, возникшей в обстановке 60—70 гг. XVI в»⁶, и все, что не укладывается в его схему, относит за счет нелогичности построения ее сюжета. Он так и пишет «...известная сюжетная несогласованность в песне все же есть, и возможно, что она изначальна. Несогласованность эта заключается в том, что политические мотивы, столь ярко выделяющиеся в начале песни, в дальнейшем отходят полностью на задний план, уступая место мотивам психологическим, и темы, поставленные в начале, не получают своего завершения»⁷.

Мы далеки от мысли возражать В. Я. Проппу и Б. Н. Путилову в том, что песня о гневе Грозного на сына возникла в обстановке 70-х гг. XVI в. как произведение с ярко выраженным политическим содержанием, как осуждение народом опричнины и выражение утопической веры в доброту младшего царевича. Тогда, во второй половине XVI в., очевидно, именно начальные эпизоды, рассказывающие о борьбе Грозного с «изменой», о ее искоренении в русских городах Новгороде, Пскове, Москве, об опричнине, жертвою которой часто оказывался простой городской люд, о заступничестве царевича — были в песне главными и поэтому разработаны они гораздо полнее и глубже, чем во всех известных нам записях. Тогда, во втором периоде царствования Грозного, именно эти общественные явления волновали народ, и создателей песни, и их слушателей. И «Микитина вотчина» имела тогда определенный и, очевидно, вполне конкретный смысл. Вымышленный сюжет песни ничуть не нарушал ее жгучей злободневности, ее связи с совершенно определенной политической обстановкой. И никаких алогизмов в построении сюжета не было: царь беспощаден, в своей борьбе с «изменой» не щадит и простой народ; укрыться негде, даже заступничество царевича не помогло, лишь навлекло на сына гнев отца; но отважный и добрый Микита Романович по слезной мольбе царицы — матери, убив опричника-палача Малюту, спасает царевича, тем самым, ока-

⁶ Русские исторические песни XIII—XVI вв., М., Л., 1960, стр. 34. Вступительная статья Б. Н. Путилова.

⁷ Там же, стр. 656.

зывается, немало услужив и самому царю; и вот ему за это полагается награда; он просит у царя «Микитину вотчину», где можно укрыться от несправедного гнева царя и преследований опричников.

Весь сюжет песни выстраивался так, что кульминацией ее оказывался вот этот эпизод с наградой. Здесь политический конфликт песни получал свое разрешение в духе народных представлений, типичных для XVI в. — поиски справедливости еще не на путях освободительной борьбы, а в вере в некую землю обетованную, где все равны и все свободны. Эта социальная утопия позднее найдет свое более четкое художественное воплощение в цикле песен о Ермаке. Видимо, так выглядела песня о гневе Грозного на сына при ее создании и так воспринималась современниками.

Но шли годы, десятилетия, столетия. То, что волновало творцов песни — жестокий век Грозного, опричнина — ушло в прошлое и потомкам было не только чуждо, но порою и просто непонятно. И вот в песне постепенно меняется расстановка смысловых и эмоциональных акцентов. Песня из поэмы политической превращается в поэму нравственно-психологическую, отражающую целый круг народных морально-этических представлений. И, как знать, не явилось ли первым поводом к переосмыслению песни убийство Грозным сына в 1581 г.

На этом пути идейно-художественной эволюции песни эпизоды с остро политическим содержанием, актуальным для XVI в., но потерявшим свою злободневность в иных исторических условиях, стали по возможности сокращаться. Они не исключались из песни, народ всегда с уважением относится к своему историческому прошлому, но эпизоды эти, стали постепенно превращаться в своеобразный художественный штамп (общее место для данной песни — речь Грозного о борьбе с изменой, проезд царя с сыновьями по улицам обреченного города, «Микитина вотчина»). Зато более подробно и всесторонне, с удивляющей глубиной психологизма стали в песне разрабатываться эпизоды семейной драмы, дающие возможность затронуть важные и сложные нравственные проблемы. И если мы станем теперь искать художественно-смысловое зерно песни, то у нас не будет оснований говорить о сюжетной несогласованности песни в ее сегодняшнем виде.

Основная мысль песни «О гневе Ивана Грозного на сына» в известных записях, на наш взгляд, состоит в стремлении пев-

цв определить ту невидимую грань, за которой кончается служение правителя интересам государства, подчинение этим интересам личных привязанностей и даже родственных чувств, начинается злодейство, преступление и произвол деспота. Эта мысль с замечательным искусством раскрывается в сюжете песни. Начинается повествование своеобразной экспозицией. в первой версии краткой, во второй, более пространной — речью Грозного на пиру, в которой рисуется весь размах и грандиозность деяний его царствования. Здесь и взятие Казани и Астрахани, и выведение «измены» из Новгорода, Пскова и Москвы. Причем Грозный особенно гордится последним — борьбой с «изменой» в русских городах (в вариантах к названным трем добавляются еще Киев, Чернигов, понизовые города). Все это, по мнению царя, укрепило государство, упрочило его власть. Он

«Царскую перфиру на себя надел,
Царский костюль себе в руки взял.»⁸

Царь рассматривает борьбу с «изменой» как важное государственное дело.

И вот намечается главный конфликт песни — родной сын осмелился противодействовать отцу именно в этом деле. Грозный, ни минуты не колеблясь, отправляет сына на казнь. Он уверен, что действует из высших побуждений, в интересах государства, поэтому и поручает осуществление казни не рядовому палачу, а, так сказать, верховному — Малюте Скуратову. Но эта уверенность царя в законности его поступка, в оправданности его государственными интересами вовсе не разделяется народом. Наоборот, народ видит в казни отцом сына величайшее злодейство, которое ничто, никакие высшие соображения не в состоянии оправдать. В борьбу со страшным злом вступают добрые силы, которым и отданы симпатии певцов. Причем, эти добрые силы действуют вопреки воле царя.

Все дальнейшее построение сюжета основывается на этом драматическом столкновении, своеобразном поединке злого и доброго начала. Сюжет развивается необычайно динамично, что достигается искусным изображением стремительности всего действия, перебивкой эпизодов.

«Родна матушка» царица Настасья Романовна, узнав о

⁸ А. Ф. Гильфердинг. Онежские быльи, записанные летом 1871 года, 4-е изд. М. — Л., 1949—1952, т. II, № 42. В дальнейшем указываются том и номер текста.

беде, полуодетая «скорым-то бежит» к дяде царевича, своему брату Никите Романовичу, молит его спасти сына.

Никита Романович «скорѣхенько ѿн тут справился,

Чоботы надернул на босы ноги,
Шубу накинул на одно плечо,
Колпак накиннул на одно ухо,
Пал на коня не на седланого»

(Гильфердинг, II № 142)

Вот Малюта уже все приготовил к казни:

«Положен Федор Иванович на плаху дубовую,
Закрыт тонким белым полотном.

Тот Малюта Скуратов сын

Натачивал большое ножище-кинжалище».⁹

Уже «у малого Малюты», заздынута рука правая, здынута сабля кровавая». В самую последнюю минуту появляется дядюшка Никита Романович. Он еще издали кричит «громким голосом во всю голову», и Малюта «не смел спустить руки правые, сабли кровавые». Подскакав, Никита Романович «как взимал он племянничка, да крестничка, взимал со плахи дубовья».¹⁰

Иногда скорый и правый суд тут же настагает палача Малюту. Никита Романович кидает его вместо царевича «на плаху, на дубовую» и отсекает ему буйную голову.

Зло в лице Малюты примерно наказано, а добро торжествует. Но ведь Малюта — только исполнитель злой воли царя. А что же он, Грозный? Неужели мнует его кара за содеянное? Нет, народ последователен в своем суровом осуждении бессердечия и жестокости. Грозный несет в песне тягчайшее из наказаний — наказание раскаянием. Это раскаяние тем более ужасно, что царь убежден в непоправимости случившегося злого дела. Однако царь Иван Васильевич — это не Малюта, и отношение к нему царода иное. Поэтому торжество доброго начала в песне распространяется и на царя. Никита Романович возвращает царевича отцу живым и невредимым. И Грозный платит спасителю за добро добром — дарит ему «Микитину вотчину».

Так в сюжете песни раскрывается народный взгляд на про-

⁹ В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. II гр., 1915, № 125. В дальнейшем указывается номер песни.

¹⁰ П. Н. Рыбников. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, М., 1909—1910, ч. II, № 136. В дальнейшем указываются выпуск и номер песни.

блему власти и человечности, государственной необходимости и жестокости.

Та же гуманистическая мысль и в основе психологических характеристик песни. Особенный интерес, конечно, представляет в этом плане образ Грозного. Он лишен свойственной фольклору одноплановости, он сложен и многосторонен. В самом начале песни Грозный — это человек, сознающий всю важность и значительность своей миссии, это царь, немало потрудившийся на благо государства и теперь испытывающий законную гордость при виде плодов своего труда. Он исполнен спокойной уверенности в прочности своего государства и своей власти в нем.

Но что-то в этой величественно-царственной фигуре настаживает и как-то неприятно тревожит. Уж слишком подчеркивает царь свою борьбу с «изменой», видя в ней чуть ли не главную свою заслугу как государственного деятеля:

И говорил тут Грозный царь-государь Иван Васильевич:

«Повывел я изменушку с каменной Москвы,

Повывел я изменушку из Киева,

И повывел я изменушку из Новгорода

И вывел я изменушку из Обсково».¹¹

Как осуществляется это искоренение «измены», видно из слов старшего сына царя:

«А которой улицей ты ехал, батюшка,

Всех сек и колол и на кол садил;

И которой улицей я ехал,

Всех сек и колол и на кол садил»

(Рыбников, I, ч 55)

«Мы с тобой, государь, да все ехали,

Мы все казнили, да все вешали»

(Гильфердинг, II, № 142)

«Секли-рубил до единого»

(Рыбников, II, ч 136)

«Которыми улицами ты ехал, батюшка,

Теми улицами кура не пила,

И которыми ехал Малюта Скуратович,

И теми улицами кура не пила».

(Рыбников, II, № 108)

Иными словами, это борьба не против действительных изменников, а против всего населения опальных городов.

¹¹ Русские исторические песни XIII--XVI вв., Изд. АН СССР. М.—Л. № 209, стр. 321.

Под карающий меч попадает и правый, и виноватый.

Постепенно меркнет вокруг Грозного ореол мудрого правителя. В приведенных сценах он уже не великий государь, а жестокий владыка, уверенный, что государственной необходимостью можно оправдать любое беззаконие и произвол. Он настолько убежден, что только кровавыми массовыми репрессиями можно вывести измену из Русской земли, что и не мыслит себе иных средств борьбы. Более того, всякое проявление сочувствия и сострадания по отношению к своим жертвам он также объявляет изменой. Он не пощадит никого, кто осмелится на заступничество за преследуемых. Когда этим заступником оказывается его сын, пытавшийся спасти невинных от гибели, Грозный приходит в неопишущую ярость:

«Мутно его око помутилось,
Его царско сердце разгорелось».

(Гильфердинг, I, № 13)

«Грозно царь распаляется,
Скочил царь на резвы ноги»

(Гильфердинг, III, № 209)

«Тут стемнел царь, как темна ночь,
Зревел царь, как лев да зверь»

(Рыбников, II, № 136)

И вот «ярим разумом» он приказывает казнить царевича. В некоторых вариантах, не довольствуясь этим, он требует не только отсечь «у него по плеч да буйну голову», а и надеть ее на «копынце на вострое», и поставить

«...сопротивно моих палат да белокаменных,
и сопротивно ли оконечка косявчата,
и сопротивно ли моего зеркала хрустального»

(Гильфердинг, II, № 175)

Грозным руководит в эту минуту только слепой гнев против того, кто осмелился ему перечить. Он в этой сцене деспот, не знающий пределов своего самовластья. Но и в этой песне фигура Грозного — это не традиционная фигура царя-проды из мрачных филиппик князя Андрея Курбского. Это не мелодраматический злодей, а глубоко трагический образ сильного, умного, смелого в своих государственных деяниях правителя, в котором бесконтрольная власть, подобоострастие окружающих и привычка отождествлять себя с государством притупили многие естественные человеческие представления и чувства. Песня от начала до конца сохраняет отношение к Грозному не как к

мелкому садисту, а как к сильному человеку, достойному уважения, но попавшему в трагическое противоречие с самим собой. Мы не знаем, когда приходит к царю прозрение и раскаяние в содеянном. Это происходит где-то за пределами песенного сюжета. Но раскаяние приходит, и оно ужасно. Он причитает:

«Пала звезда поднебесная,
Погасла свеча местная —
Нет жива рожего дитятки,
Молода Федора Ивановича»

(Рыбников, I, № 55)

Он упрекает ближних в том, что они не удержали его в гневе:

«По ворах, по разбойниках есть застудники,
А по нас, по семенах царских, не находится»

(Рыбников, II, № 136)

Он приказывает («побликовал он указы строгне») всей Москве погрузиться в траур по убиенному царевичу:

«По матушке каменной Москвы
Приказал завесить окна сукном черным,
А по церквам велел служить он,
Служить обедни по печальному

Всем велел надеть он платья черные,
Платья черные, все печальные»

(Рыбников, II, № 136)

Можно придумать страшное наказание сыноубийце, но никакая казнь не будет страшнее мук его проснувшейся совести. Это отлично понимают творцы песни и в заключительных эпизодах они не злорадствуют, а жалеют несчастного отца, радуются пробуждению в деспоте человека, потому что деспот этот все-таки царь Иван Васильевич Грозный, сумевший, несмотря ни на что, оставить по себе у народа добрую память.

Антиподом образу Грозного, прямой противоположностью его деспотической натуре в песне оказывается младший царевич. Когда речь идет о спасении невинных, об уменьшении по возможности жертв отцовских карательных мер, царевич проявляет назаурядную энергию, сообразительность, хитрость и отвагу. Он не считает для себя возможным отказаться от участия в отцовском походе на мятежные города, открыто восстать против его воли. Он послушный сын. Но по самой природе своей, доброй и мягкой, он не в состоянии чинить кровопролития,

«казнить-вешати» всех подряд, «конем толтать» и «копьем колоть» безоружных. Свое доброе дело он вершит тайно. Он делает вид, что наравне с отцом и старшим братом примерно наказывает изменников, а сам

«Он и вешал петухов да и со курицами,
А народ да людей хранил да миловал»

(Миллер, № 125).

Иногда он тайно предупреждает население городов о надвигающейся на них грозе и дает совет:

«...ой, же вы мужики новгородские,
Вы идите во теплу сторонушку.
Как царское сердце уходится
Придите назад и век жить будете»

(Миллер, № 125).

Спасая городской люд от гнева отца, царевич проявляет немалое личное мужество, рискуя навлечь этот гнев на себя. Из гуманных побуждений сознательно идет на ослушание, на неповиновение, хотя и тайное, отцовской воле. В нем обнаруживаются героические черты, когда дело идет о спасении других. Но когда сам он становится жертвой неправогo гнева отца, то ведет себя с поразительной пассивностью. Он не предпринимает ни малейшей попытки к собственному спасению, не оправдывается, не протестует, даже не просит о помиловании и покорно позволяет Малюте взять себя за «белы руки», отвести за Москву-реку, на «поле Куликово», к месту казни.

Очевидно, здесь нашло свое художественное воплощение народное представление о сыновнем долге. Сын всегда обязан быть покорен отцу — прав отец или неправ. Но иногда отцовская неправота граничит с преступлением, ее жертвами могут стать невинные. И сын вправе не идти против своей совести, если у него на это достанет мужества. Но личная его судьба целиком в отцовской воле, отец может ею распоряжаться по своему усмотрению. Сыновнее ослушание во внутрисемейных делах никогда бы не нашло народного одобрения, ибо сказывался веками освященный патриархальный семейный уклад русского крестьянства.

Покорность царевича на пиру обуславливается в песне и чисто художественными целями. Кто может сказать, как бы повел себя Грозный, вздумай сын сопротивляться? Не поспели бы на помощь ему ни мать, ни дядя, и песня имела бы совсем иной сюжет и иное содержание.

Нравственно-психологическая проблема, лежащая в основе песни, не исключила из нее и даже не заслонила в ней историческую тему, а, наоборот, только способствовала более глубокому раскрытию противоречий эпохи Грозного в народном их понимании. Но сама разработка сюжета в направлении более этически-философском, чем историческом, обеспечила песне долговечность, обусловила непреходящий интерес к ней народа на протяжении столетий.

Ни сам народ, ни кто-либо из его представителей, как уже говорилось, не принимает участия в событиях, о которых рассказывает песня. Хотя, как справедливо заметил В. Я. Пропп, все эти события происходят на глазах народа, и к народу часто обращаются те из героев, которые выступают в песне носителями доброго, гуманного начала. Царица-мать, узнав о предстоящей казни сына, в «одних тоненьких чулочках, без чоботов» в одном «накидничке», в «платье незастегнутом»

«Бежит она по матушке каменной Москве,

Кричит да громким голосом:

«Разодвинься, народ православный,

Дайте местечка немножечко царицы благоверная!»

А народ волнуется-дивуется:

«Куда бежит царица благоверная?»

(Рыбников, II, № 136).

А Пикита Романович, предупрежденный царицей, надернув «чоботы на босу ногу», «кинув шляпу на одно ухо, кунью шубку за рукав схватив», скачет на коне неоседланном по улицам Москвы к месту казни, просит народ расступиться, дать ему дорогу:

«Стойте, народ, сторонитесь,

Дайте путь-дорогу широку,

Ехать за матушку-Москву-реку.

Ко плахе ко липовой, ко сабле ко вострой»

(Рыбников, II, № 108).

Однако в песне этот «народ» — не художественный образ, а лишь понятие — московский люд, население Москвы. Он нужен главным образом для эмоциональной окраски происходящего. Народного же героя в этой песне и не могло быть, потому что в основе сюжета песни лежит драма семейная, причем разygравшаяся в царской семье.

И все-таки народ незримо присутствует в каждом эпизоде песни. Это народ-философ, народ-судья. Он вершит самый вы-

сокий и самый правый суд над всеми героями песни. Он выражает свой совершенно определенный взгляд на целый ряд важнейших проблем: на проблему исторической необходимости и гуманности, государственной воли и личного произвола правителя, на проблему долга и чувства, моральной ответственности каждого, будь то царь или конюх, за свои поступки и прежде всего ответственности перед собственной совестью. И ценность песни не в наличии или отсутствии в ней героя из народа, а в решении всех этих проблем в духе народного мировоззрения, народных этических представлений.

Безоговорочное осуждение деспотизма и беззакония, даже если носителем его является герой, другими своими делами заслуживший признание народа, понимание (но не оправдание) причин, порою порождающих произвол незаурядной личности, стоящей у власти, глубоко народный взгляд на сущность отцовского и сыновнего долга, симпатии к тем, кто восстанет против злой воли во имя правого дела — все это дает основание считать песню о гневе Грозного на сына выдающимся произведением подлинно народного искусства, не потерявшим своей идейно-художественной значимости и по сей день.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. В. СУБРАКОВА.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕЕНИСЕЙСКИМИ

Исследования наших ученых по языку древнетюркских намятников, найденных на территории Тувы и Хакасии, говорят о том, что надписи эти принадлежали предкам нынешних тувинцев, хакасов, шорцев, алтайцев и киргизов. В книге С. Е. Малова «Енисейская письменность тюрков» упоминается, что памятники эти киргизские и «могли они принадлежать покойникам — и киргизам, и тувинцам, и тофаларам (карагасам)»¹. В эту же группу С. Е. Малов включает и хакасский язык с его диалектами, называя всю группу в целом «киргизской».

Итак, хакасский язык является одним из древнейших языков, в нем сохранились многие черты языка древнетюркской письменности. В частности, очень интересны соотношения глагольных форм современного хакасского языка с глагольными формами древнеенисейской письменности. Одни из этих форм сохранились без изменений, а другие подверглись либо фонетическим, либо семантическим изменениям.

В языке енисейской письменности так же, как и в современном хакасском, основа глагола по морфологическому составу может быть производной и непроизводной, например:

енис. бер-'давать', тик-'устанавливать'² и

хак. пир-'давать', хал-'оставаться', көр-'видеть' — непроиз-

¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952, стр. 7.

² Здесь и в дальнейшем древнеенисейские примеры приводятся из указ. книги С. Е. Малова.

водные основы, а енис. катыҕлан- 'возмужать' от катыҕ 'твердый', йерле- 'жить' от йер 'земля' и хак. сәна- 'считать' от сан 'счет', паста- 'начинать' от пас 'голова' — производные основы.

Древние аффиксы глагольного словообразования *-а -е, -ла, -ле, -к* в современном хакасском языке также являются продуктивными, отличаясь от древних лишь некоторыми фонетическими вариантами. Сопоставим глаголы с аффиксами: енис. йаша- 'жить' от йаш 'возраст', йарлыка- 'приказывать' от йарлык 'приказ', йагыла- 'воевать' от йагы 'враг, война' и хак. чурта- 'жить' от чурт 'жилище', ада- 'называть' от ат 'имя', сине- 'мерить' от син 'мера'.

-ла- ле: енис. башла- 'начинать' от баш 'голова', йерле- 'жить' от йер 'земля' и хак. улугла- 'уважать' от улуг 'большой', нанна- 'скашивать', 'прокашивать' от нан 'полоса', паста- 'начинать' от пас 'голова', кӱсте- 'наводит' (оружие), 'прицеливаться' от кӱс 'глаз'. В хакасском данный аффикс имеет варианты *-ла, -ле, -на, -не, -та, -те*.

Как в хакасском, так и в языке енисейских памятников к аффиксу *-ла* (с его фонетическими вариантами) могут присоединяться аффиксы взаимного (*-с*) и возвратного (*-н*) залогов. Например: енис. катыҕлан- от катыҕ + *ла* + *н* и хак. улуглан от улуг + *ла* + *н*, хатыҕлан от хатыҕ + *ла* + *н*, кӱстен- от кӱс + *те* + *н*, хучахтас от хучах + *та* + *с*.

-к (-ых, -ик, -ук, -ӱк): енис. йолук- 'встретиться' от йол 'дорога', бӱрӱк- 'объединяться', 'присоединяться' от бӱр 'одни' и хак. пӱрӱк- 'объединяться' от пӱр 'одни', тарых- 'сердиться', обижаться' от тар 'узкий', майых- 'установить', хыных- 'привыкать к чему-либо', учух- 'летать'.

Отрицательная форма

В памятниках письменности и в современном хакасском языке глагольное отрицание выражается одним и тем же аффиксом *-на (-не)*. В хакасском он приобрел варианты *-на, -не, -ба, -бе*.

Примеры: енис. бӱкме 'не наслаждайся', калма 'не оставайся', бӱлӱнме 'не осознавай' и хак. парба 'не ходи', килбе 'не приходи', итве 'не делай', сӱлбе 'не говори', сомма 'не купайся'.

Залоги

В современном хакасском языке, как и в языке памятников,

имеется пять залоговых форм: основной, взаимно-совместный, страдательный, возвратный, понудительный. При этом, основной залог не имеет формального грамматического показателя. Например: енис. есід- 'слушать', тыцла- 'слушать', көр- 'видеть', өл- 'умирать', 'погибать', корк- 'бояться' и хак. тынна- 'прислушиваться к чему-либо', көр- 'видеть', 'глядеть', 'смотреть', кил- 'прибывать', 'приходить', 'приезжать', хорых- 'бояться', 'пугаться'.

Конечный ш древнего аффикса взаимно-совместного залога *-ыш (-ш)* в хакасском перешел в *с (-ыс, -іс, -с)*, в диалектах может быть и *-ыш, -ш*: енис. тутыш 'воевать' от тут- 'держать', сӱзлеш 'беседовать' от сӱзле- 'говорить' и хак. көріс 'смотреть друг на друга', идіс 'делать совместно', 'помогать что-либо делать'.

В хакасском языке наблюдаются случаи, когда аффиксы взаимно-совместного залога, потеряв свое залоговое значение, служат для образования слов с новым значением. Например: кіріс- 'вмешиваться' от кір- 'входить', турыс- 'заступаться' от тур- 'стоять', күрес- 'бороться', талас- 'спорить', тоғас- 'встречаться'.

Страдательный залог представлен одним и тем же аффиксом *-ыл (-іл, -л)*: енис. адырыл- 'отделяться', 'разлучаться' и хак. азырыл- 'отделяться', 'разлучаться', сӱгіл- 'пороться', 'распарываться'.

В отличие от древнеенисейского, в хакасском языке глаголы страдательного залога могут употребляться в безличном значении: Кичее радионаң минің хынчан ырым толдырылган 'Вчера по радио исполнялась моя любимая песня'; Тан атыпча 'Рассветает'.

Возвратный залог также образуется при помощи одних и тех же аффиксов *-ын, -ін, -н*: енис. адырын- 'отделяться', білін- 'осознавать', карган- 'клясться' и хак. чазан- 'наряжаться', көрін- 'смотреться', сабын- 'бить себя'.

В хакасских словах типа сағын- 'думать', 'мыслить'; 'скучать', 'тосковать', 'грустить', 'заботиться'; хайын- 'хлопотать по хозяйству', 'убирать в доме', алын- 'лишаться ума', 'беситься', 'делать глупости', аарын- 'стыдиться', 'стесняться', 'смущаться' залоговой аффикс стал непродуктивным.

Значительные изменения произошли в оформлении понудительного залога. В языке енисейской письменности понудительный залог образуется при помощи аффиксов *-ур (-ур), -т(ӱр)*.

'убить', ыглат- 'заставить плакать', батур- 'топить, погружать в жидкость').

В хакасском языке аффиксы *-ур* и *-ыр* приобрели варианты *-ыр* и *-ір* и по своей семантике очень близки к словообразовательным. Кроме *-ыр*, *-ір* в хакасском языке понудительный залог образуется аффиксами *-тыр*, *-тір*, *-дыр*, *-дір*, *-т*; *-гыс*, *-гіс*; хал- 'оставаться' — халдыр, халгыс, пас- 'писать' — пастыр. сана- 'считать' — санат, чөр 'ходить' — чөргіс, чат- 'лежать' — чаттыр.

Наклонение

В языке памятников древнетюркской письменности четко различаются спрягаемые формы глагола по категориям наклонения, которые соотносительны с формами наклонения в хакасском языке: изъявительным, повелительным, желательным и условным.

Изъявительное наклонение

Глаголы в изъявительном наклонении выражают действие в настоящем, прошедшем и будущем временах. Поскольку в языке енисейской письменности глаголы в настоящем и будущем временах восходит к причастиям, они будут рассмотрены в разделе «Причастие». В древних текстах глагол чаще используется в прошедшем времени на *-ды*, так как авторы надписей в большинстве случаев сообщают о событиях, совершившихся в прошлом.

В хакасском языке аффиксы прошедшего времени на *-ды*, *-ді* прибавляются к основам на звонкие согласные, а *-ты*, *-ті* — к основам на глухие согласные, а в языке енисейской письменности в одних и тех же текстах встречается двойное написание после основ на звонкие согласные может писаться *-ды*, *-ді*, и *-ты*, *-ті*¹, например: енис. ерті-, ерді-, адырылты, адырылды, казганты, казганды, өлті, өлді, а в хак. нарды, чөрді, ойнады, төседі, но пасты, кисті, сапты.

¹ По поводу двойного написания этих аффиксов проф. И. А. Батманов говорит, что колебания такого рода могут служить еще одним доказательством существования в языке древних тюрков диалектных особенностей. См. И. А. Батманов. Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962, стр. 49.

В хакасском языке форма на *-ды* выражает действие, совершившееся недавно (только что) и поэтому ее называют формой недавнопрошедшего времени, в языке памятников аффикс *-ды* является выражением прошедшего категорического времени, потому ее называют формой прошедшего категорического определенного или датированного, достоверного времени⁴.

Спряжение глаголов прошедшего времени в языке древнеенисейской письменности происходит так же, как и в современных тюркских языках:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	кыл = + ды + м	кыл = + ды + мыз
2 л.	кыл = + ды + ң	кыл = + ды + ңыз
3 л.	кыл = + ды	кыл = + ды + лар

Отрицательная форма

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	кыл = + ма + ды + м	кыл = + ма + ды + мыз
2 л.	кыл = + ма + ды + ң	кыл = + ма + ды + ңыз
3 л.	кыл = + ма + ды	кыл = + ма + ды + лар

Спряжение глаголов в форме недавнопрошедшего времени в хакасском языке:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	пар = + ды + м	пар = + ды + быс
2 л.	пар = + ды + ң	пар = + ды + нар
3 л.	пар = + ды	пар = + ды + лар

Отрицательная форма

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	пар = + ба + ды + м	пар = + ба + ды + быс
2 л.	пар = + ба + ды + ң	пар = + ба + ды + нар
3 л.	пар = + ба + ды	пар = + ба + ды + лар

Примеры во фразах:

енис.: Он ай ілтді өчүм а келүрті ілімке эрдем үчүн мен йерледім 'Десять' месяцев носила (меня) моя мать. Принесла моему народу. Ради доблестей я жил'; хак.: Ол Марикке көр-нерге хынган, киіспеді 'Он хотел с Марик повидаться, не удалось' (Н. Д.); Орыс ипчі аның ондайларызын табырахталдыр-ды 'Русская женщина ускорила его выздоровление' (Н. Д.).

⁴ И. А. Батманов. Указ. соч., стр. 142.

Условное наклонение

В языке орхоно-енисейских памятников условное наклонение не имело того значения, какое имеет в современных тюркских языках: аффикс *-сар (-сер)* в этих надписях придает основе глагола не столько значение условности, сколько служит для выражения причинной связи между явлениями и представлен только в формах *-сар, -сер* (без спрягаемых форм).

Например: Атсар алп эртіңіз утсар күч эртіңіз 'Если вы стреляли, вы оказались героем, если вы побеждали, оказывались сильными (непобежденными)'; Эрдем болсар андағ эрміс 'Так как была доблесть, было так'... Эр эрдем элім болсар, булун ісрік йбрумеді 'Так как мой племенной союз обладал геройской доблестью, народ не был возбужденным'.

В хакасском же языке, как и в некоторых других тюркских языках, аффикс условного наклонения *-са (-се)* имеет озвонченные варианты *-за, -зе, тут-* 'держать' — тутса, кис- 'резать' — киссе, но пар- 'идти туда' — парза, ойна- 'играть' — ойназа, сөле- 'сказать' — сөлезе.

В хакасском языке глаголы в условном наклонении спрягаются по лицам:

Положительная форма

ед. ч.	мн. ч.
1 л. көр = + зе + м	көр = + зе + біс
2 л. көр = + зе + н	көр = + зе + кер
3 л. көр = + зе	көр = + зе + лер

Отрицательная форма

ед. ч.	мн. ч.
1 л. көр = + бе + зе + м	көр = + бе + зе + біс
2 л. көр = + бе + зе + н	көр = + бе + зе + кер
3 л. көр = + бе + зе	көр = + бе + зе + лер

Повелительно-желательное наклонение

В памятниках очень часто формы 1 л. ед. и мн. ч. желательного наклонения включаются в систему повелительного наклонения, поэтому эти два наклонения можно рассматривать вместе.

Форма 1 л. в енисейской письменности образуется при помо-

ши аффикса *-айын, (-ейін, -йын, -йін)*: *конайын* 'поселюсь-ка я', *өлүрейін* 'погублю-ка я'. В хакасском же языке повелительно-желательное наклонение в I л. ед. ч. имеет аффикс *-им, -м*: *парим* 'пойду-ка я', *сөлим* 'скажу-ка я'. Однако в хакасских текстах, записанных В. В. Радловым, повелительное наклонение встречается и в форме на *-айын (-ейін)*.

«Хан Мерген чурчумну сүрүзеин?» — «Пар!», — теңір Абахай айтты 'За Хан Мергеном — шуриным погонюсь-ка я? — Поезжай, — говорит Абахай'.

Тага сыхсаң тайаң полайн
Суға кірзең чөлөгүн полайн
Тостың хадыл туган полайн
Торғудаң пүкүл полайн
'На гору взойдешь — буду я твоим посохом,
В воду ступишь — буду я твоей опорой.
Бересты шире,
Шелка крепче будем-ка мы родственниками'⁵.

Этот факт свидетельствует о том, что в диалектах хакасского языка форма на *-айын* существовала еще до недавнего времени (примерно, 100 лет тому назад).

Форма 2 лица повелительно-желательного наклонения в памятниках встречается в двух вариантах: без аффикса и с аффиксом *-ғыл (-гіл)*: *біл* 'знай', *катыглан* 'мужайся', 'будь мужественным', *катыгланғыл* 'мужайся', 'будь мужественным'.

По поводу происхождения аффикса *-ғыл* В. В. Радлов писал, что он восходит к глаголу *кылмак*. Котвич корнем слово *кыл* — считает морфему *кы* = (*кы* по-монгольски 'делать'). В хакасском же языке этот корень сохранился в словах *хылын* — 'делать что-либо себе, для себя'; 'заниматься чем-либо для себя', 'вести себя' (*хынгани ла хылынчазың* 'как хочешь, так и поступаешь') и *хылых нрав*, 'характер'.

Форма *-ғыл* сохранилась лишь в некоторых современных тюркских языках. Ее также находим в текстах хакасских диалектов «Образцов народной литературы» В. В. Радлова, наряду с современной формой 2 л. повелительного наклонения, в вариантах *-ғыл, -гіл, -хыл, -кіл, -гүл, -күл*. Например:

Учен Пег сөлөп тур: Хара Маттыр, алыбым. күлүгім. пір епте менің білең йурттагылі мен неме йізем, сен аных йіп-

⁵ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. II, СПб, 1868, стр. 52.

йатхылі Кептің йахшызын кес йатхылі Ожен Пег и говорит: «Хара Маттыр, ты мой богатырь, живи в одном доме со мной. Чем я буду питаться, тем и ты питайся. Лучшую из одежды носи. Присматривай хорошенько за моим скотом, присматривай за моими людьми!»⁶

В современном сагайском диалекте форма повелительного наклонения передается иногда аффиксом *-ғыла* в вариантах *-гіле*, *-ғла*, *-гле*: Ойнап алдаар, чидер, нанғыла! 'Понграти, хватит, а теперь идите домой!' (*разг.*; Ниме наа көр килдер — сөлегле 'Что нового видели, рассказывайте').

Возможно современная сагайская форма на *-ғыла* восходит к древней форме повелительного наклонения на *-ғыл*.

Форма 3-го лица как в хакасском, так и в древнесирийском языках образуется при помощи аффикса *-зун* (*-зун*) с той лишь разницей: в памятниках аффикс *-зун* (*-зун*), иногда встречается в усеченной форме, без конечного *-н* в виде *-зу* (*-зун*): болзун 'пусть будет', турзун 'пусть живет'. В хакасском *-зун* имеет варианты с узкими негубными гласными: парзын 'пусть идет', пассын 'пусть нищет', сөлезін 'пусть скажет'.

1 л. мн. ч. в языке памятников имеет аффиксы *-алым* (*елім*) *-алыңар* (баралым, бараалыңар 'идемте'), а в хакасском языке *-аң* (*-ең*), *-аңар* (*-еңер*): паран, паранар 'пойдемте'.

2 л. мн. ч. имеет аффиксы: в древнесирийском *-ин*, *-ин*, в хакасском *-ыңар*, *-иңер*, *-нар*.

3 л. мн. ч. в том и другом языке образуется прибавлением аффикса множественного числа *-лар* к форме III лица единственного числа (*-зун* в древнесирийском, *-зын* — в хакасском): барзунлар и парзыннар (в хакасском *-лар* имеет варианты *-лер*, *-нар*, *-нер*, *-тар*, *-тер*).

Желательное наклонение

Желательное наклонение на *-кай* в древнесирийских текстах представлено только формой 3 лица ед. ч. (баргай), система спряжения не прослеживается. В хакасском этот аффикс варьирует в формах: *-гай*, *-гей*, *-хай*, *-кей*, *-ай*, *-ей*, глаголы с данным аффиксом имеют цельную систему спряжения.

⁶ В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 693.

Например:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	парғайбын	парғайбыс
2 л.	парғайзың	парғайзар
3 л.	парғай	парғайлар

Причастие

В языке енисейских памятников представлены только две формы продуктивного причастного образования: 1) *-ар, -ер* (варианты *-ур, -ўр, -ыр, -ір, -йур, -йўр*); 2) *-мыш, -миш* (*-мыс, -міс*).

Если в енисейских текстах причастие на *-ар* употребляется в значении настояще-будущего времени, то в хакасском языке оно обозначает действие, которое должно совершиться в будущем. енис.: Эр эрдемім (андар) калар эшім биң эрім сізіме басык тағым сізіме 'Моя доблесть, вы мои оставшиеся друзья, тысяча моих вратов, вам мои челядинцы вам'. Қаныңыз йоклайур кадаш алпыңыз қарғанур ўнўңуз 'Ваш хан возвышается, твои варищи, ваши герон и ваши голоса клянутся';

хак.: Газетаа пазынар кізілер таңда ахча ағылзыннар 'Те, кто будет подписываться на газету, пусть завтра принесут деньги' (разг.) Сииң парарынны пілбеем 'Я не знал, что ты пойдешь'.

Причастию на *-мыш, -миш* в хакасском соответствует причастие на *-ған*.

енис.: Иагыга тегмиш сў теңі йеті биң оглан ерті. 'Количество войска, выступившего против врага, было семь тысяч молодых людей';

хак.: Атхан аң терізі пар полза, килчеткен кізі ал килзін 'Если имеется шкура убитого зверя, пусть принесет тот, кто идет к нам'. Ханатха учуххан хусты харахха көрбеең 'Птицу летающую в глаза не видел'.

Кроме указанных, в хакасском языке существуют и другие формы причастий, из которых продуктивными являются: *-ғалах, -чатхан, -иған, -иген, -қаң* с соответствующими вариантами.

Несколько примеров:

Сабис аннаң илееде хатап аарчы, эрмек, хатхалах, хаяхгал парған пічірө кілеп аладыр туюхха 'Сабис у нее часто втихомолку выпрашивает аарчы (второг из айрана), сметану, не

успешные еще затвердеть масляные сырки из аарчы' (Н. Д.). Ипчилер, хыстар, чазаг ізікті ығырада азып, киис итчеткеннерге хозыл ла турганнар 'Женщины и девушки, со скрипом открывая калитку, беспрестанно присоединялись к тем, кто валял войлок' (Н. Д.). Учух париган хусты атхан 'Он стрелял в летящую птицу'. Ой киик атчаң ойларны көп аза түс парыбысхан 'Он много пересек долины, где убивал буланых косуль' (из легенды «Тасха Матыр»).

Деепричастие

В рассматриваемых языках деепричастие на *-п, -ып, -ип* является наиболее часто употребляемой: барып 'уйдя', есітіп 'услышав' (енис.) и парып 'уйдя', истіп 'услышав' (хак.).

Древняя форма деепричастия на *-чан* в современном хакасском языке не встречается, ей соответствует по своему значению деепричастие на *-п*.

В том и другом рассматриваемых языках активно употребительны деепричастия на *-а (-е, -и)*: тута 'держа', уча 'летая' (енис.) и пара 'идя', көре 'смотря' (хак.).

В хакасском языке это деепричастие чаще встречается в удвоенной форме: Чада-тура ла чөрчем 'Кое-как ложу' (то лежу, то сижу); Сагына-сагына улам сагысха түзібісті 'Долго раздумывая, он еще больше погрузился в раздумья'.

В современном хакасском языке также не встречаются древние деепричастные формы на *-у, -ү (башлайу)*, на *-матын (кыйматын)*, бытовавшая как форма отрицания деепричастий на *-п* и *-пан*. И, наоборот, современные хакасские деепричастные формы на *-ала, -ғали, -ғанча* (с соответствующими вариантами) не встречаются в текстах памятников енисейской письменности.

Сопоставление современных глагольных форм хакасского языка с древнеенисейскими позволяет говорить о том, что формы эти генетически тесно связаны между собой, и, что также очень важно, показывает, каким фонетическим и семантическим изменениям подвергались древние грамматические формы в ходе развития самого хакасского языка и его взаимодействия с другими родственными и неродственными языками.

ЗАМЕТКИ О ДВУХ ХАКАССКИХ ЭТНОНИМАХ

В. Я. БУТОНАЕВ

1. Чонгмай.

Чонгмай (или чоңмай) — наименование одного из койбалских сеоков¹, впервые зафиксированный Н. Ф. Катановым.² В официальных русских документах XVIII—XIX вв. о населении Минусинского края название сеока чонгмай не встречается. Но это не значит, что чонгмай является недавно образованным кровнородственным сеоком, так как и такие древние роды, как кистим, чо́да, ко́йек, ордыт, также не упоминаются в них. По всей вероятности он ранее входил в один из административных родов койбалов, которые, как известно, представляли собой этнический конгломерат, созданный административным путем из разнородных по происхождению и языку элементов.³

В древнекитайских источниках VII—VIII вв н. э., описывающих народы Южной Сибири, встречается этноним яньмо, который близко подходит по звучанию к наименованию чонгмай.⁴ По нашему мнению, есть смысл отождествлять эти два этнонима. В источнике сказано: «За 30 дней на юг от Бома (Бома находится на север от Цэйегу (т. е. хягасов — В. Б.) достигают туциши (тургешей), за 20 дней пути достигают поколений яньмо, няньду и люцюесыцзинь. Еще через 8 дней достигают поколения кэшинянь.

¹ Сеок — род, поколение.

² Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897, стр. 61.

³ Л. П. Поталов. Происхождение и этнический состав койбалов, «Советская этнография», 1956, № 3, стр. 45.

⁴ Древнейшие йетиронанные гласные в современном хакасском языке имеют начальное ч например, др. тюрк. юл, йаргу в в хакасском звучат чо́л 'дорога', чаргы 'суд'.

Что касается бома и яньмо, то они не имеют быков и баранов и разного (рогатого) скота. В отношении браков: они вступают в браки с туцзюэ. В обеих странах много деревьев, сосны и березы. Ежегодно собирают в оброк шкуры выдр, белых и голубых соболей, чтобы поднести старшинам.»⁵

Несколько уточненный перевод имеется в работе Ю. А. Зуева, который, однако, отождествляет поколение яньмо с именем тюркского (кыпчакского) племени йемек:⁶ «За 30 дней пути на юг страны Пегих коней приходят к туцши (тюркеш), а еще за 30 дней пути приходят к яньмо-нянь-думуюе-нцзинь, еще через 8 дней пути прибывают к поколениям кэшидань. Из них Пегие кони и яньмо (нянь) не разводят ни быков, ни баранов, ни другого домашнего скота. Их свадебные обычаи одинаковы с туцзюэским. В тех странах много сосны и березы. Ежегодно собирают шкурки соболя, выдры, белки и горноста, преподносят старейшинам.»⁷

Анализируя сообщение этого источника, приходим к следующему заключению: Туцши китайских источников, по-видимому, есть отражение названия североалтайского племени тиргеш (тургеш).⁸ А кэшидань — киштымы киргизов Енисея или же название некоторых родов Саяно-Алтайского нагорья.⁹

Таким образом поколение яньмо обитало на территории Саяно-Алтая. Обитателем этой территории является и хакасский сеок чонгмай.

Поколение яньмо и кэшидань, по китайскому источнику, были древними соседями Современный хакасский сеок чонгмай не только входит в одно племенное объединение вместе с кистим, но и считается с ним родственным, а «выговор их и теперь считают сходным между собой и тяжелый для других койбалов.»¹⁰

⁵ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961 г., стр. 54—55.

⁶ Ю. А. Зуев, Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо). «Труды Института истории, археологии и этнографии», т. 15, Алма-Ата, 1962 г., стр. 120.

⁷ Ю. А. Зуев. Указ. соч., стр. 105—106.

⁸ Н. А. Баскаков. Диалект черных татар (губа киж), М., 1965, стр. 17.

⁹ Ач-киштим — племя у северных алтайцев, кистим — род у хакасских койбалов, о чем будет сказано ниже.

¹⁰ С. Д. Майягашев. Отчет о поездке к турецким племенам долины р. Абакана летом 1913 г., «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении», серия II. № 3, Петроград, 1914, стр. 110.

Поскольку еще в XVIII в. часть поколения кистим была кетоязычной,¹¹ а также исходя из их родства с сеоком чонгмай, можно предположить о кетском происхождении и самого сеока чонгмай. Судя по древнекитайским известиям, поколение яньмо, «не разводят ни быков, ни баранов, ни другого домашнего скота», т. е. оно не было скотоводческим. В их стране «много сосны и березы». Значит, яньмо представляло из себя лесное племя. В связи с этим можно привести хакасское предание о чонгмай, в котором говорится:

«Колено чонгмай в древности, боясь мычания коров, забиралось на верхушки берез. Поэтому-то и дразнят колено чонгмай, говоря: «Чонгмай, испугавшись коровы, забрался на верхушку березы». Они, т. е. люди этого колена, сердятся за это.»¹² В форме тонкой колкости, хакасами-скотоводами ясно подчеркивается, что чонгмай раньше не разводили скот, а умение их лазать по деревьям (березе) подтверждает, что они лесное племя из местности, где растет много берез.

Исходя из приведенных данных, можно заключить что чонгмай является остатком одного из древнейшего, по-видимому, кетоязычного, лесного племени Саяно-Алтая, упоминаемого в китайском источнике, как поколение яньмо. Это еще раз подтверждает удостоверение Миллера о том, что большинство койбалов происходит от кетоязычного населения.¹³

2. Киштым

Данный этноним необходимо рассматривать в связи с его происхождением. По хакасской народной этимологии, термин киштым (по-хакасски кистим)¹⁴ происходит от слов кіс 'соболь' и тім 'шкура'. Отсюда киштым — это натуральный налог шкурами соболей, ясак.¹⁵ Аналогичной этимологии придержива-

¹¹ А. П. Дульзон. Очерки по грамматике кетского языка, Томск, 1964, стр. 3.

¹² Н. Ф. Катанов. Указ. соч., стр. 82.

¹³ Л. П. Потанов. Указ. соч., стр. 44.

¹⁴ С. Д. Майнагашев. Указ. соч., стр. 110.

¹⁵ Записано нами в с. Бейка Усть-Абаканского района в 1968 г. от хакаса Окунева Афанасия Васильевича, 1898 г. рождения, сеок ах-хасха, диалект — качинский.

ются и некоторые ученые.¹⁶ Однако другими исследователями такая точка зрения не поддерживается¹⁷.

Л. Р. Кызласов в результате исследования этого термина пришел к мнению, что его основой является хакасский глагол *хыс-* со значениями:

1) жать, сжимать, теснить; 2) принуждать, притеснять; а производное от него слово *хыстым* означает 'сдавленный', 'сжатый'. Отсюда *хыстым кизи* есть притесненный, крепостной человек.¹⁸ Однако *киштым* (по-древнетюркски *кешдим*¹⁹ по-монгольски *хэштэм*²⁰ и по-хакасски *кистим* произносится с гласными переднего ряда, тогда как глагол *хыс-* 'принуждать, сдавливать' во всех тюркских языках произносится с гласным *ы* заднего ряда. Письменные же источники, начиная с древнекитайских (кяшидань) и кончая русскими документами XVII в., употребляют этот термин с гласными переднего ряда и со смягченными согласными. А переход *ш* в периоды XVII века в *с* (в современном качинском произношении) исторически закономерное явление.

Эти факты позволяют думать о возможно ином толковании интересующего нас термина. Языковые материалы современных тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья не дают удовлетворительное объяснение значения термина *киштым*.

Можно предположить, что термин *киштым* был воспринят от древнего, дотюркского населения Южной Сибири. Причем, на такую мысль наводит и ветхость самого термина, упоминающегося еще в VII—VIII вв. н. э.²¹ Судя по топонимике в древности на указанной территории обитали самодийские племена,²²

¹⁶ Л. П. Потапов. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952, стр. 51.

¹⁷ Л. Р. Кызласов. К этимологии термина «киштым» русских документов XVII в., «Уч. записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960, стр. 182.

¹⁸ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 183. Как известно, в русских исторических документах XVII в. термин *киштым* употребляется именно со значением «зависимого от кыргызов населения, платившего им подать; данник» (см. Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 51 и Л. Р. Кызласов. Указ. соч., стр. 182—183).

¹⁹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 44.

²⁰ *Хэштэм* — род среди монгольского племени хотон, о чем сообщил нам монгольский студент Ташкентской государственной консерватории Даш Балжинням, 1930 г. рождения, уроженец г. Кобдо из племени халха. Записано в 1967 г. в Ташкенте.

²¹ Ю. А. Зуев. Указ. соч., стр. 105; С. Е. Малов. Указ. соч., стр. 44.

²² Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов, «Уч. записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VII, Абакан, 1959, стр. 73.

потомки которых вплоть до XX в. проживали на правобережной части Хакасско-Минусинской котловины.²³

Действительно это слово мы находим в селькупском языке. По-селькупски слуга, работник, крепостной, т. е. человек находящийся в зависимом положении, обозначается словом кеч (кес), с диалектными вариантами кече (кесэ), кетче, каж (кач), коч (кос), коче (коте) и т. д.²⁴ Здесь кеч по своему значению почти аналогично термину киштым русских документов XVII в., а по своему звучанию напоминает корень этого термина. Диалектные же варианты только подчеркивают его древность.

В таком случае, если кеч будет являться корнем термина киштым, то по-видимому, вторым его компонентом будет самодийское теб (тем),²⁵ тамде (селькуп.),²⁶ тен (энец.)²⁷ 'мужчина', 'племя', 'люди'. Таким образом получается: кеч+тем > кештем > киштым > кистим, что означало 'крепостное, зависимое племя', 'крепостной человек'. Подобные конструкции в самодийских языках до сих пор проявляются в самоназваниях ненцев (ненецян), нганасанов (нганасан), энцев (энетен) и переводятся только как 'настоящие люди'.²⁸

Несомненно, самодийцы, как древнее население Южной Сибири, оставили свои следы в языках народов Саяно-Алтайского нагорья. Так, в современном хакасском языке имеется немало слов, обнаруживающие общие корни с самодийскими, например: сомнах (хак.) — солак (селькуп.) 'ложка'; миске (хак.)- мишке 'гриб' и т. д. Некоторые хакасские роды (чода, зацмазы, мадор, чарча, туба) имеют самодийское происхождение, этноним хаас также считается самодийским.²⁹

О существовании самодийских языковых элементов в языке древних хакасов свидетельствуют китайские летописи. Немец-

²³ Э. Косова. Где живут камасицы, «Енисей», 1967, № 3, стр. 108.

²⁴ A. Castren. Nörterverzei chnisse aus samojedischen Sprachen, St—Pl., 1855, стр. 97.

²⁵ A. Castren. Указ. соч., стр. 97.

²⁶ Г. И. Пелих. К вопросу о родо-племенном строе нарымских селькупов. «Труды Томского госуниверситета», т. 165, 1963, стр. 142.

²⁷ Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, Сб. «Сов. этнография», т. III, М.—Л., 1940, стр. 69.

²⁸ Г. Н. Прокофьев. Указ. соч., стр. 73.

²⁹ Л. Р. Кыласов. Указ. соч., стр. 81.

кий исследователь В. Шотт пытался даже отождествлять древнекиргизский (древнехакасский) язык с самодийским.³⁰

Таким образом, как мы полагаем, термин *кыштым* мог быть заимствован хакасами из языка древнего населения Саяно-Алтайского нагорья.

³⁰ Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 126.

М. И. БОРГОЯКОВ,
кандидат филологических наук.

ОБ ОДНОЙ РУКОПИСИ ПО ХАКАССКИМ ГЛАГОЛАМ

В 1926 г. в Москве были изданы первые хакасские учебники. Год издания этих учебников официально считается началом создания письменности для хакасов, хотя подготовительная работа по составлению алфавита проводилась еще раньше.¹

Не случайно в основу первого хакасского алфавита была положена русская графика. Для этого в какой-то мере была подготовлена почва. Еще до Октябрьской социалистической революции отдельные грамотные хакасы (помимо миссионеров, издавших несколько книжек религиозного содержания на хакасском языке), пользуясь русским алфавитом, пытались на родном языке сочинять художественные произведения. Так, например, П. Т. Штыгашев, известный хакасский поэт, еще до Октябрьской революции писал стихи на родном языке, пользуясь русскими буквами. Другой хакас К. С. Тодышев (автор хакасских учебников) в городе Миусинске написал пьесу в 5-ти действиях из жизни качинцев. Он сам же поставил пьесу на двух языках (хакасском и русском).² В 1921 г. в городе Миусинске по просьбе курсантов (первых хакасских учителей) Роман Афанасьевич Кызласов сочинил песню курсантов на хакасском языке, также пользуясь русскими буквами³. Р. А. Кызласов был одним из первых инициаторов и руководителей кооперативного движения в Хакасии⁴. С начала 1921 года

¹ См. «40 лет хакасской письменности (материалы научной конференции)», Абакан, 1967.

² Там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 63—64.

⁴ См. К. Г. Чаптыков. Деятельность партийных организаций Сибири по кооперированию крестьянства (1921—1927 гг.), Абакан, 1965, стр. 67.

Р. А. Кызласов печатает заметки в газетах «Красноярский рабочий», «Власть труда» и выступает под псевдонимом «Сагайхаас». В марте 1921 г. он участвовал на совещании по подготовке хакасской письменности на основе русского алфавита, которое проходило в городе Красноярске. Он выступал за то, чтобы при составлении учебников за основу письменного языка «взять смешанное наречие сагайцев с качинским, которое является общим для всех остальных наречий»⁵. Впоследствии, как известно, за основу письменного языка были взяты близкие говоры именно этих двух диалектов.

В 1967 г. по просьбе сектора языка профессор МГУ Л. Р. Кызласов передал из семейного архива в библиотеку Хакасского НИИЯЛИ некоторые рукописные материалы Р. А. Кызласова (рукописный фонд института, № 516).⁶ Среди этих материалов, пожалуй, наибольший интерес представляет рукопись под названием «Перевод с русского на инородческий язык», в которой автор в алфавитном порядке дает около 580 русских глаголов в инфинитивной форме с их переводом на хакасский язык в формах инфинитива и первого лица единственного числа в настоящем, прошедшем и будущем временах. Работа эта проводилась в 1923 году. Понятно, не имея специального лингвистического образования, Р. А. Кызласов не мог соответствующим образом оформить хакасские слова. Алфавит еще не был создан, шла лишь подготовительная работа по его составлению на русской графической основе. В частности, автором не обозначалась долгота гласных (тастам вместо тастаам 'бросал', алиге вм. ааллирга 'гостить'); не обозначались гласные *ы, і* (леге вм. ілерге 'вешать', 'зацеплять', азриге вм. азырирга 'кормить', тхтиге вм. тыхтирга 'ремонттировать'). Носовой *я* автор передавал буквой *Н*; звуки *ѣ, ѓ* — буквой *ю*, *г* сочетанием букв *х и г* (ахгчам вм. современного литературного агырчам 'болею').

Неточности передачи хакасских звуков, как известно, наблюдались и после утверждения алфавита (в 20—30-е годы). Это и понятно. Тут было много объективных причин. Приходится только удивляться тому, что не имея соответствующего

⁵ Газета «Власть труда», 16 октября 1924.

⁶ В 1937 г. Р. А. Кызласов необоснованно был репрессирован. Реабилитирован посмертно, см. газету «Ленин чолы», 17 декабря 1966 г.

образования в то время, Р. А. Кызласов⁷ сумел составить такой словник (условно называем так), преследуя благородную цель — приобщать родной народ к русскому языку, через него — к русской культуре.

Материалы эти интересны тем, что в них отражены особенности сагайского говора, граничащего с качинским диалектом, носителем которого был и сам автор.⁸ Это — промежуточный говор (с населенными пунктами: Снявино, Бейка и др.). Поэтому в этих материалах зафиксировано своеобразное сочетание сагайского и качинского диалектов⁹. Так, например, вместо начального *п* литературного языка употребляется *б*: байиге вм. пайирга 'богатеть', блеге вм. пилерге 'знать' и др. Приведенная особенность (употребление *п* вм. *б* в начале слов) присуща качинскому диалекту, его усть-абаканскому говору. С другой стороны, глаголы в инфинитивной форме в литературном языке употребляются в форме киртинерге, а в говорах сагайского диалекта будет киртинеге 'верить', т. е. без сонорного *р* в предпоследнем слоге. Во всех словах, приведенных автором, этот *р* опускается, что характерно для диалектного произношения. В инфинитивной форме глагола после *и* допускается нарушение гармонии гласных: чуртиге 'жить', сариге 'завертывать', сахсриге 'заботиться' вместо литературного чуртирга, сарирга, сагысырирга. В то же время подобные глаголы в форме настоящего времени принимают аффикс с гласным *а* присущий качинскому диалекту: сахсрабчам вместо сагайского сагысырабчам 'забочусь' и др.

Таким образом, разбираемый материал отражает смешанный говор, в котором сосуществуют признаки двух близких друг другу диалектов, составляющих основу общехакасского языка. Автор, видимо, чувствовал эту особенность говора, поэтому предлагал взять за основу хакасского письменного языка сагайский и качинский диалекты.

⁷ Р. А. Кызласов в последующее время (в 1934 г.) окончил Ленинградский торгово-товароведческий институт Центросоюза (ныне Институт совторгвпл).

⁸ Жители улуса Бейка иногда называли себя сагай-хаасгар (сагайцы-качинцы), отсюда, вероятно, и псевдоним Р. А. Кызласова «Сагай-хаас».

⁹ Подробно об этом говоре см. Д. Ф. Патачакова. Отчет о работе диалектологической экспедиции Хакасского НИИЯЛИ в 1960. «Уч. записки хакасского НИИЯЛИ», вып. IX, Абакан, 1963, стр. 165.

Приведем несколько слов из разбираемых материалов без изменений и в том же порядке.

- Беспоконься — сахсриге, сахсрабчам, сахсрам; сахсрим;
Блевать — хусаха, хусчам, хухам, хусам;
Богатеть — байиге, байибчам, байам, байим;
Болтать — салстраха, салстрчам, салстрхам, салстрам;
Брататься — харындастанаха, харындастанчам, харындастапхам, харындастанам;
Брать — алаха, алчам, алхам, алам;
Бросать — тастиге, тастабчам, тастам, тастим;
Брызгать — чачратаха, чачратчам, чачратхам, чачратам;
Будить — усхраха, усхрчам, усхрхам, усхрам;
Бегать — чюгреге, чюгрчам, чюгргем, чюгрем и др.

Следует отметить, что почти все приведенные в словаре глаголы являются общенародными. Материалы, таким образом, представляют интерес и для изучения формирования общенародного хакасского языка.

У. Н. КИРБИЖЕКОВА

ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ 30-х ГОДОВ

Первые прозаические произведения в хакасской литературе появились в начале 30-х годов вслед за первыми букварями, книгами для чтения. Начинаящие писатели сами выступали в качестве составителей, переводчиков, толкователей и авторов учебников. Содержание и характер повествования первых произведений обуславливались самой жизнью и теми задачами, которые стояли перед народом в деле строительства новой жизни и культуры. В них авторы рассказывали обо всем, что происходило в родном краю, что принесла хакасу революция и Советская власть, о борьбе против баев, шаманов и т. п. Этот примечательный факт в духовном возрождении хакасов определил своеобразие нарождавшейся их художественной литературы. Он обусловил и сравнительно быстрое оформление ее жанров, вобравших и то, что было в арсенале устно-поэтического творчества, в языке народа, и то, что было усвоено из русской литературы и у писателей других народов.

Подобный процесс развития литературы характерен для многих младописьменных народов (алтайцев, тувинцев, бурят и т. д.). Забота партии и правительства о культурном развитии ранее отсталых народов нашей страны помогла выдвинуть уже в первые десятилетия развития литературы известных писателей, как алтаец Павел Кучияк, бурят Хоца Намсараев и др. В ряду таких самобытных писательских талантов достойное место занимают хакасские писатели 30-х годов Василий Кобыков, Михаил Коков, написавшие для своего времени превосходные произведения прозы, поэзии и драматургии. Их произведения сохранили свое художественное значение и в наше время.

В писательские ряды тех лет приходят одаренные люди, окончившие культпросветшколы, рабфаки, комвузы. Они пишут очерки, рассказы, стихи, поэмы, инсценировки и одноактные пьесы.

Большинство прозаических произведений 30-х годов построено в виде пространного повествования о жизни бедного скотовода, батрака-пастуха. Это накладывало на характер повествования и изображения печать определенной автобиографичности и достоверности.

Очерковое повествование, будь это очерк в собственном смысле или более отвлеченное художественное произведение, становится характерной особенностью литературы 30-х годов. В таких произведениях обычно образ героя становится в центре всего повествования и воплощает идеалы освобожденных от эксплуатации людей труда.

Повествование начинается с изображения жизни дореволюционного улуса, когда пастух или батрак влачил жалкое существование бесправного раба. При этом подспудная или открытая вражда между батраком и баем как бы определяет основной конфликт и движущую пружину произведения.

Так в наиболее крупном произведении Георгия Кучендаева¹ рассказывается о том, как придавленный жизнью отец Майора Харол остается ежегодно должником у сына бая Оксана. Харол не мог вырваться из нужды и вынужден был сделать торг с баем Проним, отдать ему малолетнего сына в пастухи. Но и это не улучшило материальное положение Харола. Откупившись единственной коровой от сына бая Оксана, он перебирается в русскую деревню и батрачит у русских кулаков. Здесь застает его революция.

Вторая часть очерка охватывает период революционных событий в первые годы Советской власти. Майор вырос, посещает красный уголок, обучается грамоте, вступает в комсомол.

В образе Майора многое навеяно жизнью и воспоминаниями самого автора, который был батраком, а при Советской власти окончил Коммунистический университет народов Востока. Однако в очерке жизнь героя показывается на фоне больших общественных событий, развертывающихся в улусе и оказывающих влияние на психологию людей. Именно в единстве изображения событий жизни и личных переживаний автор ут-

¹ Г. Кучендаев, Майорыц бекени, Абакан—Новосибирск, 1932.

верждает силу новых идей, раскрывает смысл глубоких перемен, происходящих в жизни хакаса. Изображая характер Майора в становлении, в развитии, Г. Кучендаев очень убедительно показывает, что Октябрьская революция приобщает батрака хакаса к строительству социализма.

По трудному жизненному пути идет герой очерка В. Кобякова² Николай Райков. Батрача у кулаков, живя в новой среде, батрак Райков постоянно слышит разговоры о большевиках, которые ведут борьбу с царем, с богачами. Здесь он усваивает новые понятия, начинает задумываться над разворачивающимися событиями и над тем, как ему поступать в дальнейшем.

В очерке хорошо раскрыты внутренние размышления героя. Трудно было неграмотному хакасу разобраться в разпорочивых суждениях, нелегко отделить правду от лжи. Страстное желание выбраться из тяжелого положения толкает его на риск и он уходит от своего хозяина, думает присоединиться к людям, борющимся за свободу. С такой мыслью батрак Николай Райков попадает в город Минусинск, где уже была установлена власть Советов.

В соответствии с тем реальным жизненным материалом, легшим в основу очерка, автор вводит героя в бурные события борьбы за Советскую власть.

В частях Красной гвардии Минусинского Совета Николай проходит настоящую боевую школу, становится активным, сознательным борцом за Советскую власть.

Очерк Алексея Алюжкова «Кола из улуса Сагдай»³ — это достоверный рассказ о тяжелой доле хакаски при царизме и о ее пробуждении. В небольшом очерке писатель ярко и эмоционально показывает тяжелую жизнь хакаской женщины-батрачки, испытавшей все тяжести подневольного труда и мерзости дореволюционного прошлого.

Много тяжелых и трагических дней испытала героиня очерка Кола. До восемнадцати лет она была работницей в родном доме, а затем, как вещь, была отдана в руки чужого мужчины за калым. Став «собственностью» мужа, Кола и здесь трудилась, не покладая рук. Понукаемая мужем, забитая, измученная, искала она спасения у хужай⁴, усердно молилась, прося пощады и сожаления, но бог был глух к ее мольбам.

² В. Кобяков, Партизан кўшнері, Абакан, 1936.

³ Сб. «Пастағы хаалағлар», Абакан, 1936.

⁴ Хужай бог.

Смирение и долготерпение хакаски изображено автором в ярких и убедительных картинах. Маленькая, ладно сложенная. Кола была выносливой, крепкой, но частые побои, непосильный физический труд сломили ее, она тяжело заболела. Шаман Лазо, вызванный для камлания, вылив с десятков ведер ледяной воды на нее, чуть не свел ее в могилу. Доведенная до отчаяния, Кола решила наложить на себя руки.

В очерке как будто рассказывается о самой обычной жизни и вместе с тем жизненная правда предстает в очерке без прикрас и преувеличений.

В соответствии с действительностью автор заканчивает свое повествование показом тех радостных событий, которые изменили жизнь хакасской женщины. Кола вступила в колхоз, стала ударницей. Она ходит в ликбез, чтобы больше знать и лучше понимать новую жизнь, которая принесла ей радость и обновление.

«Манит» Степана Балахчинна⁵ и «Алтын чул» Михаила Коква⁶ были опубликованы в праздничном номере газеты «Хызыл аал», когда Хакасия отмечала десятую годовщину со дня основания своей области. На живом, конкретном материале С. Балахчинн необычайно ярко показал процесс формирования нового человека. Манит, когда-то страшно пугавшаяся прихода первого поезда, теперь сама становится рабочим железной дороги, избирается депутатом городского Совета. Как народный избранник, она проводит большую общественную работу.

Рассказывая о прошлом, С. Балахчинн ярко и интересно передает настроение народа, ожидающего прихода чудо-паровоза. Прислушиваясь к разговору родителей, строящих разные догадки о паровозе, Манит сама втягивается в занятную беседу, и детское воображение стало создавать чудесную машину по ребяческой фантазии. Восьмилетняя Манит с трепетом и страхом ждет завтрашнего дня, когда должна появиться эта громадная и необыкновенная телега. Создавая образ «чудища-паровоза», Манит и не представляет, что на поезде люди будут ездить и что на нем удобнее и быстрее можно проехать... И вот настал этот долгожданный день. Люди все еще страшатся чуда, но смятение и испуг сменяется одобрением и похвалой.

⁵ Сб. «Мылтых табызы», Абакан, 1966.

⁶ Там же.

когда они приблизились к нему вплотную и увидели, что из вагонов выходят люди.

О приходе первого трактора в улус рассказал Михаил Коков в очерке «Алтын чул». Очерк, начатый с диалога Пачах и Одо, точно и метко характеризует духовную отсталость хакаски, запуганной, боязливой, поэтому и глухой к новым явлениям. Пачах — жена одного из активных организаторов колхоза, узнав о вступлении мужа в «кулектип» приходит к Одо, чтобы сообщить страшную новость, сильно перепугавшую ее. В восклицаниях Пачах: «Пида ла полчых Одо. Миниң нием ибине дее айланми хайда ла полза хон чөр тур! Айна таң хапырылыбысты ба!» — ясно выступает прошлая действительность, поставившая хакаску в тиски религиозного суеверия и предрассудков.

Писатель противопоставляет этому факту первые шаги колхоза «Алтын чул», ставшего пионером в деле организации коллективного хозяйства в районе. М. Коков не скрывает трудностей, которые встречались в начальный период организации колхоза. В первый год хлеб не уродился. Маловерные, усомнившись в правильности своего решения, вышли из колхоза. Но были и такие, как Кадус, крепко верившие в силу и жизнеспособность нового и твердо проводившие линию организации и укрепления колхоза.

Автор показывает какую революционизирующую силу оказал трактор на сознание темных, отсталых хакасов, покинувших колхоз. Высокий урожай, полученный на втором году коллективной жизни, вернул их обратно. Так, случай, увиденный собственными глазами, обрел под пером талантливого писателя черты живой действительности. Мы хорошо видим трудности, которые стояли на пути организации колхоза и чувствуем, как они преодолевались. Решив отдельные сценки в комическом плане, М. Коков утверждал здоровый, жизнеспособный дух народа, могущий преодолеть, побороть трудности, связанные с социальным переустройством.

Василий Кобяков, один из зачинателей хакаской литературы, сделал значительный шаг в развитии художественной прозы, заложив основу реалистического изображения. В первых же рассказах «Что видел Айдо», «Крещение»⁷ он делает заявку

⁷ Эти рассказы вошли в учебник Н. Л. Кокова «Хыгырчаң кытап», 1 чардыгы, Новосибирск, 1934.

как писатель, могущий проникать во внутренний мир человека и ярко передать чувство, вызванное глубоким и сильным переживанием.

Просто и в то же время живописно ведет рассказ о мальчике Айдо, вставляя в повествование небольшие, но яркие эпизоды, отражающие старый быт, нравы и обычаи народа. Выразительно и осязаемо рисует он и внешние приметы человека, его одежду. Вот как описывает Айдо: «Аның нісчекек мойнычагы халбах пѳріктіг пазын тіреп сыдабин, хойраларға хынчатхан чілі кѳрінче. Аның иңиінде чабал чыртых тонычах. Анзы даа панмыр сууна нинче-нинче хати сығибас, аның соонда сығдыри хатып парған. Тонының алны-кесті пїлдіс чох пола изел парған. Азахтарында улуг, улти чох ипчі кізінің маймахтары холтаннас чѳрче. Хоналтах маймахтарын тўрейінең киндір пағнаң поостанглап салған»⁴.

В приведенном описании есть типизирующая черта, необходимая для характеристики образа. Ветхая старая одежда, тоненькая шейка, худое истощенное тело мальчика говорят о бедности, тяжелом материальном положении и жалком его существовании.

Удачно используется В. Кобяковым пейзаж для изображения внутреннего состояния героя. Безысходность и горькую тоску по матери особенно сильно мальчик испытывает весной, когда целыми днями ходит за отарой. Унылая и серая растительность наводит на него щемящую тоску, хочется убежать к матери, бросив овец в степи.

Внутренний протест, назреваемый у Айдо инстинктивно, прорывается наружу после избития его баем Якыном. И он уходит куда глаза глядят.

Встретив по дороге приветливого, отзывчивого человека, Айдо получает от него большую моральную поддержку. Впервые он почувствовал, что кроме зла и жестокости существуют добро и по-настоящему человеческие отношения. Увидев в Торке работягу, своего человека, Айдо проникается к нему большим детским доверием. Шутка и непринужденный разговор, завязавшийся между женщиной и мальчиком, быстро сближает их. Участливое отношение взрослого человека к судьбе беззащитного мальчика расковывает его душу. Айдо раскрывает себя, высказывает обиду, жалуясь на бессердеч-

⁴ В. А. Кобяков, Айдо, Абакан, 1959, стр. 40.

ность, грубость и несправедливость бая. Советы, которые давал Торка, Айдо воспринимал серьезно. Живя у Торки, Айдо замечает, что его наставник куда-то уходит по ночам. Однажды, притаившись, он слышит возмущенный разговор бедняков о баях, о том, что нужно бороться с угнетателями, присоединившись к партизанам.

Айдо оказался свидетелем жестокой расправы казаков над единомышленниками Торки — Семеном, Илеком, которых враги расстреляли на глазах односельчан. Насилие над товарищами Торки укрепило мысль Айдо о справедливости борьбы, которую ведут партизаны и местные бедняки. Тревожась за судьбу Торки, Айдо не находит себе покоя. Он все время думает о расстрелянных бедняках, пытается уяснить причину их виновности.

Характеризуя литературные персонажи, писатель обращает внимание на бая Якына. Он жесток, беспощаден, скуп. Во внешних чертах, особенно в злой, сердитой физиономии проглядывают типичные свойства бая, со всеми национальными оттенками характера, тупым и жестоким нравом. Крупная, неуклюжая фигура бая наводила страх на Айдо, вызывая неприязнь: «Якын ат ұстүнде «обаа» осхас хыйын одырыбысхан килір... Харахтарын хазыра көріп, ірлене тұскен».⁹ Сравнение, что Якын сидел на коне, как каменная глыба-истукан, подчеркивает надменность богача и выделяет его имущественное положение.

Переработав рассказ в повесть, В. Кобяков раздвинул рамки повествования, ввел в произведение новый персонаж, который оставляет глубокий след в душе мальчика. Таким человеком в повести является Чабус. В рассказе его имя только упоминается, а в повести автор отвел ему значительное место. Чабус первый подал надежду Айдо о лучшей жизни. Поговорив с ним, он открыл для себя что-то новое, неизвестное. Теперь ему кажется, что его положение не будет всегда таким тяжелым, безысходным. «Придет время и счастье будет у бедняка», — сказал Чабус. Эти слова окрылили, вдохновили Айдо.

Глубже и полнее в повести раскрыта линия взаимоотношений Торки и Айдо.

Подвергнув рассказ композиционной доработке, автор ук-

⁹ В. А. Кобяков, указ. соч., стр. 148.

рупнил главы, уменьшил их количество, расширил горизонт видения мира героя, углубил его характер.

Повесть В. Кобякова «Айдо» стала важным событием в жизни молодой литературы. Ему, т. е. автору, начали подражать начинающие прозаики Андрей Кузугашев, Михаил Коков и др. В их произведениях мы находим сходные конфликты, решенные в том же ключе, и сцены, и эпизоды, свидетельствующие о заимствовании.

Остаиваясь на событиях периода гражданской войны в Хакасии, В. Кобяков правдиво показал, как шел процесс осознания бедняцкой массой хакасов необходимости борьбы с баями и кулаками за восстановление власти Советов.

В рассказах «Выстрел»,¹⁰ «Разбитый штаб бандитов»¹¹ и «Казань»¹² положительный герой сам ведет борьбу с врагом.

Выстрел, сделанный белыми бандитами в Петю Сабурова, ехавшего с письмом-донесением большого коммуниста Семена Капчигашева в штаб красных, а затем и расправа банды с братьями Капчигашевыми наполняют чашу терпения у жителей улуса Оспа, и они поднимаются на решительную схватку с врагами Советской власти.

После убийства Пети Сабурова бандиты совершают внезапный налет на улус Оспа и расправляются с коммунистом Семеном, младший брат Семена Михаил, вырвавшись из рук озверевших врагов, убегает и запирается в юрте. Вооружившись топором, он вступает в единоборство и погибает как борец. Перед смертью, не выпуская топор из рук, он крикнул: «Найдутся еще руки, которые поднимут этот топор!»¹³ (перевод подстрочный).

В первом варианте, изданном в 1935 году, рассказ заканчивался расстрелом Михаила. Глухие рыдания родственников убитых братьев переходили в ропот. Здесь протест только назревал, накапливался. Эволюцию душевного протеста мы чувствовали, ощущали, но он не был решен до конца. Во второй редакции автор дописывает новые эпизоды, вводит дополнительные персонажи — Калтына, Клада Рудакова, которые становятся носителями протестующей силы и выражают ее волю.

¹⁰ Сб. «Хакасия ырлапча», Абакан, 1935.

¹¹ Сб. «Пастагы хаалаглар».

¹² Сб. «Хакасия ырлапча».

¹³ Сб. «Мылтых табызы», Абакан, 1966, стр. 10.

Клада Рудакова теперь мы видим не только просящим о помиловании Капчигашева Егора и его сына Халтара, но и вступающим за них, требующим, дающим отпор. Его поступок не только спасает Халтара от смерти, но и оказывает на окружающих сильное воздействие. Халтар, избавившись от смерти, обретает новые душевные качества — мужество, волю, решимость. Теперь он готов мстить за убитого отца и расстрелянных дядей. «Ладно... ваш гостинец получили, теперь наше угощение ждите...»¹⁴

Топор, что был в руках Михаила оружием защиты против врагов, перерастает в символический образ. В эту символику автор вкладывает глубокий смысл, вобравший жизнеутверждающий оптимизм нового. Новое не гложет со смертью коммуниста Семена и его братьев, оно развивается, вырастая в грозную силу. Калтын, Рудаков Клад, Халтар Капчигашев подхватывают эстафету борьбы, вырванную Михаилом перед смертью.

В основу своих рассказов В. Кобяков положил реальные события, связанные с борьбой против банд Соловьева и Кулакова, действовавших в притаежных районах Хакасии. В рассказе «Разбитый штаб бандитов» Халтар Капчигашев, вызволенный Кладом Рудаковым из рук бандитов, вступает в отряд красных партизан, сформированный в лыжную команду. Этот отряд во главе с отважным командиром Овчинниковым шел в логово врага, который укрылся в неприступных тасхылах на зимовку.

Отдельные сцены, эпизоды, скрепленные в единую повествовательную нить, составляют цельный, стройный рассказ.пейзажные зарисовки, портретная характеристика, лирические отступления и другие описания органически входят в ткань повествования.

Главным организующим звеном коллектива показан командир-коммунист Овчинников. Писатель с большой симпатией рисует его образ. Внешне Овчинников уподоблен алып-богатырю, но алып он реальный, не сказочный.

Личный пример командира-коммуниста помог партизанам преодолеть снежную пургу и вынести леденящий холод и взобраться на отвесные кручи Ханым тасхыла.¹⁵

В отражении темы гражданской войны и партизанского

¹⁴ «Бандиттарнын унадылган ордазы». Сб. «Мылтых табызы», стр. 44—45.

¹⁵ Ханым тасхыл — название горы.

движения у В. Кобякова есть большая преемственность и учеба у русских советских писателей — А. Фадеева, Д. Фурманова, А. Серафимовича и др.

У рядовых партизан В. Кобяков выделяет одну какую-то особенность в черте характера. Например, Халтар Капчигашев — смелый разведчик-следопыт, Кулужек Максим — меткий стрелок и отличный знаток родной тайги, Абдуллин Ефрем — балагур, шутник, юмором одобрявший партизан.

«Казань» тоже примыкает к теме гражданской войны. Рассказ дается как лирический монолог главного действующего лица, от имени которого идет повествование.

В. Кобяков глубоко проникает в мир чувств своего героя, зримо, картинно воспроизводит пережитое. В рассказе хорошо переданы окраски изменяющихся чувств и настроений Казана.

Оглядев вызревшую колхозную пшеницу, старый артельный растух Казан восторгается ее золотисто-коричневым отливом. Некогда мертвая степь в его глазах наполнена жизнью. В олицетворенном образе степи многое заново увидел Казан. Воспоминания уносят его в прошлое, где обездолен, бесправен был бедняк. Этот переход логически оправдан, художественно мотивирован.

В таких рассказах, как «Чужой амбар», «Крещение», В. Кобяков поднимает тему социального угнетения и неравенства и дает колоритные картины народной жизни.

В рассказах «Крещение», «Чужая морда» В. Кобяков подверг резкой критике шаманство и русское духовенство, которые одурманивали и обирали темный, невежественный народ.

В первые годы Советской власти, когда борьба с шаманством, поповщиной приобретала острый классовый характер, рассказы В. Кобякова имели большую воспитательную значимость. Рассказ «Крещение» — это яркое художественное произведение, несущее не только большую идейную нагрузку, но представляющее эстетическую ценность.

В рассказе «Чужая морда»¹⁶, названном автором былью, В. Кобяков осмеивает бродячих монахов, занимающихся неблагоприятными делами — воровством, ибо на доходы, получаемые от продажи пательных крестов и деревянных икон, невозможно стало существовать.

¹⁶ Морда обл. — верша.

Весь рассказ подчинен основному замыслу — разоблачению. Писатель достиг большой разоблачительной силы. Эпизоды, где монахи крадут рыбу из чужой морды, обличают лицо служителей церкви, прикрытое под благовидной рясой. Желая полакомиться чужим добром, монахи, застигнутые врасплох, попадают в неловкое положение, срывающее с них маску ханжества и лицемерия.

Новую, свежую струю внесла в хакасскую прозу 30-х годов повесть Андрея Кузугашева (Аскизского) «Волчья стая»,¹⁷ произведение не столько эпическое, сколько психологическое. В повести отражен период установления власти Советов в Минусинском уезде Енисейской губернии, в который входила Хакасия. Автор не раскрывает внешнюю событийную сторону этого сложного процесса, а показывает, какое воздействие он оказал на сознание, психику хакасского народа. Поэтому в повести нет развернутых картин, где шло бы описание смены одних военных действий другими. Писатель останавливается на внутреннем психологическом поведении героев, рисует, как воспринимают они эти перемены, как относятся к ним, как под влиянием объективных условий меняется их мировоззрение, как революция пробудила сознание народа и подвела к активному участию в социальном преобразовании.

Действие повести происходит в застенке, куда белоказаки заключили двух хакасов — отца Васи и Айдо, сопротивлявшихся белогвардейскому произволу (реквизиции лошадей).

Анализируя действия казаков, отец Васи старается уяснить причину происходящих событий, пытается понять, кто такие красные, чего они хотят. Айдо объясняет ему, кто такие партизаны, им бог не нужен, царь не нужен, церкви они грабят, женщин с собой уводят, детей бьют. Слышал, так пои говорил в церкви, местный богач Стерафонич то же самое рассказывал на ходе. Возражая Айдо, отец Васи говорит, что дед Михаил, казаченный казаками, не так рассказывал о них. Не могу понять, чтобы только из-за церкви столько народу напрасно гибло. А эти, что отбирают у нас единственного коня, пожалуй хуже тех, кто грабит церкви. Так, стихийно отец Васи занимает сторону тех, кто борется за правду, за справедливость.

В эпизодах, где происходит знакомство двух заключенных

¹⁷ «Хакас облазыныц пастагы литературнай конкуре материалларынын сборниги», Абакан, 1935.

хакасов с русскими партизанами, писатель убедительно показывает, как классовая общность объединяет людей разных национальностей. Тревога, беспокойство Айдо за жизнь красных партизан рассеивает недоверие и отчужденность, которая возникла между ними в первые минуты. Одинаковое социальное положение сближает их, они быстро находят общий язык.

Жестокая физическая расправа, совершенная на глазах арестованных хакасов над двумя красными партизанами, производит особенно сильное впечатление на отца Васи. Сидя долгие зимние ночи над постелью больного сына, он не раз возвращается к мысли о том, что за верное дело погибли два русских партизана. Его жизнь казалась схожей с жизнью измученных партизан. Так подводит писатель своего героя к осмыслению социальной борьбы. Это прозрение происходит в долгой мучительной внутренней борьбе путем анализа пережитого, прочувствованного.

А. Кузугашев ясно показал, как шел этот сложный процесс, как духовно прозревал хакасский бедняк, как трудно осмысливал суть социального переворота.

Мастерство А. Кузугашева раскрывается в показе не только положительных образов, но и отрицательных персонажей — богача Стерафонича, атамана, эсаула, казаков — Фильки, Петра, Емельяныча.

Мы отчетливо видим, как разлагается казачья среда, как она не однородна, не монолитна. В этой среде есть люди, которые осуждают мародерство, не одобряют грабеж, насилие, грубость.

Примечательна и повесть Михаила Кокова «Радостная встреча»¹⁸, которая окончательно закрепила жанр прозы в хакасской литературе 30-х годов. Хронологически повесть охватывает значительный отрезок времени — это период коллективизации, расцвет колхозного строя и войну с белофиннами.

Период коллективизации по своему характеру был сложным и драматичным. В повести М. Кокова не прослеживается, как происходит этот процесс. Автор останавливается на отдельных столкновениях, которые были типичными для того времени.

Герой повести Настух Роман спасает молоденькую девушку, бегущую от преследования. Заступившись за Таню, Роман

¹⁸ «Художественная произведенийлернинь сборинги», Абакан, 1949.

вступает в конфликт с Чомитом, Соркаем. Конфликт, возникший здесь на личных взаимоотношениях, переносится на общественную социальную почву. Отец с сыном, мстя Роману за спасенную Танию, режут ночью колхозных овец, охраняемых Романом. Они оказались злостными врагами Советской власти. Арестом врагов линия повествования о Соркае, Чомите заканчивается.

Судьба двух молодых людей становится главным звеном повествования. Она дается на фоне жизни целого коллектива — колхоза. Роман мужает, взрослеет вместе с ростом, расцветом колхозного строя. После армии он учится на комбайнерских курсах, работает в колхозе и участвует в войне с белофиннами.

Герои повести — пастух Роман и девушка Таня включены в конфликт, приобретающий общественное содержание, становятся участниками социальной борьбы. Их личная судьба разворачивается в единстве с жизнью большого коллектива, и решение общих задач способствует формированию характера и мировоззрения героев.

Повесть М. Кокова и по своему замыслу, и по художественному исполнению сложна, многопланова, многопроблемна. Широкий охват событий общенародного значения соединен в ней с психологическими коллизиями и социальными конфликтами, что позволяет воссоздать широкое полотно эпохи.

Таким образом, в 30-х годах благодаря произведениям Василия Кобякова, Андрея Кузугашева, Михаила Кокова, проза утвердилась в молодой хакасской литературе, как самостоятельный жанр, из которого затем вырастут крупные эпические произведения, повести и романы.

ПЕРСОНАЛИИ

В. Д. ГУРНИЦКИЙ — ПИСАТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК

(к 90-летию со дня рождения)

Это был человек необычной судьбы. Он родился в Польше, а умер в Хакасии. По профессии был рабочим — каменотесом, но в конце жизни стал хакасским писателем. Не имея голоса, он обладал абсолютным слухом. Играл на многих музыкальных инструментах, особенно любил скрипку. Ни дня не проучившись в школе, был высокообразованным человеком.

Он имел жесткие ладони рабочего и лицо утонченного интеллигента с мощным лбом и умными глазами, спрятанными за маленькими очками с толстыми стеклами. Сухонький, слегка сгорбленный, всегда носивший усы и бородку, с неизменной трубкой в руках, он был похож на старичка, но имел ослепительную улыбку и легкую пружинистую походку юноши. Будучи пожилым человеком, с удовольствием участвовал в московских семинарах молодых писателей и в абаканских молодежных шахматных турнирах. Очень любил детей, ценил юмор и шутку, часто смеялся. Не унывал даже в самых тяжелых обстоятельствах.

Около четверти века его считали стариком и даже патриархом, хотя он умер шестидесяти семи лет от роду. 50 лет он прожил в Хакасии. Достаточный срок, чтобы по справедливости считать эту землю своей второй родиной и полюбить ее навсегда. Будучи поляком по рождению, он всегда называл себя хакасом, знал хакасские обычаи и обряды, был женат на хакаске Евдокии Николаевне Тинниковой из Аскиза. Хорошо владел русским, польским и немецким языками, он знал и хакасский язык, но стеснялся своего происхождения.

Он страстно дорожил земляками-сибиряками: русскими, хакасами, украинцами, латышами, татарами и людьми других национальностей. С ними он дружил, состоял в родстве, их изучал и описывал. Они были информаторами-рассказчиками, героями его произведений и первыми их читателями. Как многие настоящие сибиряки, он был убежденным интернационалистом. Две его дочери вышли замуж за хакасов, две другие — за русских и одна дочь — за украинца.

Вот как вспоминает о нем в «Литературной газете» (№ 113 от 19 сентября 1957 г.) писатель Михаил Скуратов: «Мне приходилось встречаться с очень уже старым русским писателем «самоучкой», поляком по происхождению — Витольдом Домениковичем Гурницким. Семнадцати лет он был заброшен судьбою в Сибирь, женился там на природной хакаске, и когда я его встретил, он уже пустил многие отростки от себя, став не только дедом, но и прадедом. Сидишь, бывало, у него дома и видишь вокруг себя многочисленное молодое племя, среди которого он как патриарх; а за столом — и типичные хакасы, с черными жесткими волосами, с характерным очерком острых скул, и голубоглазые белокурые славяне. А все они — родные братья и сестры, внуки и внучки».

Его дом в городе Абакане (Черногорская улица, № 38) всегда был полон проезжими людьми: охотниками и писателями, колхозниками и фольклористами, агрономами и бывшими партизанами, горными инженерами и пастухами, поэтами и кооператорами. В каждом человеке он умел разглядеть что-то необычное, ценное, присущее только ему.

С ним советовались, поверяли семейные тайны и рассказывали без утайки любые факты из своих часто незаурядных биографий. Не справляясь с трудным произношением имени и отчества, знакомые люди любовно называли его Виталием Деменгьевичем, а родственники — просто дедушкой Витей.

Витольд Доменикович Гурницкий родился в деревне Ближин Конского уезда Радомской губернии 3 (15) декабря 1880 г. в семье крестьянина. В 1884 г. отец его, Доменик Николаевич, был сослан на поселение в Восточную Сибирь, а мать, бросив детей на произвол судьбы, уехала служить в город. С пятилетнего возраста беспризорный мальчик оказался в городе Шидловец в семье старого плотника. Вскоре он стал работать свиннопасом, а затем учеником на экипажной фабрике. В 1888 г. Витек попал в Варшаву, где десять лет проработал в типогра-

фии курьером и рабочим. Здесь он самоучкой научился читать и писать, испортил себе зрение на ночных работах и отравил организм свинцовой пылью.

Списавшись благодаря случаю с отцом, которого он не знал, одинокий юноша испросил разрешения для добровольного переезда к ссыльному отцу в Сибирь. Не имея средств, он был доставлен туда «за казенный счет», т. е. по этапу вместе с преступниками. Так летом 1898 г. семнадцатилетний Витольд оказался на Чибисжекских приисках Кизирской системы Минусинского округа, которыми владел Мухин.

В Сибири Витольд Доменикович работал на золотых приисках старателем и шахтером. Весной 1900 г. переехал на прииск И. П. Кузнецова по речке Узунжулу притоку Камышты. Там, двадцати лет от роду, он женился на хакасской девушке Дуне Тишиковой. Затем работал запальщиком динамита на рудниках Кузнецова — Неожиданном и Сартыгое, писарем в деревне Малый Хабык, а в 1908 г., вместо с семьей, оказался в г. Красноярске.

Три года В. Д. Гурницкий работал грузчиком и экспедитором в газете «Красноярский вестник». В последующие два года участвовал в работах по ликвидации Казачинских порогов на Енисее и ездил один по приискам. В 1916—1919 гг. В. Д. Гурницкий — рабочий на стекольном заводе Данилова. После разгрома Колчака семейство Гурницкого переехало в город Минусинск.

Несмотря на малограмотность, еще в Варшаве Витольд Доменикович участвовал в маевках, а в Красноярске был вовлечен в рабочее движение. Он стал связным большевистской ячейки стекольного завода.

В 1919 г. В. Д. Гурницкий организовал артель «Каменотес» в пос. Горный на Тагарском остроге, в 8 км. от города Минусинска. Артель вырабатывала жернова, точила и бруски. В 1927 г. артель переехала на станцию Абакан, а в 1930 г. она переключилась на производство стройматериалов, построила алебастровый завод на разъезде «Оросительный» и снабжала алебастром многие новостройки Сибири (Кузнецкстрой, Кузбассуголь, Сибстройпуть и др.). До 1933 г. В. Д. Гурницкий был постоянным председателем этой артели, называвшейся уже «1-я пятилетка».

В 1933—1939 гг. Витольд Доменикович работал инспектором в конторе «Уполномоченного наркомата заготовок по Хакасской

автономной области», а в 1940 г. вышел на пенсию и посвятил себя чисто литературному труду.

Будучи общительным и наблюдательным человеком, хорошо знавшим местные условия и быт, Витольд Доменикович уже в 1923 г. стал постоянным рабочим корреспондентом выходящей в Минусинске газеты «Власть труда». Его статьи и заметки 1923—1926 гг. подписаны псевдонимом «Точило». В 20-е и 30-е годы он печатал свои корреспонденции в газетах «Советская Сибирь», «Красноярский рабочий» и «Советская Хакасия».

Годы сотрудничества в газетах (без отрыва от производственной деятельности) были одновременно годами писательской школы. Исподволь росло мастерство, оттачивался стиль, приобретался опыт. Вместо заметок на производственные и культурно-бытовые темы появляются уже небольшие рассказы и сказки В. Д. Гурницкого.

В 1936 г. Витольд Доменикович устанавливает связи с оргбюро Союза советских писателей по Красноярскому краю, посылает туда рукописи своих рассказов, пользуется консультациями, заканчивает первую часть автобиографической повести «Шагом по жизни».

В Абакане в 30-е годы еще не было своих профессиональных литераторов. В доме Гурницких теперь часто появляются приезжие писатели, поэты и фольклористы. Заходят местные газетные работники и начинающие любители литературы. У «дедушки Гурницкого» авторы читают новые прозаические и поэтические произведения, обсуждают их, спорят, играют в шахматы, ведут доверительные беседы.

В 30-40-е годы в доме Витольда Домениковича бывали писатели А. Кожевников, С. Сартаков, М. Скуратов, В. Ширягин; поэты: Н. Ерошин, Г. Суворов, П. Штыгашев; фольклорист А. Гуревич, директор крайгиза И. В. Кокорев, а также начинающие в то время хакасские литераторы М. Коков, Н. Доможаков, М. Кильчицаков и другие.

В 1938 г. Красноярское издательство приняло к публикации повесть В. Д. Гурницкого «В хакасских стенах», которая вышла в свет в двух книжках «Красноярского альманаха» (Книга 1-я, 1940 г. и книга 2-я, 1941 г.). Это произведение, правдиво отразившее яркие события гражданской войны, было насыщено местным хакасским, удивительно теплым колоритом. Его радостно встретили читатели Хакасии. Многие из них впервые познакомились с художественным произведением о родной зем-

ле, впервые узнали литературных героев, так похожих на них самих.

Началась Великая Отечественная война. Уже осенью 1941 г. стало ясно, что она будет длительной и суровой. В. Д. Гурницкий считает себя мобилизованным на трудовой фронт. Он заменяет ушедшего в армию председателя одной из промысловых артелей города Абакана.

Будучи старым человеком, Витольд Доменникович работает с большим напряжением сил, чтобы снабжать армию теплой одеждой, обувью, снаряжением и т. п. Основной контингент рабочих в то время составляли женщины-солдатки и их дети. О них также надо было заботиться...

Но этого мало. Писатель Гурницкий становится постоянным сотрудником газеты. Весь период войны на небольших тогда по размерам страницах областной газеты «Советская Хакасия» появляются его политические памфлеты, злободневные очерки, современные по содержанию сказания, оправленные в художественную форму мудрых хакасских сказов.

Трудом и пером помогал В. Д. Гурницкий всенародной борьбе и победе над ненавистным фашизмом. На старости лет он вступил в Коммунистическую партию, чтобы находиться в рядах передовых борцов. Он вынес тяготы и лишения военного времени, но здоровье было подорвано. Подвигом были последние годы его жизни. Даже сраженный тяжелым недугом он все время сохранял ясность мысли и работал. 11 июля 1947 г. его не стало...

Творчество Витольда Доменниковича Гурницкого занимает определенное место в истории литературы Советской Хакасии. Насущной необходимостью является выпуск в свет избранных произведений писателя.

Профессор Л. Р. Кызласов.

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ БАБУШКИН
1907—1969

Тюркологическая наука понесла утрату. 16 марта 1969 г. на 62 году жизни после тяжелой болезни скончался кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Георгий Федорович Бабушкин.

Родился он в улусе Казас бывшей Томской волости Кузнецкого уезда (ныне Мысковский район Кемеровской области) 23 апреля (по старому стилю) 1907 г.

Свой жизненный путь Георгий Федорович начал в трудных условиях. Родители его умерли рано и он вместе со своим младшим братом остается без присмотра и опоры.

В 1926 г. он поступает учиться на Томский рабфак, где в 1930 г. вступил в ряды ВКП(б). В 1931 году, после окончания рабфака, поступает на учебу в Институт народов Севера в Ленинграде. В 1934 г., после окончания этого института, он был оставлен в аспирантуре для подготовки к научной деятельности. По окончании аспирантуры в 1937 г. работает в городе Новосибирске, пишет учебники по шорскому языку. Некоторое время работает в Горном Алтае.

Георгий Федорович — участник Великой Отечественной войны. После демобилизации из армии он возглавляет в Горно-Алтайске научное объединение по алтайскому языку и литературе. С 1950 г. работает в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории и одновременно ведет преподавательскую работу в Абаканском педагогическом институте. С 1956 по 1961 год он преподавал в Кызыльском пе-

дагогическом институте и одновременно занимался научной работой в Тувинском НИИЯЛИ.

В октябре 1961 г. Георгий Федорович был принят на работу в Хакасский НИИЯЛИ, в сектор языка. Им составлены программы курсов лекций для Абаканского педагогического института по хакасской диалектологии и по тувинскому языку.

Георгием Федоровичем Бабушкиным написано и издано несколько учебников по шорскому языку и более тридцати научных работ по шорскому, хакасскому, тувинскому и алтайскому языкам. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы прилагательных в хакасском языке». В соавторстве (с Г. И. Донидзе) написал и опубликовал «Очерк по грамматике шорского языка» (см. сб. «Языки народов СССР», т. 2, М., 1966 г.). Его работы публиковались в изданиях Хакасского и Тувинского НИИЯЛИ, а также в других научных учреждениях (во Фрунзе, Баку, Москве). Практическое знание тюркских языков Южной Сибири давало возможность ему изучать их в сравнительном плане. Своими научными трудами он был хорошо известен в тюркологической науке.

В последнее время своей жизни Георгий Федорович находился на пенсии.

Светлая память о Георгие Федоровиче Бабушкине, ученом-тюркологе, навсегда сохранится среди его коллег и друзей.

Группа товарищей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ ГЕОРГИЯ ФЕДОРОВИЧА БАБУШКИНА:

1. Грамматика шорского языка. Учебник для средней школы, ч. 1. Фонетика и морфология. Новосибирск, 1935 г.; II издание там же, 1938 г.
2. Орфография шорского литературного языка. Новосибирск, 1938 г.; II издание там же, 1940 г.
3. Шорский букварь (в соавторстве). Новосибирск, 1939 г.
4. Учебник шорского языка для III и IV кл. начальной школы. Новосибирск, 1938 г.
5. Шорские сказки (сб. на шорском яз.). Новосибирск, 1939 г.
6. Шорско-русский словарь (рукопись, 10 л.).
7. Вопросы развития лексики хакасского языка, сб. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. III, Абакан, 1954 г.

8. Вопросы прилагательных в хакасском языке. Рукопись. Абакан, 1952 г. Вопросы прилагательных в хакасском языке. Автореферат канд. дисс., Абакан, 1953 г.

9. Вопросы хакасской общественно-политической терминологии, сб. «Вопросы хакасского языка и литературы», Абакан, 1955 г.

10. Очерки сравнительного описания хакасских диалектов. Рукопись, 1954 г. (5 п. л.)

11. Русско-тувинский школьный словарь (в соавторстве), Кызыл, 1958 г.

12. О значениях и синтаксических функциях деепричастий в тувинском языке. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VII, Кызыл, 1959 г.

13. О структуре придаточных предложений в тувинском языке «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. VIII, Кызыл, 1960 г.

14. Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка, там же.

15. Материалы по Монгун-Тайгинскому говору. «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», вып. IX, Кызыл 1961 г.

16. Значения и функции хакасских деепричастий. «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. X, Абакан, 1964 г.

17. Очерк грамматики шорского языка (в соавторстве). Сб. «Языки народов СССР», т. II, М., 1966 г.

18. Очерк шорской диалектологии. Сб. «Очерки диалектов тюркских языков», М., 1969 г. (печатается).

19. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка. Сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV, Баку, 1966 г.

20. О шорской диалектологии. Сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков», Фрунзе, 1968 г.

21. Современная и древняя енисейка (в соавторстве). Фрунзе, 1962 г.

22. О сложноподчиненном предложении в тувинском языке. (рукопись, 3 а. л., Кызыл, 1960 г.)

23. Очерк языка качинцев. Рукопись, 5 а. л., Абакан, 1965 г.

* Список составлен на основе перечня работ и рукописей, составленного самим автором в 1967 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

Книга К. Ф. Антошина¹ «Жизнь молодой литературы» ставит своей задачей дать общее представление о путях развития хакасской литературы со времени ее зарождения до наших дней. Плодотворной представляется основная идея работы о развитии хакасской литературы в тесной связи с общественной жизнью Советской Хакасии и в то же время как об относительно самостоятельном процессе, в котором прослеживаются специфические внутренние закономерности. Одной из них является диалектическое превращение идейно-художественных достижений хакасской литературы на ранних этапах ее развития в границы, препятствующие ее дальнейшему росту. Разрешение этих противоречий, по мнению автора книги «Жизнь молодой литературы», осуществляется посредством благоприятных факторов и, прежде всего, благодаря бурному развитию экономики и культуры советского общества, влиянию русской советской литературы и более богатых опытом тюркских литератур. Таким образом, хакасская литература имеет все возможности постоянного обновления и идейно-художественного совершенствования. Эта идея, по нашему мнению, может быть положена в основу большого теоретического исследования.

В задачу автора входило прослеживание этого процесса в доступной для широкого круга читателей форме. Книга представляет собой ряд увлекательно и живо написанных очерков, связанных внутренним единством. Структура книги отличается компактностью и логической стройностью. Деление на четыре

¹ Константин Антошин. Жизнь молодой литературы. Красноярское книжное издательство, 1967, стр. 72. Тираж 2500 экз.

главы: I. От фольклора к письменной литературе, II. Поэзия набирает высоту, III. Путь национальной драматургии, IV. Рождение прозы — позволило автору, не отвлекаясь от хронологической последовательности внутри каждого раздела, проследить жизнь жанров поэзии, драматургии, прозы. Автор рассматривает творчество ряда поэтов, прозаиков, драматургов: М. Кильчичакова, Н. Доможакова, И. Котюшева, И. Костякова, М. Чебодаева, П. Тинникова, М. Баннова и других.

Наиболее ярко написана глава «Поэзия набирает высоту». Автор тонко чувствует лирику, своеобразие творческой палитры каждого поэта, умеет оттенить при разборе стихов национальный колорит. Его критические замечания являются справедливыми, высказаны в тактичной форме и несомненно окажут серьезную помощь хакасским поэтам в их творческом росте.

Характеризуя путь развития советской драматургии, автор прослеживает его по этапам от конца 20-х начала 30-х годов до наших дней, освещая при этом взаимосвязи и творческое сотрудничество хакасских драматургов с областным драматическим театром и его национальной труппой. Автор очень увлечен освещением драматургии М. Е. Кильчичакова, уделив, к сожалению, всего один абзац драме «Акун», этому этапному произведению, с которого началось развитие хакасской драматургии по пути социалистического реализма. Критический разбор пьес М. Е. Кильчичакова «Всходы» и «Медвежий лог» и их постановок на сценах Хакасского областного и столичных театров отличается объективностью и привлекает живой и яркой манерой изложения.

В разделе «Рождение прозы» автор подробно рассматривает первое в хакасской литературе крупное эпическое полотно — роман Н. Г. Доможакова «В далеком аале», сопоставляя между собой две его редакции. Оценка романа как произведения народного и самобытного дана верно и полно, раскрыто умело его художественное своеобразие.

Уделив из произведений других прозаиков относительно большее внимание рассказам С. Чаркова и М. Чебодаева, автор ограничивается иногда лишь упоминанием ряда повестей, рассказов и очерков Т. Балтыжакова, И. Котюшева, И. Костякова, И. Капчигашева, И. Доброва и других, но его наблюдения над процессом роста хакасской прозы и критические замечания принесут несомненную пользу хакасским прозаикам.

Заслугой К. Ф. Антошина является постановка вопроса о

значении родного фольклора для развития и обогащения хакасской советской литературы. Интересны наблюдения автора книги над таким явлением, как двуязычие, приобретающее широкое распространение среди малых народов в наши дни и являющееся отражением типичного для этих народов процесса активного овладения русским языком.²

Бесспорным достоинством книги является образный язык автора, умение прибегнуть к яркому сравнению, метафоре, меткому эпитету для экономного выражения мысли.

Бурный рост всех родов молодой хакасской литературы естественно опережает литературоведческие исследования, иногда даже литературную критику. В этих условиях книга «Жизнь молодой литературы» вполне своевременна и способствует развитию литературной критики в Хакасии.

М. Унгуицкая, доктор филологических наук.

² К. Антошин. Указ. соч., стр. 71.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Ф. Патачакова. Парно-сочетающиеся слова в хакасском языке	5
И. А. Оглоблин, Д. И. Чанков. О фонологической значимости гласного и в системе вокализма хакасского литературного языка	21
И. А. Оглоблин. Дистрибуция гласных фонем и некоторые проблемы гармонии гласных в хакасском литературном языке	27
Ф. Т. Андреева. Лексическая синонимия говора села Таштып Хакасской автономной области	46
Ф. Т. Андреева. Источники лексической синонимии говора села Таштып Хакасской автономной области	58
М. Е. Килижеков. Понятие слога в английском и хакасском языках	69
М. И. Боргояков. Этнические и географические названия в енисейских памятниках древнетюркской письменности	77
В. Е. Майногашева. О традиционном бытовании хакасского героического эпоса—алыптыг ымах	95
П. А. Трояков. Истоки сказочных сюжетов, связанных с использованием загадок-иносказаний	114
Л. Р. Кызласов. О литературе и фольклоре средневековых хакасов	130
П. А. Трояков. Мотив закапывания ханского сына в хакасских сказках	138
Л. С. Горопова. К вопросу об идейном содержании песни «Гнев Ивана Грозного на сына»	155

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. В. Субракова. Глагольные формы хакасского языка в сопоставлении с древнеенисейскими	168
В. А. Бутонаев. Заметки о двух хакасских этнонимах	178
М. И. Боргояков. Об одной рукописи по хакасским глаголам	184
У. П. Кирбижекова. Очерки, рассказы, повести 30-х годов	188

ПЕРСОНАЛИИ

Л. Р. Кызласов. В. Д. Гурникий—писатель и человек (К 90-летию со дня рождения)	201
Георгий Федорович Бабушкин	206

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. А. Унгвицкая. Своевременная книга	210
--	-----

Цена 80 коп.

77